

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

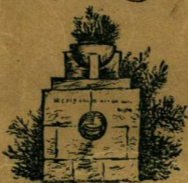
e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ИЗ ИСТОРИИ города ВОРОНЕЖА

История города и ее исследова-
тели. Телеграммы В.И. Ленина
в Воронеж. Первые годы суще-
ствования города. Пригороды
Воронежа - Костенск и Орлов.
Место корабельной верфи. Кобне-
лий де Жруин в Воронеже. Опи-
сания города XVIII и XIX веков.
Постройки Джакомо Кваренги
в Воронеже. Краеведческие
общества в Воронеже

Государственной
библиотеки
имени
Н. С. НИКИТИНА

31.10.99

25.11.99

13.02.01

29.10.01

13.02.03

6.04.02

К 9(с)
К 1132

ИЗ ИСТОРИИ
города
ВОРОНЕЖА

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. И. С. НИКИТИНА

0299406

Издательство
Воронежского
университета
Воронеж
1984

1 00 12

В сборнике рассматриваются различные вопросы истории г. Воронежа, 400-летие которого отмечается в 1985 г. Излагается история Воронежа со времени его основания, анализируются основные работы исследователей истории города. Читатель познакомится с не известными ранее фактами связи В. И. Ленина с воронежцами. Большое внимание уделено спорным и не вполне ясным вопросам ранней истории города, для решения которых авторами широко используются архивные материалы. Впервые освещается история ряда краеведческих обществ и организаций.

Издание предназначено для краеведов, учителей, научных работников, студентов, а также для всех интересующихся историей нашей страны.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук В. П. Загоровский (науч. ред.),
канд. ист. наук Д. Д. Лаппо, канд. ист. наук В. М. Проторчина,
канд. ист. наук В. И. Панова, канд. ист. наук М. Д. Карпачев

*

ИЛЛЮСТРАЦИИ-ЗАСТАВКИ

Александровское женское училище. В 1930-е гг. — средняя школа № 4 им. М. С. Ольминского. Здание не сохранилось. Фотография начала XX в. — с. 3.

Бывший губернаторский дом, в 1917 г. — «Дом народных организаций», штаб революционных сил (проспект Революции, 22) — с. 29.

Успенская (Адмиралтейская) церковь — исторический и архитектурный памятник XVII—XVIII вв. Фотография 1926 г. — с. 42.

Воронеж в XVII в. С картины художника М. Салтыкова — с. 52.

На корабельной верфи. С гравюры XVIII в. — с. 63.

Воронеж в 1703 г. Фрагмент

гравюры Корнелия де Бруина — с. 70.

Здание губернского правления (конец XVIII в.). Фотография 1920-х гг. (проспект Революции, 23) — с. 77.

Одно из зданий несохранившегося архитектурного ансамбля Митрофановского монастыря. Фотография начала XX в. — с. 87.

Воронежский театр. Фотография начала XX в. — с. 99.

Цейхгауз петровской эпохи (со старинной гравюры). Здание не сохранилось — с. 115.

«Воронежский дворец» (XVIII в.). Ныне музей изобразительных искусств. Фотография начала XX в. — с. 125.

*

В. П. Загоровский

ИСТОРИЯ ГОРОДА ВОРОНЕЖА И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Данная статья состоит из двух частей. Первая часть — это краткий научно-популярный очерк истории г. Воронежа. В его основу легла моя заметка «Воронеж» из книги «История Воронежского края от А до Я» (Воронеж, 1982). Цель очерка — дать общую схему истории города, с помощью которой читателю станут более понятными положения и выводы, содержащиеся во втором разделе статьи. Вторая часть статьи — историографическая, в ней делается попытка проследить ход изучения истории Воронежа, оценить вклад отдельных исследователей, выявить определенные этапы, грани и тенденции в этом процессе.

1

Наиболее раннее упоминание слова «Воронеж» в русских летописях (Никоновской, Лаврентьевской, Ипатьевской) относится к 1177 г. Согласно гипотезе автора этой статьи название «Воронеж» было перенесено в Придонье, на южную окраину Рязанской земли, древнерусскими переселенцами из Черниговской земли, где до сих пор сохранился в Сумской области УССР поселок Воронеж. В Рязанской земле оно повторилось в названии городка, области, а затем и реки Воронеж. В результате Батыева нашествия и установления монголо-татарского ига на Руси рязанская область Воронеж была опустошена, но название реки осталось. Позже, в 1585 г., новый город, основанный в низовьях этой реки, получил имя по реке — Воронеж. Есть и другие

предположения, объясняющие появление названия «Воронеж» в придонском крае. Из их числа отмечу гипотезу ленинградского профессора А. И. Попова, согласно которой слово «Воронеж» было заимствовано славянами у соседних финно-угорских народов (мордвы) и связано с распространенным в финно-угорских языках корнем «вир», «вёр», означающим — лес, лесной.

Существующий ныне современный г. Воронеж был основан как пограничная крепость на юге Русского государства в 1585 г. Полный текст царского указа об основании Воронежа не сохранился (либо пока не найден учеными). Сохранилась небольшая выдержка из указа, включенная весной 1586 г. в распоряжение об организации сторожевой службы на южной окраине России. Этот документ был обнаружен в 40-х гг. XIX в. в архиве московским профессором И. Д. Беляевым и неоднократно воспроизводился в печати. Место для города было выбрано русскими воеводами Семеном Сабуровым, Иваном Судаковым (Мясным) и Василием Биркиным на правом берегу р. Воронеж. Имеется подробное описание г. Воронежа, составленное в 1615 г. В Воронеже существовали тогда две независимые друг от друга деревянные крепости: город и острог. Меньшая по размерам («город») располагалась в начале спуска по современной улице Володарского; большая («острог») захватывала современную Университетскую площадь и прилегающие улицы. Основную часть населения города составляли мелкие служилые люди: стрельцы, казаки, пушкари, затинщики, ворóтники. Профессиональных ремесленников и торговцев («посадских людей») было сравнительно немного. В остроге и за его пределами размещались городские слободы. В Воронеже проживало тогда 6—7 тысяч человек. В 1648 г. в Воронеже произошло городское восстание мелких служилых и посадских людей. Его возглавил казак Герасим Кривушин. До 90-х гг. XVII в. Воронеж сохранял внешний вид военной крепости.

Новый этап в истории города приходится на 1696—1711 гг. В это время Воронеж стал центром российского кораблестроения. Значительно увеличилось население города. В приречной части города поселились русские и иностранные офицеры флота, корабельные мастера, матросы. Здесь же стоял дворец Петра I, дома его сподвижников: А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина. В 1705 г. южнее Воронежа, на левом берегу р. Воронеж, был основан г. Тавров, куда

постепенно стало перемещаться воронежское кораблестроение. На месте г. Таврова расположено современное с. Таврово; в административном отношении оно находится в подчинении Левобережного райисполкома Воронежа.

В 1711 г. Воронеж стал губернским городом, центром обширной Азовской губернии. С 1725 г. он — административный центр Воронежской губернии. В XVIII в. границы России отодвинулись далеко от Воронежа к югу, и Воронеж становится глубинным дворянско-купеческим городом России. В 1774 г. известным русским зодчим И. Е. Старовым был составлен план регулярной застройки города, проложена главная улица города — Большая Дворянская (с 1918 г. ее название — проспект Революции), намечены четкие прямоугольные городские кварталы. С запада город был прикрыт в XVIII в. земляным валом. В 1779—1796 гг. Воронеж являлся административным центром Воронежского наместничества. В конце XVIII — первой половине XIX в. в центральной части города строятся двух- и трехэтажные каменные административные здания и дворянские особняки, складывается несколько городских архитектурных ансамблей. В это же время город становится крупным культурным центром края. В нем возникает типография, открывается театр, с 1838 г. начинает выходить первая губернская газета, работают средние учебные заведения. В Воронеже тогда жили и творили выдающиеся русские поэты А. В. Кольцов (1809—1842) и И. С. Никитин (1824—1861), начались исследования истории Воронежского края и г. Воронежа, связанные с именами Е. А. Болховитинова и Н. И. Второва. В 1859 г. в Воронеже (без пригородных слобод) проживало 41,4 тыс. человек.

После Крестьянской реформы 1861 г. в Воронеже стали возникать капиталистические предприятия, заводы и фабрики, начал складываться рабочий класс. Первыми крупными промышленными предприятиями города были железнодорожные мастерские (открыты в 1868 г., ныне — тепловозоремонтный завод имени Ф. Э. Дзержинского) и механический завод В. Г. Столля (открыт в 1869 г., ныне — машиностроительный завод имени В. И. Ленина). В 1868 г. к Воронежу подошла железная дорога со стороны Москвы, в 1871 г. вступила в строй железная дорога Воронеж—Ростов, в 1894 г. — Воронеж—Курск. В 1879 г. в Воронеже проходил съезд организации народников «Земля и воля». В 1892—1894 гг. в Воронеже возникли марксистские кружки, объеди-

нившиеся в 1895 г. в «Центральный кружок социал-демократов». В 1897 г. в Архиерейской роше на северной окраине города воронежские рабочие под руководством социал-демократов организовали первую в истории Воронежа маевку.

В 1905 г. воронежские рабочие провели ряд революционных выступлений под руководством большевиков. В течение двух месяцев, в октябре—декабре 1905 г., в Воронеже существовал и действовал орган рабочей власти — «Делегатское собрание», по сути дела, — первый Совет рабочих депутатов. В ноябре 1905 г. в Воронеже произошло восстание солдат дисциплинарного батальона, отмеченное В. И. Лениным в одном ряду с другими крупными восстаниями в русской армии и флоте. В 1906 г. в Воронеже издавалась рабочая газета «Голос труда». Руководителями воронежских большевиков в тоды первой русской революции были Н. Н. Кардашов, И. Я. Жилин, Н. Н. Исполотов, Д. Л. Бутин и др. В 1913 г. в Воронеже было открыто первое высшее учебное заведение — сельскохозяйственный институт.

Во второй половине XIX в. — начале XX в. относительно благоустроенными были лишь центральные улицы города. С 1891 г. в Воронеже существовала конно-железная дорога (конка); трамвайного движения до революции не было (трамвай был пущен в Воронеже уже в советскую эпоху, в 1926 г.). Население Воронежа в 1897 г. составляло 84,1 тыс. человек.

После свержения самодержавия в России весной 1917 г. активную общественную деятельность в Воронеже развернули политические партии и организации. В созданном в марте 1917 г. Совете рабочих и солдатских депутатов ведущее положение на первых порах захватила партия эсеров. Неуклонно росло и крепло влияние большевистской партии среди рабочих, солдат, учащейся молодежи. 6—8 октября 1917 г. в Воронеже состоялась губернская конференция РСДРП(б), где был избран губернский комитет большевистской партии, взявший в свои руки подготовку к вооруженному выступлению для установления власти Советов в Воронеже. Председателем первого Воронежского губкома большевистской партии стал профессиональный революционер Н. Н. Кардашов, в числе членов губкома были А. С. Моисеев, И. А. Чуев, В. Н. Губанов, Н. Н. Рабичев, З. А. Прищепчик. 25 октября 1917 г. по инициативе большевиков в Воронеже был создан Военно-революционный комитет.

Советская власть в Воронеже была установлена 30 октября (12 ноября) 1917 г.; в этот день вооруженные отряды рабочих и солдат под руководством большевиков разгромили силы контрреволюции, заняли важнейшие здания города.

Во время гражданской войны Воронеж являлся передовым городом, прикрывавшим с юга Москву и центральный промышленный район Советской России. Осенью 1918 г. на Воронеж наступали белогвардейские войска генерала Краснова, они были остановлены и разбиты в нескольких десятках километров южнее города. Более опасным оказалось наступление на Воронеж деникинских белогвардейских войск осенью 1919 г. В сентябре 1919 г. город отбил натиск конного корпуса генерала Мамонтова, совершавшего рейд по нашим тылам и наступавшего на Воронеж с севера. Однако 1 октября 1919 г. деникинцам удалось с юга потеснить войска Южного фронта и на 23 дня занять Воронеж. В городе был установлен режим белого террора, местом казней стала площадь Круглых рядов (ныне — сквер в начале Плехановской улицы, где установлен памятник). 24 октября 1919 г. Воронеж был освобожден войсками VIII армии и конного корпуса С. М. Буденного.

С 1928 по 1934 г. Воронеж являлся административным центром большой по размерам Центрально-Черноземной области. В эти годы в Воронеже возник ряд крупных промышленных предприятий, были открыты новые вузы и школы, на пустынных прежде окраинах выросли кварталы благоустроенных жилых домов, началось быстрое освоение левобережной части города. В 1934 г. Центрально-Черноземная область была разделена на Воронежскую и Курскую области. Город Воронеж стал административным центром меньшей по размерам (по сравнению с ЦЧО) Воронежской области, но его быстрое промышленное развитие, расширение городской территории и благоустройство продолжались. В 1939 г. население Воронежа составило 326,8 тыс. человек.

Суровая доля выпала г. Воронежу во время Великой Отечественной войны. Осенью 1941 г. немецко-фашистские войска были остановлены Советской Армией в 100—120 километрах западнее Воронежа. 28 июня 1942 г. гитлеровцы начали наступление на Воронеж, в первых числах июля им удалось ворваться в город. С 5 июля развернулись уличные бои в Воронеже, продолжавшиеся затем более 200 дней. Фашисты так и не смогли овладеть Воронежем полностью. В конце августа 1942 г. они выселили из захваченных ими

городских кварталов все гражданское население; тех, кто не смог уйти, расстреляли в Песчаном логу, на южной окраине Воронежа. Многие воины Советской Армии и жители Воронежа в боях за город проявили замечательные образцы мужества и воинской доблести. Воронеж был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков 25 января 1943 г., в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции Советской Армии. Перед отступлением из правобережной части Воронежа фашисты взорвали лучшие здания города, уцелевшие во время уличных боев. Город был разрушен на 92%, в центре Воронежа не осталось ни одного целого здания.

Восстановление Воронежа началось сразу же после его освобождения от немецко-фашистских захватчиков и завершилось к концу 50-х гг. Население Воронежа в 1959 г. составило 448 тыс. человек. Развитие города, сопровождавшееся значительным расширением жилого фонда, появлением новых микрорайонов, особенно активно продолжалось в течение 60-х и 70-х гг. XX в. В 1972 г. было создано Воронежское водохранилище. В 1975 г. Воронеж был награжден орденом Отечественной войны I степени за мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны и успехи в развитии народного хозяйства.

В г. Воронеже широко развита промышленность. Главные отрасли: машиностроение (производство экскаваторов, станков, кузнечно-прессового оборудования, сельскохозяйственных машин), химическая, радиотехническая, пищевая промышленность. Работают девять высших учебных заведений, в том числе университет, педагогический институт. Имеются музеи: краеведческий, изобразительных искусств, дом-музей поэта И. С. Никитина. Город разделен на шесть районов, в правобережной части города находятся Центральный, Ленинский, Коминтерновский и Советский районы, на левом берегу Воронежского водохранилища расположены Левобережный и Железнодорожный районы. В административном подчинении Воронежа находятся три поселка городского типа: Придонской, Сомово и Краснолесный, а также — Масловский сельсовет. Население г. Воронежа в 1979 г. по данным Всесоюзной переписи составляло (без приданных поселков и Масловского сельсовета) — 782,9 тыс. человек. В 80-х гг. продолжается рост населения города, дальнейшее развитие получают его промышленность, коммунальное хозяйство, культура.

Первые попытки выяснения отдельных фактов из истории г. Воронежа, в частности даты основания города, относятся к XVII столетию. Они были связаны не с научными, а с военными задачами России того времени. Сохранилась любопытная переписка между воеводой Белгородского полка князем Петром Ивановичем Хованским и подчиненным ему по должности воеводой г. Воронежа Михаилом Вырубовым, относящаяся к 1680 г. В связи с проходившей тогда русско-турецкой войной П. И. Хованский потребовал от воронежского воеводы сведений о состоянии укреплений в районе Воронежа и боеспособности воронежского гарнизона. Попутно он запросил данные о времени строительства стен Воронежа и основании города. Воронежский воевода ничего определенного ответить на вопрос о времени основания города не мог, не помогли ему и старожилы¹.

Изучение истории г. Воронежа с научных позиций начинается в XVIII в. Отдельные исторические сведения о Воронеже содержатся в труде российского географа и политического деятеля петровской эпохи Ивана Кириловича Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», завершено в 1727 г., но, к сожалению, впервые опубликованного лишь в XIX в.² О Воронеже в связи с событиями русской истории упоминает выдающийся историк XVIII в. Василий Никитич Татищев, автор первого обобщающего труда по истории нашей страны «Истории Российской». В описаниях Воронежской губернии и Воронежского наместничества, составленных соответственно в 1777 и 1785 гг., содержатся уже целые исторические справки по г. Воронежу, составителям которых пришлось провести определенные исторические изыскания³.

Но, конечно, первым, по-настоящему научным, исследованием по истории Воронежа стала книга Евфимия Алексеевича Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», вышедшая в свет в 1800 г. Губернскому городу, его истории и современному состоянию автор посвятил примерно треть книги, 57 страниц⁴. Е. А. Болховитинов (1767—1837) по праву считается первым воронежским историком-краеведом. В книге Е. А. Болховитинова хорошо виден присущий высококвалифицированным ученым-исследователям научный анализ исторических источников. Е. А. Болховитинов пытается решить

сложный вопрос о времени основания Воронежа, приводит данные по истории города в XVII в., подробно освещает историю Воронежа в XVIII столетии. Достоинством книги является и ее язык. Е. А. Болховитинову удается совместить научное содержание с художественной формой рассказа. В качестве примера приведу яркое описание Е. А. Болховитиновым весенней поймы р. Воронежа в его время: «По сливанию вод мало-помалу открываются многочисленные острова, украшенные свежою зеленью и опушенные мелким кустарником, что все представляет с веру градских утесистых гор, нарочито высоких, прекрасную весеннюю картину».

Следует, однако, отметить, что проведенный Е. А. Болховитиновым в ходе написания книги поиск документов по истории Воронежа не был достаточно глубоким и обстоятельным. Это, а также излишнее доверие воронежского ученого к трудам И. И. Голикова привело к появлению в книге Е. А. Болховитинова отдельных сомнительных мест и фактических неточностей. Первое посещение Петром I г. Воронежа Е. А. Болховитинов отнес без достаточных документальных оснований к 1694 г.⁵ Располагая описью г. Воронежа 1676 г. (в копии 1777 г.) и не зная других документов 70-х гг. XVII в., Е. А. Болховитинов сделал вывод о том, что «с 1676 года начинается новая эпоха города Воронежа» (с. 42). На самом деле 1676 г. ни в какой мере не являлся вехой в истории Воронежа. Пожар, случившийся в Воронеже в ночь со 2 на 3 мая 1673 г., Е. А. Болховитинов передвинул на год и датировал 2 мая 1672 г. Фактические неточности Е. А. Болховитинова касались в основном XVII в., историю Воронежа в XVIII в. он изложил более точно.

Как известно, в год публикации своей книги (1800) Е. А. Болховитинов уехал из Воронежа; его последующая весьма плодотворная научная деятельность протекала в других местах России и не была связана с историей нашего города и края.

Современный воронежский краевед А. И. Гайворонский предложил называть «вторым историком Воронежского края» (после Е. А. Болховитинова) учителя воронежской гимназии Матвея Ивановича Славинского, опубликовавшего в 1822 г. в одном из столичных журналов сочинение «Выписки из исторического, топографического и статистического описания Воронежской губернии»⁶. Думаю, что ставить М. И. Славинского в один ряд с Е. А. Болховитиновым нель-

зя. М. И. Славинский неплохо описал современную ему губернию, но как историк он явно слаб. Описывая прошлое г. Воронежа, М. И. Славинский не сопоставляет приводимые им факты с уже имевшимися тогда публикациями документов, с книгой того же Е. А. Болховитинова. Так, дважды без ссылки на документ М. И. Славинский сообщает о существовании г. Воронежа при Иване Грозном в 1567 г., когда город будто бы имел уже собственного воеводу Ф. В. Шереметева. Имя воеводы и год, указанный автором, позволяют без труда определить корни ошибки М. И. Славинского. По «разрядным книгам» XVI в. хорошо видно, что Ф. В. Шереметев в 1567 г. был воеводой в Вороначе — «пригороде» Пскова. М. И. Славинский просто спутал городок Воронач с Воронежем. Отмечу кстати, что еще Е. А. Болховитинов перечислял города, имевшие сходные с Воронежем названия, и предостерегал воронежских краеведов от такой ошибки.

В число ученых, занимавшихся в первой половине XIX в. изучением истории Воронежа, можно с полным основанием включить Александра Сергеевича Пушкина. Великий русский поэт, работая в последний период своей жизни над «Историей Петра», обстоятельно, по документам, изучал историю России Петровской эпохи, историю тех мест, где бывал и действовал Петр I. Закончить историко-литературное сочинение о Петре I А. С. Пушкин, как известно, не успел; трагическая дуэль с Дантесом в 1837 г. оборвала работу на полпути. В сохранившихся черновых записках А. С. Пушкина (они напечатаны в девятом томе полного, десятитомного собрания сочинений поэта) содержатся сведения по истории Воронежа, сообщается о деятельности Петра I в Воронеже, о кораблестроении в городе, о воронежском епископе Митрофане, о подготовке Воронежа к обороне на случай возможного наступления шведской армии в 1709 г.

Во второй половине XIX в. среди воронежских историков-краеведов ярко выделяются три исследователя, работавшие особенно успешно и плодотворно, много сделавшие для изучения истории г. Воронежа. Я имею в виду Николая Ивановича Второва (1818—1865), Григория Михайловича Веселовского (1837—1896) и Леонида Борисовича Вейнберга (1852—1901)⁷. В отличие от Е. А. Болховитинова они не были воронежскими уроженцами; все трое до приезда в Воронеж получили высшее образование и приобрели определенный опыт научной работы в других городах России.

Н. И. Второв высшее образование получил в Казанском университете, Г. М. Веселовский был выпускником Петербургского главного педагогического института, Л. Б. Вейнберг — питомцем Киевского университета.

Особенно велик вклад в воронежское историческое краеведение Н. И. Второва — видного общественного деятеля и организатора краеведческой работы в Воронеже в 50-х гг. XIX в., первого воронежского археографа. Вместе со своим другом К. О. Александровым-Дольником Н. И. Второв начал разбор и публикацию в печати воронежских рукописей XVII—XVIII вв., издал три книги «Воронежских актов». Написанные Н. И. Второвым и К. О. Александровым-Дольником приложения и примечания к опубликованным документам в значительной мере касались истории г. Воронежа. В приложениях ко второй книге «Воронежских актов» (Воронеж, 1852) Н. И. Второв впервые попытался определить места городских стен и башен Воронежа в XVII в., он поместил составленный им план Воронежа XVII в. и описание города по документам 1666 и 1669 гг. В той же книге Н. И. Второв воспроизвел отрывок из царского указа XVI в. об основании Воронежа, найденный незадолго до этого московским профессором И. Д. Беляевым. Благодаря Н. И. Второву существовавший в Воронеже губернский статистический комитет превратился в своеобразное научное общество, приступившее к публикации историко-краеведческой литературы, к исследованиям по истории, этнографии, литературе Воронежского края. Н. И. Второв был инициатором издания «Памятных книжек Воронежской губернии» — своеобразных воронежских научно-справочных ежегодников. В первой «Памятной книжке», изданной в 1856 г. под его редакцией, Н. И. Второв опубликовал на 47 страницах «Воронежскую летопись», представлявшую собой хронологический перечень основных событий истории города и края. Следует все же заметить, что оригинальной обобщающей работы по истории г. Воронежа Н. И. Второв не создал; в своей «Воронежской летописи» основные факты из истории города в XVII—XVIII вв. он заимствует у Е. А. Болховитинова, не исправляя при этом фактические неточности первого воронежского историка.

Г. М. Веселовский оставил заметный след в изучении истории г. Воронежа главным образом своей книгой «Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях», опубликованной в 1866 г. Книга была издана Во-

воронежским губернским статистическим комитетом и являлась первым в воронежском краеведении обобщающим трудом, непосредственно посвященным истории города. Г. М. Веселовский широко использовал работы Е. А. Болховитинова и Н. И. Второва, он попытался привлечь и дополнительный архивный материал, хотя и в незначительной степени. Понимая определенную слабость источниковой базы для своего исследования, Г. М. Веселовский писал в предисловии: «Со стороны же автора справедливость требует сказать, что во многих местах он сам чувствует неполноту своего труда».

Действительно, последующие историко-краеведческие исследования выявили отдельные фактические неточности в освещении истории г. Воронежа Г. М. Веселовским. Так, Г. М. Веселовский относил последнее посещение Петром I Воронежа к 1709 г.; на самом деле Петр I последний раз приезжал в Воронеж в 1722 г., возвращаясь из Персидского похода. Как мне представляется, Г. М. Веселовский явно преувеличил роль Петра I в истории Воронежа. Подробно, в соответствии с традициями дореволюционной русской историографии, описывает он посещение Воронежа другими царями династии Романовых, лицами царской фамилии и в то же время не останавливается на жизни простого люда, городских низов. Книга Г. М. Веселовского была написана хорошим литературным языком. Она в определенной мере не утратила научного значения до наших дней⁸. Через 20 лет после публикации книги «Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях» Г. М. Веселовский выпустил книгу «Исторический очерк города Воронежа. 1586—1886». Она вышла в 1886 г. как издание Воронежской городской думы и представляла собой повторение (почти всюду — дословное) исторического раздела первой работы Г. М. Веселовского.

Л. Б. Вейнберг свои основные исследования посвятил ранней истории Воронежского края, а именно — XVI и XVII столетиям; XVIII в. он почти не касался. Являясь в 1884—1891 гг. секретарем Воронежского губернского статистического комитета, он активно продолжил разбор и публикацию древних воронежских рукописей; воронежские рукописные документы Л. Б. Вейнберг искал и в столичных архивах. За сравнительно короткое время он (совместно с А. А. Полторацкой) опубликовал массу рукописных воронежских документов, выпустив 2 книги и 16 выпусков «Материалов для истории Воронежской и соседних губерний». Среди опубли-

кованных Л. Б. Вейнбергом документов для истории Воронежа особую ценность представляют «Дозорная книга 1615 года» и «Строельная книга 1670 года», содержащие довольно подробные описания города того времени.

Крупной исследовательской работой Л. Б. Вейнберга, посвященной непосредственно истории г. Воронежа, была статья «Город Воронеж. Исторический очерк», опубликованная в 1886 г. в книге «Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа» (т. 1). Автор в ней рассказывает главным образом о Воронеже в XVII столетии и начале XVIII века, ему удалось подметить некоторые неточности Е. А. Болховитинова (в частности, ошибочное утверждение Е. А. Болховитинова о коренной перестройке воронежской крепости в 1676 г.). В статье содержались интересные топонимические и антропонимические изыскания, связанные с историей Воронежа (так, Л. Б. Вейнберг производил с достаточным научным основанием название Акатова монастыря от имени Акат); имелись многочисленные иллюстрации, в том числе взятые из книги голландского путешественника Корнелия де Бруина, посетившего Воронеж в 1703 г. План Воронежа XVII в. Л. Б. Вейнберг дал полностью «по Второву», не учтя того, что долгое время воронежская крепость состояла из двух, отделенных друг от друга частей. Мне представляется, что к решению спорных вопросов истории Воронежа Л. Б. Вейнберг подходил слишком практически, предпочитая обходить «острые углы», неясные ситуации. Располагая документом 1585 г., челобитьем рязанских крестьян-откупщиков, свидетельствующим о существовании Воронежа в 1585 г., Л. Б. Вейнберг продолжал писать о возникновении города в 1586 г., признавая существование указа от 1 марта 1586 г. об основании Воронежа⁹.

Из числа других воронежских дореволюционных краеведов, внесших определенный вклад в изучение истории г. Воронежа, можно выделить С. Е. Зверева, А. И. Милютину, В. Н. Тевяшова и С. Н. Введенского. Обобщающих работ по истории Воронежа у этих авторов нет, они занимались изучением отдельных проблем истории города, археографической обработкой и публикацией воронежских документов. Расцвет деятельности перечисленных историков-краеведов приходится на начало XX в. Их краеведческая работа была тесно связана с двумя научными историческими обществами, возникшими тогда в Воронеже, — Воронежской ученой архивной комиссией и Воронежским церковным историко-

археологическим комитетом, дополнившими уже отмечавшийся выше Воронежский губернский статистический комитет¹⁰. Большой интерес у воронежской общественности вызвал научный спор между С. Е. Зверевым и С. Н. Введенским по вопросу о существовании г. Воронежа в XII в., развернувшийся на заседаниях Воронежской ученой архивной комиссии и в местной печати. Исторические сведения о Воронеже содержались и в изданиях статистического характера, из которых надо отметить труд И. К. Воронова «Город Воронеж. Население и недвижимые имущества» (Воронеж, 1903).

Заканчивая раздел об изучении истории Воронежа в до-революционную эпоху, отмечу, что отдельные важные стороны истории города, важные на наш современный взгляд, оставались за пределами интересов краеведов. Я имею в виду историю воронежских заводов и, конечно, историю революционного движения в городе. Не получило большого развития и изучение истории культурной жизни Воронежа. Относительно лучше других сюжетов были изучены два: роль Воронежа как военной крепости на границах России в XVII в. и история Воронежа времени Петра I. Но и в этих вопросах воронежские краеведы недостаточно связывали историю города с историческим развитием России в целом, почти не использовали документы центральных архивов, что приводило к фактическим ошибкам и неточностям.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в воронежском историческом краеведении произошли принципиальные перемены. Преобладающими уже в начале 20-х гг. становятся такие темы и проблемы, как история революционного движения в городе и крае, деятельность воронежских большевиков, история установления Советской власти, история гражданской войны.

Значительный вклад в дело становления советского исторического краеведения в Воронеже внес Андрей Васильевич Шестаков (1877—1941) — член коммунистической партии с 1903 г., крупный журналист и партийный деятель, один из руководителей Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., впоследствии — видный советский ученый-историк, член-корреспондент Академии наук СССР. В 1917—1920 гг. А. В. Шестаков жил и работал в Воронеже; осенью 1919 г., после освобождения города от денкинцев он был назначен редактором газеты «Воронежская коммуна». Пе-

реехав на постоянное жительство в Москву, А. В. Шестаков продолжал тесно сотрудничать с воронежскими историками и журналистами. Он опубликовал ряд научных работ по истории революционного движения в Воронежской губернии, непосредственно содействовал созданию Воронежского истпарта¹¹ в 1921 г., а затем — отделения общества историков-марксистов в Воронеже (1929 г.).

Первым заведующим Воронежского истпарта стал Михаил Иванович Лызлов (1888—1943) — активный участник революционных событий и установления Советской власти в Воронеже, журналист, историк-краевед. С предисловием М. И. Лызлова Воронежским истпартом в 1923 г. был издан сборник документов и статей по истории революционного движения в г. Воронеже и Воронежской губернии — книга «Помни о прошлом». Материалы этой книги послужили основой для очерка И. Бережного «Революционный Воронеж», опубликованного в справочнике «Весь Воронеж» (Воронеж, 1925). К своему обстоятельному и довольно ярко написанному очерку И. Бережный приложил «Календарь выдающихся событий в жизни города Воронежа», охватывающий время с февраля 1917 по апрель 1924 г. В период подготовки к 10-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции Воронежский истпарт собрал более 500 воспоминаний активных участников революции и гражданской войны в Воронежской губернии, значительная часть которых касалась истории губернского города. В 1927 г. Воронежский истпарт опубликовал коллективную монографию под редакцией И. П. Тарадина «Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии», в которой освещению истории г. Воронежа в период установления и упрочения Советской власти уделялось далеко не последнее место. В конце 20-х гг. преемником Воронежского истпарта стало отделение общества историков-марксистов в Воронеже¹².

Из числа членов общества, в определенной мере занимавшихся историей г. Воронежа, можно выделить В. Н. Алексеева и В. А. Потапенко. Вопросы развития революционного движения в городе в конце XIX—начале XX в., история Воронежа в первые годы Советской власти нашли отражение в нескольких книгах В. Н. Алексеева «Липецк—Воронеж. К 50-летию съездов партии «Земли и воли» (Воронеж, 1929), «Гражданская война в ЦЧО» (Воронеж, 1930), «Октябрь и гражданская война в ЦЧО» (Воронеж,

1932), «Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской областях» (Воронеж, 1935). Под редакцией В. А. Алексеева в 1934 г. в Воронеже вышел в свет первый том «Энциклопедического словаря ЦЧО»¹³, в котором имелись отдельные статьи, освещающие историю областного центра («Воронеж», «Воронежский государственный университет» и др.). В. А. Потапенко явился автором исторического раздела в книге-справочнике «Воронеж», изданной в 1932 г. Он написал предисловие и статью «Революционное прошлое Воронежа», в которой рассмотрел историю революционного движения в городе.

Воронежский истпарт и отделение общества историков-марксистов не ставили перед собой задачи проведения объемных историко-краеведческих исследований, изучения всей истории г. Воронежа. Но в 20-х гг. существовала в Воронеже сугубо краеведческая общественная организация, которая, казалось бы, должна была заняться исследованиями по истории города. Я имею в виду Воронежское краеведческое общество, работавшее при краеведческом музее и выпускавшее свои периодические печатные издания: «Воронежский краеведческий сборник» (1924—1925 гг.) и «Известия Воронежского краеведческого общества» (1925—1927 гг.)¹⁴. Председателем общества был доцент Воронежского университета, историк-краевед С. Н. Введенский. Общество в определенной мере пыталось продолжить исторические и археографические традиции дореволюционных воронежских краеведческих организаций. Научный уровень исторических исследований Воронежского краеведческого общества оказался невысоким, члены общества обратили большее внимание на изучение природы и экономики, а не истории края. Фактический отказ от изучения историко-революционной тематики увел общество в сторону от важнейших вопросов истории города.

В начале 20-х гг. довольно успешно развивались исследования по истории воронежской архитектуры. В 1922 г. вышла книга инженера Ю. И. Успенского «Старый Воронеж», где рассматривались историко-архитектурные памятники города. Ряд статей и заметок по истории научной и культурной жизни города был опубликован в двух выпусках «Воронежского историко-археологического вестника», выходящего в 1921 г. в Воронеже под редакцией профессора А. М. Путинцева, литературоведа и этнографа. По заказу Воронежского краеведческого музея в начале 20-х гг. из-

0299406

Воронежская областная
научная библиотека
им. И. С. Никитина

вестный московский художник А. М. Васнецов, а также воронежские художники М. Д. Салтыков и В. П. Трофимов нарисовали картины, воспроизводившие облик старого дореволюционного Воронежа, города-крепости.

Как мы видим, исследования по истории Воронежа, выполненные в 20-х — начале 30-х гг., в целом не выходили за рамки научно-популярных работ; при этом рассматривались лишь отдельные сюжеты истории города.

Попытки создания книг и статей, охватывающих всю историю Воронежа, от основания города до его современного состояния, были предприняты в конце 30-х гг. В 1938 г. вышла в свет книга журналиста В. Докукина «Воронеж», представлявшая собой популярный художественный очерк истории города. В 1940 г. в журнале «Ленинский путь» — органе Обкома ВКП(б) (№17-18 и 19-20) была опубликована статья Н. В. Некрасова «История города Воронежа». Методологический уровень этих работ был достаточно высок, авторы справедливо обращали внимание на тяжелую жизнь народных масс, городских низов в дореволюционном Воронеже, показывали принципиальные изменения в жизни трудящихся города после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Обе работы были написаны в научно-популярном плане, источниковая база их не была достаточно широкой, архивные документы не использовались.

В 1939 г. история г. Воронежа периода гражданской войны нашла освещение в сборнике статей и воспоминаний «Бои за Воронеж», изданном к 20-летию освобождения города от белогвардейцев. Еще одна интересная книга под многообещающим заглавием «История города Воронежа» вышла в свет перед самой Великой Отечественной войной, весной 1941 г. Ее автором являлась журналистка Е. В. Калинина. Содержание книги, к сожалению, не соответствовало в полной мере ее названию. Из всей истории Воронежа был выбран первый, примерно 130-летний отрезок, с конца XVI по начало XVIII в. Книга написана хорошим литературным языком и представляет собой научно-популярный очерк ранней истории Воронежа. Е. В. Калинина в качестве источниковой базы взяла опубликованные документы и сочинения дореволюционных воронежских историков, не проведя при этом их критического анализа, не дополнив их новыми архивными документами. Книга Е. В. Калининой изобилова-

0588708

ла фактическими ошибками и неточностями, в научном отношении она оказалась откровенно слабой.

Драматические события Великой Отечественной войны, длительные бои за Воронеж в 1942—1943 гг. на время застолбили для воронежских историков и журналистов военных лет все другие периоды истории города. Уже в 1944 г. в разрушенном и только начинавшем возрождаться Воронеже выходит брошюра С. В. Аброськина «Бои за Воронеж». История города в годы войны, героическая борьба воинов Красной Армии и горожан-воронежцев с немецко-фашистскими захватчиками на улицах города, история злодейских преступлений гитлеровцев в Воронеже, первые шаги возрождения разрушенного, разоренного города — все это по свежим следам, на свежую память, описывается очевидцами и участниками событий, воронежскими писателями и журналистами в сборниках очерков и воспоминаний «За родной город» (Воронеж, 1945), «Из пепла пожарищ» (Воронеж, 1946). Оба сборника с достаточным правом могут быть отнесены и к рубрике исследований и к рубрике источников по истории г. Воронежа.

Первая крупная исследовательская работа послевоенного времени о Воронеже вышла в свет в 1948 г. Ее автором был географ-краевед, доцент (впоследствии — профессор) Воронежского университета Г. Т. Гришин. Книга называлась «Воронеж. Экономико-географический очерк». Значительное место автор уделил истории города (в меньшей мере — до-революционной, в большей — советской). обстоятельно написаны разделы о развитии промышленности и культуры в Воронеже в советскую эпоху, дана характеристика коммунального хозяйства, транспортных связей города, выделены географические районы Воронежа. Книга Г. Т. Гришина не потеряла своего научного значения до наших дней.

Заметным событием в изучении истории г. Воронежа в послевоенные годы стал выход в 1953 г. справочника-путеводителя «Воронеж». Книга была подготовлена большим авторским коллективом; составителем ее являлся писатель П. Н. Прудковский, в написании ее приняли участие историки, географы, архитекторы, работники культуры, просвещения, писатели, журналисты (С. Аброськин, Л. Афанасьев, О. Бубнова, Н. Бучнев, И. Воронков, Р. Воротникова, С. Глебов, А. Гридчин, В. Климов, Д. Леонов, А. Москаленко, Н. Плеханова, М. Подобедов, А. Поливанов, В. Прохоров, Т. Пчельников, Т. Севастьянова, Л. Скорнецкий, И. Тол-

стой, Н. Троицкий, А. Юдович. Авторы отдельных разделов и глав в книге не указаны). Книга содержала обстоятельные общенсторические сведения, материалы по истории учреждений культуры, науки, справочные данные по городу. К справочнику-путеводителю был приложен добротный список литературы, включавший и дореволюционные, и советские издания.

Значительно слабее других была написана часть книги, освещающая события ранней истории Воронежа. Она основывалась на случайных, не подвергнутых критическому разбору источниках, повторяла фактические ошибки и неточности дореволюционных краеведов, а кое-где и дополняла их новыми. Вот несколько примеров.

Основание г. Воронежа почему-то связывалось авторами с сооружением «белгородской защитной черты». В книге, в частности, сообщалось: «Первыми опорными пунктами-крепостями защитной линии в пределах теперешней Воронежской области были города Воронеж и Ливенск. Царский указ об их строительстве был издан в 1586 году» (с. 4). В этих двух фразах содержится несколько ошибок. Фактически одновременно с Воронежем были основаны Ливны, не находившиеся в пределах тогдашней Воронежской области, тогда как г. Ливенск (современное с. Ливенка Белгородской области, первое название — Новый Полатов) возник веком позже, в 1681 г. В XVI в. о Белгородской укреплённой линии еще не было и речи.

Авторы не усомнились в существовании царского указа от 1 марта 1586 г. об основании Воронежа. В книге выделялся «опустошительный пожар 1672 года», после которого будто бы «был утвержден план перестройки Воронежа» (с. 4). В данном случае авторы путеводителя сначала повторили ошибку Е. А. Болховитинова, о которой уже говорилось выше, а затем дополнили ее новой, уже собственной, ошибочной версией об утверждении плана перестройки Воронежа после этого пожара. Весьма поверхностно, без ярких примеров рассказывалось в путеводителе о событиях Великой Отечественной войны, о боях за Воронеж в 1942—1943 гг.

Я акцентировал внимание на негативных моментах книги, на имеющихся в ней фактических ошибках. Конечно, далеко не все разделы книги можно подвергнуть критике подобного рода. В путеводителе интересно, ярко, на достаточно высоком научном уровне освещалось революционное

движение в Воронеже, период возрождения и восстановления народного хозяйства города после Великой Отечественной войны. В целом хорошо был написан историко-культурный раздел, содержащий сведения о состоянии и истории народного образования, литературы, искусства в Воронеже.

Издание справочника-путеводителя «Воронеж» в 1953 г. завершается, на мой взгляд, важный этап историографии г. Воронежа — пора безраздельного господства научно-популярных изданий по истории города, начавшаяся еще во времена Е. А. Болховитинова. Нет, научно-популярные издания не прекращаются, они в определенной мере получают дальнейшее развитие. В 1959 г. в серии «Архитектура городов СССР» выходит книга профессора Н. В. Троицкого «Воронеж». В 1961 г. Воронежское книжное издательство выпускает сборник «Воронеж», написанный четверьмя авторами, хорошо иллюстрированный, быстро нашедший читательскую аудиторию. Автором исторической части этой книги выступила писательница О. К. Кретова, статью о промышленных предприятиях города дал журналист А. И. Гридчин, раздел об архитектуре Воронежа написал известный воронежский архитектор, профессор Н. В. Троицкий, раздел о культурных учреждениях города — писатель П. Н. Прудковский. В трех последних статьях-очерках содержались богатейшие сведения о развитии г. Воронежа в 50-е гг. Второе, обновленное издание книги «Воронеж» вышло в 1967 г. Раздел по истории города, написанный в художественной форме писательницей О. К. Кретовой, на этот раз получил название «Летопись дней минувших». Еще раньше, в 1965 г., увидел свет новый путеводитель по городу, подготовленный журналистом Е. А. Пульвером «Знакомьтесь с Воронежем». В 1970 г. путеводитель Е. А. Пульвера под названием «Здравствуй, Воронеж!» вышел новым изданием.

Но уже не эти научно-популярные, в большей или меньшей степени удачные, книги стали определять лицо воронежского исторического краеведения. К началу 60-х гг. четко определился коренной поворот в самом подходе к изучению истории г. Воронежа. За глубокое изучение истории города взялись увлекшиеся этой темой историки-профессионалы, в первую очередь — ученые исторического факультета Воронежского университета. Одновременно повысился исследовательский уровень работ, выполненных сотрудниками воронежских архивов, музеев, издательств. Принципиально из-

менился подход к воронежской краеведческой тематике. Исследование истории города постепенно было признано серьезной научной работой, требующей соответствующей подготовки, широкой общен исторической эрудиции, знаний в области отечественной истории и специальных исторических дисциплин, профессиональных навыков. На смену старому описательному методу, когда авторы повторяли в значительной мере своих предшественников, пришел подлинно научный, исследовательский метод изучения истории Воронежа, при котором необходимым элементом исследования являлось разыскание новых, не известных ранее документов по истории города, комплексный анализ источников различных типов, использование предшествующих достижений советской исторической науки.

Подобные, в полной мере научные, работы по истории г. Воронежа стали появляться уже в 50-е гг.; они, как правило, посвящались узким (и в хронологическом и в тематическом аспектах) сюжетам истории города. Их авторами выступили доценты В. И. Кошелев, Е. В. Чистякова, О. А. Бавыкина, архивист И. Г. Воронков, журналистка Т. М. Севастьянова¹⁵.

Большое место заняли выявление и публикация документов по истории революционного движения в городе, эту работу возглавил Е. Г. Шуляковский. В сборниках документов и материалов «Революционное движение в Воронежской губернии. 1905—1907 гг.» и «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.», вышедших под редакцией Е. Г. Шуляковского в 1955 и 1957 гг., появились и были научно прокомментированы десятки новых, не известных ранее документов, сообщающих о событиях в Воронеже во время революции 1905—1907 гг., Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революции. В 1961—1967 гг. под руководством и редакцией Е. Г. Шуляковского учеными Воронежского государственного университета были написаны и изданы две книги «Очерков»¹⁶, в которых значительное место отводилось истории г. Воронежа.

С 1961 г. кафедра истории СССР Воронежского университета начала издание сборников научных статей «Из истории Воронежского края»; за период с 1961 по 1977 г. вышло шесть таких сборников¹⁷. Целую группу статей, посвященных социально-экономической истории г. Воронежа в XVIII в., опубликовала здесь В. М. Проторчина. Отдельные

вопросы истории и историографии г. Воронежа (как дореволюционной, так и советской эпохи) нашли освещение в сборниках «Из истории Воронежского края» также в статьях О. Ф. Дулевича, В. Н. Дунаева, В. П. Загоровского, М. Д. Карпачева, Д. Д. Лаппо, П. Г. Морева, А. Е. Москаленко, А. Н. Москаленко, А. И. Немировского, В. И. Пановой, В. А. Поповой, Ю. И. Ртищева, К. Ф. Фроловой, С. Р. Хайкина, В. И. Чеснокова, В. Д. Юдина.

В 1971 г. автором этих строк была опубликована книга «О древнем Воронеже и слове «Воронеж», в которой обосновывалась необходимость уточнения даты основания г. Воронежа. В 1977 г. книга вышла вторым изданием. Тщательный анализ документов XVI столетия позволил автору сделать вывод о том, что Воронеж был основан летом 1585 г. и что к 1 марта 1586 г. следует относить не царский указ об основании города, а распоряжение боярина Н. Р. Юрьева об организации сторожевой службы в Придонье. Проблемы ранней истории г. Воронежа нашли также отражение в моей книге «Историческая топонимика Воронежского края» (Воронеж, 1973) и в документальной публикации «Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века». Составитель и автор пояснительного текста В. П. Загоровский (Воронеж, 1976).

Я уже упомянул о том, что с возникновением подлинно научного воронежского исторического краеведения в 60—70-х гг. нашего века продолжало существовать и краеведение научно-популярное. Однако оно не могло уже оставаться на уровне 50-х гг. Многочисленные публикации научных работ по истории г. Воронежа потребовали значительного повышения общего уровня тех книг, которые выходили как научно-популярные и в Центрально-Черноземном книжном издательстве, и в Издательстве Воронежского университета. Две самостоятельные линии воронежского исторического краеведения, появившиеся, по моему мнению, в 50-е гг., в 70-е гг. стали соединяться в одно целое, причем это объединение происходило на базе научного исторического краеведения. Говоря по-другому, многие книги, называвшиеся и считавшиеся научно-популярными, по сути дела оказывались по-настоящему научными, серьезными, не терявшими при этом положительных качеств научно-популярной литературы, в частности доступности восприятия. Это особенно ярко проявилось в книгах талантливого ученого и журналиста Дмитрия Даниловича Лаппо, предназначенных для широко-

го круга читателей, рассказывающих о связях В. И. Ленина с Воронежским краем, о соратниках В. И. Ленина в Воронеже, о героях гражданской войны. В результате поисков архивных документов и других источников Д. Д. Лаппо сделал интересные публикации; он широко использовал воспоминания ветеранов и родственников интересовавших его людей. С историей г. Воронежа связаны полностью или частично такие книги Д. Д. Лаппо, как «Революцией мобилизованные» (Воронеж, 1970), «Воронежцы против белогвардейщины» (Воронеж, 1971), «Бойцы ленинской закалки» (Воронеж, 1972), «В одном строю» (Воронеж, 1975), «Честь и доблесть» (Воронеж, 1980), «В. И. Ленин и судьбы героев» (Воронеж, 1983).

Попутно замечу, что Д. Д. Лаппо написал и издал в эти же годы ряд обстоятельных научных исследований историографического жанра, имеющих по своей тематике непосредственное отношение к г. Воронежу. Это, в первую очередь, монография «Историография гражданской войны в Центральном Черноземье» (Воронеж, 1977), а также статьи «Первые исследования воронежских историков о гражданской войне» и «Отделение общества историков-марксистов Центрально-Черноземной области», напечатанные в сборниках «Из истории Воронежского края» (Воронеж, 1975, вып. 5; 1977, вып. 6). Д. Д. Лаппо успешно продолжает работу по историко-краеведческой тематике и в настоящее время.

Весьма результативной оказалась исследовательская работа в деле изучения истории печати, издательского дела и литературной жизни г. Воронежа, проведенная за последние годы Георгием Владимировичем Антюхиным. Хотя в названиях двух больших исследовательских книг Г. В. Антюхина «Очерки истории печати Воронежского края. 1798—1917» (Воронеж, 1973) и «Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области. 1917—1945» (Воронеж, 1976) говорится не о городе, а о крае и области, основное содержание работ касается г. Воронежа. Г. В. Антюхин провет многочисленные изыскания о памятных местах Воронежа, связанных с деятелями русской и мировой культуры, с писателями-воронежцами. По этому сюжету он опубликовал несколько десятков интересных статей и заметок. Отметим в их числе хотя бы брошюру «Никитинские места», изданную в 1974 г. Воронежским областным отделением Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры.

Большую и успешную работу по изучению истории г. Воронежа в период Великой Отечественной войны провел за последнее время Александр Иванович Гринько. В воронежское историческое краеведение А. И. Гринько пришел как журналист, как мастер очеркового жанра.

Его книги 60-х гг. «Двести героических дней», «Солдаты в каменных шинелях» были научно-популярными и по замыслу и по структуре. А. И. Гринько не оставляет очеркового жанра в краеведении и сейчас. В изданной Центрально-Черноземным книжным издательством в 1980 г. книге о названиях воронежских улиц («Навечно в памяти народной». Составитель Р. Н. Литвинов) перу А. И. Гринько принадлежит 17 очерков. Но наиболее весомый вклад в изучение истории г. Воронежа, в воронежское историческое краеведение А. И. Гринько внес, конечно, своей прекрасной монографией «В боях за Воронеж», вышедшей в свет в 1979 г. Книга имеет подзаголовок: «Хроника героической обороны города». На основании архивных документов и воспоминаний автору впервые удалось проследить ход героической обороны Воронежа в период Великой Отечественной войны, день за днем, с 28 июня 1942 г. по 25 января 1943 г., выделить основные этапы боев за Воронеж, связать известные и неизвестные ранее подвиги солдат и офицеров Красной Армии, горожан-воронежцев в борьбе против немецко-фашистских захватчиков с общей картиной военных действий, с топографией г. Воронежа. Термин «Героическая оборона города» представляется сейчас, после выхода монографии А. И. Гринько «В боях за Воронеж», правильным и обоснованным, заслуживающим признания и научного употребления.

От научно-популярного жанра к подлинно научным исследованиям за последние 10—15 лет уверенно поднялся и Валентин Андреевич Прохоров, опубликовавший несколько книг по топонимике черноземного края. Разнообразные связи г. Воронежа с другими поселениями края рассматриваются им в книге «Вся Воронежская земля» (Воронеж, 1973) при изучении истории многих городов и сел края. В книге имеется и обстоятельная статья по истории г. Воронежа, занимающая несколько страниц текста.

В сравнении с довольно высоким научным уровнем названных выше монографий Д. Д. Лаппо, Г. В. Антюхина, А. И. Гринько, В. А. Прохорова, сборников «Из истории Воронежского края», документальных публикаций по ранней истории Воронежа значительно более тусклым выглядит

сборник статей «Записки воронежских краеведов» (Воронеж, 1979), снабженный подзаголовком: «Выпуск первый». Мелкотемье, фактические ошибки и неточности, непризнание и замалчивание заслуг предшественников — все это стало достоянием истории воронежского краеведения уже в 50-е гг. и не должно возродиться вновь. Книга была подвергнута в печати справедливой критике¹⁸. Второй выпуск «Записок воронежских краеведов» (Воронеж, 1983) оказался, на мой взгляд, более удачным.

Я не ставлю задачи разбирать все работы последних лет, в которых в какой-либо мере затрагивалась история Воронежа. Ценные сведения по отдельным сюжетам истории города имеются в интересных книгах А. В. Курсановой «Искровские организации и искровцы в Воронеже» (Воронеж, 1966), А. И. Гайворонского «Золотые архивные россыпи» (Воронеж, 1971), подзаголовок — «Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII — начало XX в.)», В. И. Кононова «Памятники Воронежа и Воронежской области» (Воронеж, 1979), в трех книжках «Собеседника», организаторами которых выступили З. Я. Анчиполовский и О. Г. Ласунский, и в ряде других изданий.

Изучение истории Воронежа находит отражение в докладах на краеведческих чтениях, проводимых областной научной библиотекой имени И. С. Никитина¹⁹, в материалах научных конференций, проводимых на историческом факультете Воронежского университета, в журнале «Подъем», на страницах областной газеты «Коммуна», где существуют специальные рубрики «Воронежский следопыт» и «Воронеж: вчера, сегодня, завтра». С марта 1983 г. кафедра истории СССР Воронежского университета в связи с предстоящим в 1985 г. юбилеем города начала проводить «Юбилейные чтения по истории Воронежа». В них принимают участие ведущие ученые-краеведы²⁰. «Чтения» проходят один раз в квартал. В течение 1983 г. уже заслушано и обсуждено более 20 научных докладов.

Современное воронежское историческое краеведение принципиально отличается от дореволюционного, качественно отличается от краеведения 20-х, 30-х, даже 50-х гг. XX столетия. Думается, что подъем исторического краеведения в Воронеже, начавшийся в 60-е гг., будет продолжаться. В связи с 400-летним юбилеем города несомненно выйдут из печати новые исследовательские и научно-популярные работы по истории Воронежа.

¹ Переписка П. Хованского с М. Вырубовым была опубликована воронежским краеведом В. Н. Тевяшовым в 1914 г. в пятом выпуске «Трудов Воронежской ученой архивной комиссии» среди документов XVII в. Конкретные условия ее возникновения рассмотрены автором этой статьи в монографии «Изыумская черта» (Воронеж, 1980, с. 24).

² Кириллов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977, с. 183—188.

³ Последний документ недавно издан (см. Описание Воронежского наместничества 1785 года. Воронеж, 1982).

⁴ Раздел книги «Историческое сведение о городе Воронеже» занимает страницы с 33 по 89.

⁵ Сведения о приезде Петра I в Воронеж в 1694 г. (до Азовских походов) имеются в труде курского купца, русского историка XVIII в. И. И. Голикова «Деяния Петра Великого», откуда их и заимствовал Е. А. Болховитинов. Этот факт, однако, не получил документального подтверждения и оспаривается современными историками.

⁶ См. Гайворонский А. И. Золотые архивные россыпи. Воронеж, 1971, с. 81—99.

⁷ Краткие биографические сведения об этих и других воронежских историках-краеведах читатель может найти в книге: Загоровский В. П. История Воронежского края от А до Я. Воронеж, 1982.

⁸ Так, Г. М. Веселовский нашел в архиве и опубликовал имя воронежского педагога, «словесного учения мастера» Семена Минина, работавшего в первой, существовавшей еще при Петре, воронежской школе (с. 73).

⁹ Подробно этот сюжет рассмотрен в кн.: Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1977, с. 82—92.

¹⁰ Воронежской ученой архивной комиссии и Воронежскому церковному историко-археологическому комитету, вкладу этих научных обществ в дело изучения истории г. Воронежа посвящены статьи А. М. Аббасова и О. В. Скобелкина, публикуемые в этом сборнике.

¹¹ Истпарт — комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), воронежский истпарт — местное, воронежское бюро этой комиссии.

¹² См. Лаппо Д. Д. Отделение общества историков-марксистов Центрально-Черноземной области. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977, вып. 6, с. 3—16.

¹³ С выходом в свет первого тома издание прекратилось.

¹⁴ Деятельности Воронежского краеведческого общества и его вкладу в изучение истории г. Воронежа посвящена статья В. Глазьева, публикуемая в данном сборнике.

¹⁵ Я имею в виду в первую очередь следующие работы этих авторов: Кошелев В. И. Схема расположения сторож и укреплений в Воронежском крае XVII века. — В кн.: Из истории Воронежской области. Воронеж, 1954; Он же. Возникновение г. Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства. Изв. Воронежск. ун-та, 1958, т. 26; Чистякова Е. В. Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 г. Воронеж, 1953; Она же. Ремесло и торговля на воронежском посаде в середине XVII в. — Тр. Воронежск. ун-та, 1954, т. 25; Бавыкина О. А. Декабрьская политическая стачка в Воронеже. — В кн.: Воронежские большевики в революции 1905—1907 гг. Воронеж, 1955; Воронков И. Г. Отклики на события 9 января 1905 года и февральская стачка в Воронеже. — В кн.: Воронежские боль-

шевики в революции 1905—1907 гг. Воронеж, 1955; Он же. Воронежские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1957; Севастьянова Т. М. Первые большевистские газеты в Воронеже. Воронеж, 1959.

¹⁶ Очерки истории Воронежского края. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1961, т. 1; Очерки истории Воронежской области. Эпоха социализма. Воронеж, 1967, т. 2.

¹⁷ Научным редактором последних пяти выпусков являлся автор этой статьи. Обстоятельный обзор сборников «Из истории Воронежского края» сделан В. П. Лыцовым в специальной статье, помещенной в книге: Воронежский край на южных рубежах России (XVII—XVIII вв.) (Воронеж, 1981).

¹⁸ Кузнецов В. Находки и потери краеведов. — Подъем, 1980, № 1.

¹⁹ Двадцать пять краеведческих чтений. Воронеж, 1981.

²⁰ См. Задонская Н. Юбилейные чтения. — Коммуна, 1983, 2 апр.

Д. Д. Лаппо

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. И. ЛЕНИНА С ВОРОНЕЖЦАМИ В 1919—1920 ГОДАХ

Весной 1919 г. на Южном фронте сложилась тяжелая обстановка. Войска Деникина, переброшенные с Северного Кавказа в Донскую область и на Украину, настойчиво пытались захватить инициативу в свои руки. Ожесточенные бои развернулись в Донбассе и особенно за Луганск. Тогда же в тылу советских войск началось антисоветское восстание казаков Вешенской, Казанской, Мигулинской, Еланской и других верхнедонских станиц.

ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным разработали четкую программу оказания помощи Южному фронту. Главное внимание было обращено на быстрое увеличение числа коммунистов в частях и соединениях. «Мобилизация коммунистов была предпринята с той целью, — подчеркивал ЦК РКП(б) в одном из писем губкомам партии, — чтобы одновременно на все слабые пункты нашего фронта дать активных борцов, могущих не только своей живой силой отразить яростное нападение врага, но и способных одушевить воинские части, быть их волей, их внутренней двигающей в бой силой»¹.

24 мая В. И. Ленин написал срочную телеграмму: «Воронеж Губвоенком, копия губисполком Сообщите, сколько послано коммунистов Сокольникову. Отвечайте тотчас. Надо усилить посылку самым энергичным образом»².

26 мая В. И. Ленин направил новую телеграмму Воронежскому губвоенкому (копия — губкому партии): «Не-

медленно донесите, сколько коммунистов отправили Юж-
фронту»³.

31 мая Воронежский губком партии и уполномоченный ЦК РКП(б) по Воронежской губернии К. С. Еремеев получили письмо-директиву ЦК РКП(б): «Ввиду обострившегося положения на Южном фронте, куда противником стянуты крупные свежие силы, необходимо срочно количественно и качественно усилить наш Южный фронт. Поэтому ЦК постановляет мобилизовать от 30 до 40% наличных членов партии»⁴.

В это время в Воронеже и губернии имелось 846 партийных организаций и ячеек, объединявших 10 580 членов РКП(б) и сочувствующих. Многие коммунисты прошли суровую школу революционного движения, участвовали в установлении власти Советов, имели большой опыт партийной работы в фронтовых и прифронтовых условиях. Так, в состав Воронежского губкома партии входили Н. Н. Кардашов, член РКП(б) с 1897 г., Р. П. Рейн — с 1902 г., П. Д. Смирнов — с 1904 г., М. Д. Степанов — с 1912 г., Г. З. Литвин-Молотов — с 1914 г., Н. П. Вьюгин, В. Н. Нарчук, Э. П. Медик, З. А. Прищепчик — с 1917 г.

26 мая секретарь губернского комитета партии З. А. Прищепчик телеграфировала в ЦК РКП(б): «Губернским комитетом отправлено в распоряжение Сокольниковца 226 товарищей... Мобилизация не закончена. Будут новые отправки, о которых сообщим особо»⁵. Спустя три дня новая телеграмма в ЦК партии: «Отправлено из Боброва 25 мая 114 коммунистов, в Богучар готовы 32 коммуниста. Из Бирюча 21 мая отправлено в Богучар 223 коммуниста»⁶.

31 мая состоялось заседание губкома партии. Было решено провести собрания коммунистов Воронежа, уездных и волостных партийных организаций, на которых с докладами о мобилизации коммунистов на Южный фронт должны выступить представители губкома партии.

Общее собрание коммунистов Воронежа, заслушав 28 мая доклад о положении на Южном фронте, постановило: «Необходимо точное исполнение циркуляра ЦК РКП(б) о мобилизации всех сил для помощи фронту... Мобилизовать 50 процентов Воронежской организации для этой работы»⁷. В села и города губернии срочно выехали Н. Е. Алексеевский, З. Г. Аршавский, Н. П. Вьюгин, Н. Н. Кардашов, В. Н. Нарчук, В. Г. Попов, З. А. Прищепчик, М. Г. Рошаль, М. Д. Степанов, С. Г. Тищенко и другие опытные партийные

руководители. Они рассказывали рабочим и крестьянам о военном положении на юге страны, проводили партийные мобилизации, организовывали сбор хлеба для Красной Армии и промышленных центров страны, налаживали работу местных Советов.

Коммунисты Задонска решили направить 25 процентов своего состава в части Красной Армии. Они напутствовали товарищей: «Будьте тверды духом и защищайте нашу дорогую свободу. Мы всегда готовы вам прийти на помощь. Доброго пути вам, товарищи, а также спасибо за совместную коммунистическую службу»⁸. Коммунисты с. Сергеевки Острогожского уезда, узнав о положении на Южном фронте, приняли резолюцию: «Мы, члены коммунистической ячейки, ввиду мобилизации идем на фронт, где будем до последней капли крови защищать завоевания рабочих и крестьян»⁹. Общее собрание коммунистов Землянского уезда, заслушав доклад М. Д. Степанова «Задачи партии и работа в деревне», решило «проводить в жизнь измененную VIII съездом РКП политическую линию по отношению к среднему крестьянству»¹⁰. На этом же собрании коммунисты познакомились со статьей В. И. Ленина «Берегитесь шпионов!», опубликованной в «Правде» 31 мая 1919 г., и поручили комитету принять необходимые меры. Здесь же состоялась запись добровольцев в Красную Армию.

3 июня 1919 г. К. С. Еремеев сообщил Центральному Комитету РКП(б), что в г. Воронеже и уездах Воронежском, Землянском, Нижнедевицком, Коротояжском, Острогожском, Алексеевском, Валуйском, Задонском, Бобровском, Павловском мобилизовано и отправлено в Богучар, в распоряжение Сокольников, 811 коммунистов.

К середине июня 1919 г. в Красную Армию было направлено из Воронежа 97 коммунистов, из Бобровского уезда — 168, Богучарского — 140, Воронежского — 285, Коротояжского — 56, Нижнедевицкого — 133, Павловского — 170. Всего Воронежская губерния в мае—июне отправила на фронт 1472 коммуниста. Из них более тысячи человек прибыло в распоряжение политотдела экспедиционных войск, принимавших участие в подавлении антисоветского мятежа донского казачества. 300 воронежцев политотдел направил в Коммунистический полк, 100 — в заградительный отряд, остальных — для партийно-политической работы среди красноармейцев.

Приток коммунистов на фронт положительно сказался

на боеспособности частей и соединений. «Мы не разбиты, — писал личный состав одной из частей 12-й стрелковой дивизии в начале июля 1919 г., — мы только отошли назад, чтобы теснее сомкнуть наши ряды, вытравить измену и трусость, черпнуть новых сил у народа, а затем, подкрепившись, снова ринуться вперед и единым сокрушительным ударом уничтожить нагло зарвавшегося врага, как сделали это наши товарищи на Восточном фронте»¹¹.

Личным примером и большевистским словом посланцы партии повышали моральное состояние и боеспособность действующих частей, появлялись там, где грозила наибольшая опасность, где было особенно трудно. Когда редактор газеты «Известия Воронежского губисполкома» А. В. Шестаков изъявил желание поехать на фронт, он был назначен начальником политотдела 2-й стрелковой бригады экспедиционной дивизии VIII армии. При знакомстве с бригадой выяснилось, что в некоторых полках и батальонах отсутствуют полнокровные партийные организации, часть красноармейцев нарушает воинскую дисциплину, плохо организована партийно-политическая работа. Комиссар и политотдел бригады хорошо понимали, что эти недостатки могут быть устранены только при активном участии всех коммунистов. А. В. Шестаков вместе с другими политработниками в короткий срок добился резкого повышения роли коммунистов в жизни и боевой деятельности личного состава бригады. На исходе одного из дней в политотделе бригады стало известно, что полк красных прижат противником к Дону и ему грозит разгром. Вечером, когда стихла артиллерийская канонада, А. В. Шестаков пробрался в расположение окруженной части. За кустами, в небольшом овраге собрались коммунисты.

— В бою действовали хорошо все без исключения, — сказал начальник политотдела. — Так должно и быть. Пусть знают беляки, что имеют дело с богучарцами. Оружия не выпустим из рук до тех пор, пока не сбросим вражью силу в море.

Первым слово взял молодой коммунист боец Харитонов.

— Контру надо бить до победного конца. Предлагаю завтра утром с барабанным боем ринуться вперед. Погибать, так с музыкой! — закончил он, выразительно махнув сжатым кулаком.

Шестаков возразил.

— Каждый из нас готов за дело Советов отдать жизнь.

Но думать надо не о смерти, а о том, как больше побить белоказаков, как сохранить знамя части. Мы — не мишень для противника, а думающие бойцы и командиры Красной Армии. Надо действовать по-другому.

Этой же ночью полк стремительной атакой вырвался из окружения и соединился с бригадой. В первых рядах вместе с другими коммунистами, умело действуя штыком и гранатами, сражался и А. В. Шестаков. Впоследствии он стал видным советским ученым-историком.

Среди первых коммунистов, добровольно отправившихся на Южный фронт, были представители Воронежского университета. Пример показал студент физико-математического факультета, председатель ячейки коммунистов-студентов И. Н. Шамаев, впоследствии видный советский инженер, первый начальник Бамстроя. В начале июня он прибыл в 1-ю бригаду экспедиционной дивизии и был назначен организатором-агитатором.

В районе станции Казанской белоказаки прижали один из полков бригады к правому берегу Дона. И. Н. Шамаев во главе группы коммунистов пробрался во фланг атакующего противника и точным пулеметным огнем обратил вражеские цепи в бегство. Это дало возможность основным силам полка переправиться на левый берег Дона и соединиться с бригадой.

Всю ночь И. Н. Шамаев и его товарищи шли с пулеметом по вражескому тылу и утром явились в с. Монастырщину.

— Наше отступление временно, — сказал он на митинге красноармейцев и местного населения. — Нет такой силы, которая может уничтожить Красную Армию. Посмотрите, как упорно сражаются красноармейцы и командиры, особенно коммунисты. Мы непобедимы и потому, что трудовые крестьяне помогают Южному фронту.

Вместе с И. Н. Шамаевым отправился на фронт и студент историко-филологического факультета М. М. Пурыжинский. «Тогда вместе с группой коммунистов Воронежа, — писал он в своих воспоминаниях, — я уехал на подавление антисоветского мятежа донского казачества. В бою у станции Мигулинской был ранен, остался во вражеском тылу, но по счастливой случайности избежал плена. Один из моих товарищей видел, как я упал, сраженный разрывом снаряда, и сообщил в Воронеж о моей гибели»¹².

После выздоровления М. М. Пурыжинский снова от-

правился на фронт, был инструктором политотдела 40-й Богучарской дивизии, а с января 1920 г. начальником политотдела этого соединения. За проявленный героизм в боях на фронтах гражданской войны награжден орденом Красного Знамени.

С рассветом 5 июня белоказаки большими силами двинулись к станции Дедовка, где расположился батальон 103-го Богучарского полка. Целый день и всю ночь, писал об этом бое командир полка В. А. Малаховский, отбивались богучарцы от многочисленного врага, непрерывно трещала ружейная и пулеметная стрельба, доносились взрывы гранат. Когда на исходе дня противник предпринял очередную атаку и начал теснить красноармейцев третьей роты, среди них появился комиссар батальона Дмитрий Проценко, накануне мобилизованный Богучарским уездным комитетом РКП(б) в Красную Армию.

— Именем революции, остановитесь! Вперед, за мной! — раздался его звучный голос. И вслед за комиссаром рота бросилась в контратаку и отбросила белоказачков на исходные позиции.

В этом бою Дмитрий Проценко был смертельно ранен. Он «погиб как солдат на славном ответственном посту комиссара батальона, — писали 13 июня 1919 г. «Известия Богучарского уездного военно-революционного комитета». — Погиб честный борец, но дух его не погиб».

Коммунисты Павловского уезда, мобилизованные на фронт, получили боевое крещение у д. Богомолово. У этого населенного пункта несколько десятков кавалеристов во главе с командиром, заметив наступающего противника, поспешно покинули поле боя. Появилась опасность прорыва фронта. Тогда наперерез кавалеристам бросились посланцы Павловского уезда, обезоружили их и вместе с Коммунистическим полком ружейно-пулеметным огнем остановили врага. Сообщая об этом факте в Воронежский губком партии, Ф. Степанов рекомендовал коммунистам, отправлявшимся на фронт, «строго следить за ходом военных действий и не доверять товарищей героев-борцов таким командирам, которые увидя одного или несколько неприятелей, бросают свою команду и бегут в беспорядке»¹³.

Сейчас нет возможности рассказать о боевых делах и партийно-политической работе всех воронежских коммунистов, попавших на фронт согласно майским телеграммам В. И. Ленина. Но их заслуги наглядно видны из письма Рев-

военсовета Южного фронта, отправленного 7 июля 1919 г. в ЦК РКП(б) и Воронежский губком партии. В этом документе сказано: «Подавляющее число коммунистов, однако, держало себя выше всякого упрека. Тяжелые потери, которые понесли экспедиционные войска, сражавшиеся на два фронта, конечно, коснулись и коммунистов, которые были посланы в полк с категорическим приказом первыми идти вперед и последними отступать»¹⁴.

* *

*

Вечером 25 декабря 1919 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская смотрели в Московском художественном театре пьесу А. М. Горького «На дне». После спектакля Владимир Ильич зашел в рабочий кабинет и познакомился с поступившей на его имя срочной корреспонденцией. Командующий VIII армией телеграфировал из Воронежа: «В действующих частях восьмой армии недостаток врачей (составляет) восемьдесят процентов. Эпидемия тифа принимает все более массовый характер. Необходимо безотлагательно усилить медицинский персонал, для чего прошу санкционировать немедленный выпуск медиков пятого курса Воронежского университета и категорически отклонить ходатайство ректора о продлении срока выпуска до первого февраля. Всех выпущенных врачей передать (в) распоряжение восьмой армии»¹⁵.

Тогда же В. И. Ленин написал распоряжение наркому здравоохранения Н. А. Семашко подготовить проект постановления Совета Обороны по этому вопросу.

Чем была вызвана мобилизация студентов 5 курса медицинского факультета Воронежского университета? Почему В. И. Ленину довелось заниматься военно-санитарным обеспечением личного состава VIII армии? Как Воронежский университет выполнил приказ об отправке медиков на фронт?

Советской власти пришлось преодолеть огромные трудности, чтобы создать новую систему медицинского обслуживания населения страны, а в годы гражданской войны и личного состава Красной Армии. Первый нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко на VII съезде Советов говорил: «Мы, бедная мужицкая страна, окруженная со всех сторон врагами, затянута целью блокады, обреченная на холод, голод и вымирание, страна, против которой вос-

стал могущественный магнат всего мира, все же в санитарном отношении находимся в лучшем положении, чем наш противник — любимое, балованное детище международного капитала. Это лишнее доказательство того, что только Советская власть, только та власть, которая не только понимает, что развитие эпидемии зависит от социально-экономического положения бедноты, но и все свои усилия направляет на поднятие экономического и социального положения ее, — может проводить самые решительные мероприятия по борьбе с эпидемией»¹⁶.

В. И. Ленину принадлежит руководящая роль в становлении государственной охраны здоровья народа, создания и деятельности санитарной службы Красной Армии. Им подписаны декреты правительства РСФСР «Об учреждении Народного комиссариата здравоохранения», «О призыве на военную службу медицинских, зубных, ветеринарных врачей, лекарственных помощников, фармацевтов, медицинских и ветеринарных фельдшеров», «Об учете перевозочных санитарных средств», «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом», «О мерах борьбы с эпидемией», «Об обязательном оспопрививании», «О санитарной охране жилищ», «О снабжении мыловаренных заводов сырьем»¹⁷. Подсчитано, что только на заседаниях Совета Обороны, во главе которого стоял В. И. Ленин, более 60 раз обсуждались вопросы, связанные с медицинским обслуживанием населения и Красной Армии.

По инициативе В. И. Ленина к охране здоровья народа были привлечены буржуазные врачи, создан Всероссийский комитет помощи раненым и больным красноармейцам, посылались уполномоченные ЦК РКП(б), ВЦИК РСФСР, Совета Обороны для обследования санитарного состояния ряда городов и воинских частей, борьбы с эпидемией. Много сделал В. И. Ленин и по обеспечению фронта медицинскими кадрами.

В ноябре—декабре 1919 г. войска Южного фронта вели активные наступательные бои против деникинцев. От белогвардейцев были освобождены Центральное Черноземье, значительная часть Украины и Донской области. На этой территории противник оставил тысячи больных и раненых. Накануне бегства белогвардейская пропаганда всячески пыталась доказать солдатам, что если они окажутся под властью Советов, то их неминуемо расстреляют. Белогвардейские газеты настойчиво советовали им прятаться по селам, неболь-

шим городам или затеряться на железнодорожных станциях. Так деникинцы сознательно распространяли заразу среди красноармейцев и местного населения. В «Полевой книжке комиссара» 3-й бригады 40-й дивизии И. Н. Шамаева записано: «1 января 1920 года. Наши войска после непродолжительного боя вступили в Каменскую. В эшелонах обнаружили военнопленных. Сердце сжалось от боли, когда увидели их. Истощенные до крайности, они лежали вместе с трупами. Тиф свирепствовал всюду. На вокзале та же картина. Рядом с нашими пленными были и тифозные казаки, брошенные своим начальством. Начали спасать больных, и своих, и белоказачков».

Во второй половине декабря 1919 г. появились признаки эпидемии тифа и в районе боевых действий VIII армии. Ее командующий сообщил 25 декабря народному комиссару здравоохранения Н. А. Семашко: «Эпидемия сыпняка разгорается. Даже штабы дивизии и штаб армии опустошены. Ответственные работники валяются один за другим. В частях число заболеваний огромно. Так, бригада, прибывшая с Восточного фронта, при следовании по железной дороге на одном только участке Лиски — Евстратовка сдала 800 больных. Врачей ничтожное количество. Например, в 40-й дивизии имеется всего 7 врачей. В воронежских госпиталях недостает 400 санитаров. Значительная часть медперсонала вымерла или больна. Мыло имеется в ничтожном количестве».

В январе — феврале 1920 г. в Воронежской губернии значительно увеличилось число больных брюшным тифом. 5 января Воронежский губревком сообщил в уездные ревкомы, что «распространение эпидемии тифа достигло в городе и губернии угрожающих размеров»¹⁸. Особенно много было больных в Богучарском уезде. Заведующий отделом здравоохранения этого уезда Н. Ф. Попов писал тогда в Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: «Мне пришлось при самых неблагоприятных условиях и при полном отсутствии специалистов налаживать работу отдела. В уезде после ухода белых и врачей. (на весь уезд остался один врач — я) все было дезорганизовано и разграблено»¹⁹.

Успех борьбы с тифом во многом зависел от деятельности медицинских работников. Большинство из них, несмотря на труднейшие условия гражданской войны и большую смертность в ходе боев и от заражения тифом, работали добросовестно. Они вкладывали в победу над врагом,

указывал В. И. Ленин, — «не меньше самопожертвования, чем любой военный специалист»²⁰. Но врачей и других медицинских работников было очень мало.

24 декабря 1919 г. ректор Воронежского университета В. Э. Регель получил от командования VIII армии телеграмму: «В порядке § 12 положения о правах командующего армией приказываю выпуск студентов-медиков пятого курса врачами произвести 1-го января и передать из числа выпущенных 50 человек в распоряжение начсанитчастей VIII армии»²¹.

29 декабря эта телеграмма была обсуждена на заседании ученого совета медицинского факультета. Профессора Н. Н. Бурденко, И. В. Георгиевский и А. Г. Русанов высказались за немедленное выполнение приказа. Но большинство членов ученого совета считали, что студенты должны окончить полный курс обучения, а затем отправиться в Красную Армию. Было принято решение: «Факультет исходит из необходимости по этому вопросу сношения с Центральной властью»²².

Воронежский губревком не согласился с этим решением и 1 января 1920 г. «Воронежская коммуна» опубликовала следующее объявление: «На основании распоряжения командарма VIII армии (в порядке § 12 положения о правах командующего) нижепоименованным товарищам студентам и студенткам 5 курса Воронежского университета независимо от занимаемых ими в настоящее время должностей предлагается явиться в управление санитарной части VIII армии (Покровская ул., д. 3) для заполнения анкет на предмет распределения в санучреждениях VIII армии». В этой же газете опубликован список более ста студентов и студенток, которые обязаны были выполнить это распоряжение губревкома.

2 января Совет Обороны под председательством В. И. Ленина обсудил вопрос о немедленном выпуске студентов-медиков 5-го курса Воронежского университета. В этот же день ректор университета В. Э. Регель получил телеграмму от заместителя народного комиссара просвещения РСФСР М. Н. Покровского: «Вследствие категорического требования фронта предлагаю немедленно приступить к выпуску медиков пятого курса»²³.

3 января на имя ректора пришла телеграмма из Военно-санитарного управления народного комиссариата здравоохранения РСФСР. В ней сказано: «Студенты пятого курса

должны быть мобилизованы немедленно. Из них 50 передайте начсанармии 8; 12 — госпиталям воронежского эвакупункта, 15 — распоряжение Приволжского ОВСУ» (Окружное военно-санитарное управление. — Д. Л.)²⁴.

5 января на ученом совете медицинского факультета были зачитаны эти телеграммы и принято решение принять их «к сведению и руководству... Считать десятый семестр законченным 1 января 1920 года»²⁵. Получив документы о досрочном окончании Воронежского университета, молодые врачи 10—12 января 1920 г. уехали к месту работы.

Директива В. И. Ленина в Воронеж об отправке студентов-медиков на фронт побудила ученых университета осуществить ряд других мер по военно-санитарному обеспечению личного состава VIII армии.

29 декабря профессор Н. Н. Бурденко на заседании ученого совета медицинского факультета выступил с предложением разрешить ему открыть в январе 1920 г. курсы по подготовке специалистов военно-полевой хирургии из числа студентов старших курсов и врачей Воронежа. Ученый совет факультета удовлетворил эту просьбу.

С 1 января почти все студенты 3—4 курсов медицинского факультета начали работать во внеучебное время в госпиталях и больницах Воронежа.

25 января при медицинском факультете началась подготовка медицинских сестер и братьев для работы в госпиталях VIII армии. В январе — феврале многие студенты отправлялись на обследование санитарно-жилищных условий ряда уездов Воронежской губернии и для участия в борьбе с эпидемией тифа.

15 января студент 3 курса М. С. Брук обратился в губздравотдел с просьбой: «Желая уехать в провинцию в качестве лекпома на борьбу с эпидемией, настоящим прошу дать мне командировку в один из южных уездов»²⁶. В одном из удостоверений губздравотдела, подписанном 9 февраля, было сказано: «Предъявитель сего студент-медик 4 курса Сергей Федорович Фомин командировается в срочном порядке в Новосильский участок Землянского уезда для борьбы с эпидемией тифа»²⁷. 26 февраля студент 4 курса Е. П. Паштет добровольно отправился в с. Девица на борьбу с тифом, а студентка 3 курса Е. В. Ляшенко — в Верхнюю Хаву.

Студент Б. М. Соколов из с. Боево сообщил в Воронежский уездный отдел здравоохранения, что санитарно-жилищные условия «в высшей степени плачевны. В одной комнате

ютятся по 10—15 человек, имея там же телят и овец. Бань незначительное количество, отсутствует мыло. Многие семейства питаются довольно скудно, особенно беженцы. На почве грязи и недоедания в каждой семье имеются больные»²⁸.

Еще предстоит дальнейшая исследовательская работа по истории отправки молодых врачей на фронт, окончивших досрочно Воронежский университет, но и то, что стало известно, вновь подтверждают слова Н. А. Семашко: В. И. Ленин ставит вопрос борьбы с сыпняком как громадной важности политическую проблему.

Военная переписка В. И. Ленина в годы гражданской войны — неотъемлемая часть его литературного наследия. Она, наряду с другими ленинскими работами того периода, отражает деятельность вождя революции, ЦК партии, Совета Обороны по защите завоеваний Великого Октября, связана со значительными событиями гражданской войны, дает возможность, выражаясь словами М. И. Калинина, «лучше понимать современные события, чтобы постоянно совершенствоваться в знании военного дела»²⁹.

Ныне известно более тысячи ленинских писем, заметок, резолюций, телеграмм, пометок, относящихся к вопросам обороны страны. Эта часть литературного наследия В. И. Ленина наиболее полно отражена в его многотомной биографической хронике — самом весомом вкладе в Лениниану после выхода в свет Полного собрания сочинений. История каждого такого документа имеет большое научное и воспитательное значение.

Исследование переписки В. И. Ленина и воронежцев убеждает, что Владимир Ильич был тесно связан с Воронежем и губернией, хорошо знал особенности экономики и классовой борьбы этого района страны, видел нужды, потребности, возможности, пристально следил за ходом боев на воронежском направлении. Это позволило ему оказывать необходимую помощь воронежцам в упрочении власти Советов, в организации и проведении борьбы против Краснова и Деникина. «Мы, участники установления и упрочения власти Советов, — отмечал М. Г. Рошаль, бывший председатель Воронежского губернского совнархоза, — хорошо помним пристальное внимание В. И. Ленина к событиям в Воронежской губернии. Его доклады, речи, письма, телеграммы служили для нас путеводной звездой в нашей сложной и трудной работе»³⁰.

¹ Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. М., 1974, т. VIII, с. 56.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 323.

³ Там же, с. 487—488.

⁴ Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1972, т. VII, с. 153.

⁵ Там же, с. 474.

⁶ Там же, с. 491.

⁷ Известия Воронежского губисполкома, 1919, 31 мая.

⁸ ПАВО, ф. 4794, оп. 1, д. 15, л. 113.

⁹ Известия Острогожского уездного Совета, 1919, 6 июня.

¹⁰ ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 147, л. 9.

¹¹ ЦГАСА, ф. 1229, оп. 1, д. 1, л. 27.

¹² См. Лаппо Д. Д. В одном строю. Воронеж, 1975, с. 84.

¹³ ПАВО, ф. 1, оп. 1, д. 76, л. 39.

¹⁴ Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями, т. VIII, с. 686.

¹⁵ ЦГАСА, ф. 191, оп. 1, д. 19; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1977, т. 8, с. 148—149.

¹⁶ Правда, 1919, 9 дек.

¹⁷ См. Потолов Б. М. В. И. Ленин и советское здравоохранение. М., 1964; Кубланов А. Л. Совет рабочей и крестьянской обороны. Л., 1975.

¹⁸ Государственный архив Воронежской области (ГАВО), ф. 35, оп. 1, д. 191, л. 90.

¹⁹ ГАВО, ф. 35, оп. 1, д. 191, л. 82.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 410.

²¹ ЦГАСА, ф. 191, оп. 1, д. 19, л. 199.

²² ГАВО, ф. 33, оп. 1, д. 389, л. 18.

²³ Там же, д. 11, л. 3.

²⁴ Там же, л. 4.

²⁵ Там же, л. 3—4.

²⁶ ГАВО, ф. 35, оп. 1, д. 198, л. 168.

²⁷ Там же, л. 63.

²⁸ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 65, л. 157.

²⁹ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. Сб. речей, докл., ст. М., 1967, с. 576.

³⁰ Лаппо Д. Д. Революцией мобилизованные. Воронеж, 1970; с. 3.

сударева разряда» 1636 г. читаем, что Тобольск было поручено «ставить» голове Ивану Мясному, который в 1584/85 г. воеводствовал в Шацке. Вслед за составителем указателя к данному «разряду» Г. П. Махновой нужно полагать, что это не И. С. Мясной, а Иван Никитич Мешок (Коробок) Мясной¹¹, которого родословец не знает. Очевидно, его составитель ошибся. Неверно и свидетельство родословца о том, что И. С. Мясной был «на Воронеже... меньше Василья Биркина». Согласно разрядной книге редакции 1598 г., указ об основании г. Воронежа устанавливал равенство этих воевод¹².

В январе 1587 г. в Речь Посполитую выехали русские посланники — дворянин Е. Л. Ржевский и дьяк З. Г. Связев. Их целью было добиться согласия «радных панов» на избрание польско-литовским королем царя Федора Ивановича. Наказ посланникам, составленный, по Р. Г. Скрынникову, в Посольском приказе «в конце декабря 1586 г.»¹³, предписывал Е. Л. Ржевскому заявить о нападениях живших в Речи Посполитой «черкасских казаков» на новые русские города, в том числе город, «что поставлен у нас сего лета на Дону, в устье Воронежа». На основании этого известия Н. М. Карамзин датировал возникновение г. Воронежа 1586 г.¹⁴ Но другие источники не оставляют сомнений в том, что г. Воронеж основан годом раньше. Вольное обращение с фактами было вполне допустимо в дипломатических документах. Сдвигая дату основания г. Воронежа, Е. Л. Ржевский подчеркивал враждебность Речи Посполитой Русскому государству при бывшем короле Стефане Батории, что было важно ввиду целей посольства. Тем не менее факт нападения черкас на новую крепость «в устье Воронежа», неизвестный из других источников, представляет бесспорный интерес. Вероятно, эти нападения относятся к 1586 г.

Согласно Карамзинской разрядной книге, 20 апреля 1590 г. г. Воронеж был сожжен отрядом черкас¹⁵, пришедшим из Речи Посполитой. Это побудило русское правительство предпринять дипломатические меры. На мирных переговорах с Польско-Литовским государством, состоявшихся в Москве в ноябре 1590 — январе 1591 г., включенный в текст договора список русских городов был дополнен указаниями на Ливны и Воронеж. Тем самым на Речь Посполитую как бы налагались обязательства препятствовать нападениям на эти «новые города» России. Однако в литовском экземпляре соглашения указания на Ливны и Воронеж были выпу-

щены¹⁶, что свидетельствует о заинтересованности Речи Посполитой в таких нападениях.

Согласно разрядным книгам, указывающим на разорение черкасами Воронежа, взамен убитого И. А. Долгорукого-Шибановского в город были присланы новые воеводы — князь Г. И. Долгорукий и голова Г. Г. Вердеревский. Однако в «государевом разряде» 1598 г., где о черкасском погроме не говорится, назначение этих воевод в Воронеж датируется 3 апреля 1590 г., когда по царскому приказу были сменены воеводы во многих «украинных» и «береговых» городах (в «разряде» находим длинный перечень данных городов и назначенных туда воевод)¹⁷. Вряд ли можно усомниться в достоверности этого известия официальной разрядной книги, составленной вскоре после разорения Воронежа. По-видимому, ошибка допущена в тех «разрядах», где назначение Г. И. Долгорукого и Г. Г. Вердеревского связывается с гибелью И. А. Долгорукого.

По обнаруженной нами разрядной записи, после черкасского погрома «города государь послал на Воронеж ставить Петра Суворова сына Наумова»¹⁸. Это, как и приведенные свидетельства «разрядов» о посылке воевод в разоренный Воронеж, противоречит заключению Г. Н. Анпилогова о том, что после черкасского погрома город строился в 1594 г.¹⁹ Далее, судя по «разрядам», Г. И. Долгорукий и Г. Г. Вердеревский оказались в Воронеже еще до осени 1590 г.; отрывки боярского списка 1590—1591 гг. сообщают о пребывании там Г. Г. Вердеревского. Воеводы находились в Воронеже и в последующие годы²⁰. Л. Б. Вейнберг считал, что разрушенный черкасами Воронеж немедленно восстановили²¹. Этот вывод подтверждается ряжской десятной денежной раздачи, составленной 15 ноября 1591 г. В ней перечислено 24 сына боярских — «ряшанина», которые «збежали с государевы службы с Воронежа» или не явились туда. За это по сравнению с окладом, установленным предшествующей десятной 1583/84 г., им было «не додано государева жалованья по 2 рубли человеку». Примечательно, что за неявку на «ругодивскую» службу (в поход к Нарве) 1590 г. из денежного оклада детей боярских вычитался 1 рубль — 1 рубль 13 алтын 2 деньги. В. Н. Сторожев, отметив упоминания десяти о воронежской службе, не поставил вопроса о ее датировке. Между тем в документе сообщается о том, что «воронежской нетчик» К. П. Сумароков убит в 7099 г., т. е. не позже августа 1591 г. До ноября того же года за

службу в Воронеже было «придано» 2 рубля Н. С. Обрывкову. Эта служба названа в десятне вслед за «ругодевской» 1590 г. и крымской 1591 г. О последней составители десяти А. Ф. Третьяков, Н. С. Путилов и В. Алексеев однажды говорят как о службе в «обозе», т. е. укреплённом лагере русских войск во время сражения с крымскими татарами под Москвой в начале июля 1591 г.²² Таким образом, указанную в ряжской десятне воронежскую службу следует приурочить к июлю — октябрю 1591 г. В это время г. Воронеж если и не возродился, то по крайней мере строился.

Десятни содержат и другие важные сведения по истории колонизации г. Воронежа в конце XVI в. По помете в епифанской верстальной десятне 1584/85 г., С. А. Евдокимов «на Воронеже в казаках». Помета сделана до 30 октября 1591 г., когда была составлена следующая епифанская десятня; в ней С. А. Евдокимов уже не значится²³. В момент появления ряжской десяти 1591 г. сын боярский Б. С. Вахнеев, по словам окладчиков, был городовым прикащиком в Воронеже. О новике поместного верстанья 1597 г. Т. Б. Панфилове окладчики сказали, что он «сбежал на Воронеж, а к Москве к смотру не бывал». Согласно ряжской десятне за июнь 1597 г. имевший «прожиточное поместье» (25 четвертей) Т. И. Караваев в Воронеже «осадную службу служит»²⁴. На основании этого замечания можно думать, что в 1597 г. недавно восстановленной крепости грозила новая опасность. В тульской разборной десятне 1622 г. сказано, что И. Л. Пещуров был «на Воронеже в сотниках, а збежал на Дон», его поместье размером в 250 четвертей запустело, им никто не владеет «лет з 20 и болши». О его родственнике И. Ф. Пещурове в десятне сообщается, что он служит сотником в Воронеже, его поместье (300 четвертей) тоже запустело «лет з 20 и болши»²⁵. Эти свидетельства десяти, несмотря на их мимолетность, позволяют говорить о притоке в г. Воронеж в первые годы его существования епифанских и ряжских, а затем и тульских служилых людей.

Г. Н. Анпиловым опубликован комплекс документов о строительстве Воронежа в 1594 г. Эти материалы значатся еще в описи посольского архива 1626 г.: «Столл воронежской 102-го (1593/94. — Я. С.) году о городовом и об острожном деле и о новоприборных казаках, и о всяких делех, ветх и распался, исподу (конца. — Я. С.) нет»²⁶. Они по-

звонят судить о ходе строительства крепости, порядке на-бора на воронежскую службу, составе городского населения.

Документы свидетельствуют о наличии в г. Воронеже выходцев с Дона и Волги, в частности донских казаков, ранее служивших в Данкове и Ряжске. Из Данкова приехал, например, атаман Иван Баловнев. Затем он вернулся обратно, «збив» с собой трех «беломестных» воронежских казаков и взяв денежное и хлебное жалованье²⁷. Из Епифани в Воронеж бежали крестьяне. Казачий голова Б. Хрущов вел сыск беглых среди подчиненных ему казаков. Согласно его отписке царю Федору Ивановичу, он выдавал беглых крестьян детям боярским. Однако приехавшего с царской грамотой за своими крестьянами Ш. Муромцева ждал отказ, ибо один из этих крестьян числился в списке служилых казаков, принятых Б. Хрущовым в 1592/93 г., а второй тогда же стал «новоприборным». К тому же, по слухам, они прежде жили не на пашне, а в посаде «на Епифани» за детьми боярскими, верстанными из казаков; в их дворах остались жильцы; наконец, им было выдано «государево» жалованье. Сотник П. Фролов отказался выдать своих казаков, так как они раньше служили детям боярским добровольно или у них остались в крестьянах отцы, потом были на Дону и Волге, а записавшись в «беломестные» казаки, получили денежное содержание. Но Б. Хрущов и П. Фролов не были уверены в правомерности этих мотивов отказа и запрашивали распоряжения из Москвы. Исходя из принципов колонизационной политики правительства на южных «украинах»²⁸, можно тем не менее полагать, что помещики не получили своих бывших крестьян, бежавших в Воронеж.

В документах названы казачьи сотники К. Белокопытов, М. Спыльный, М. Качалов, К. Жаворонков, С. Морин; последнему (иногда он неверно именуется Марининым) была отдана и сотня «новоприборных» казаков З. Зайцова. По царскому указу в казаки перешло 50 стрельцов, взамен набраны новые. Распоряжение из Москвы предписывало В. Медведю «прибрать» в Воронеже еще 200 атаманов и казаков, а П. Фролову — 100 (он «прибрал» 50). Б. Хрущов жаловался на сотников, что они живут не на «государеве» службе в Воронеже, а «по домам в деревнях»; С. Морин в деревне даже «годовал», однако по возвращении оттуда не задумался получить жалованье. Казачьему голове были подчинены и черкасы во главе с атаманами Г. Михайловым и В. Вороновым (отряд Г. Михайлова ранее на-

ходил в Ливнах). Стрельцов (над ними начальствовал голова И. Арсеньев) было куда меньше, чем казаков. Когда воевода И. Ф. Кобяков выделил для проводов до Азова русского посланника Д. И. Исленьева и турецкого «чеуша» сотню стрельцов В. Горбатова, в Воронеже осталось лишь 46 стрельцов прежнего «прибора»²⁹.

Строительство воронежской крепости в 1594 г. началось не позже февраля, но не было закончено еще на исходе сентября. В затылке строительства Б. Хрущов обвинял воеводу И. Ф. Кобякова, который быстро распустил «посоху» — 100 конных и 50 пеших людей из Рязани и Ряжского уезда. Задержка объяснялась и бегством из Воронежа казенных пронских, михайловских и тульских плотников. Воеводам Пронска и Михайлова было приказано вернуть плотников обратно (в Тулу грамоты такого содержания не посылались). За плотниками из Москвы был направлен воронежский сотник М. Качалов, которому предписывалось раздать им жалованье. Царский указ предусматривал, что «город» должны возводить все служилые люди, но, как уверяет в своих отписках Федору Ивановичу Б. Хрущов, крепость «делали» только казаки и стрельцы³⁰.

Строившемуся г. Воронежу грозила опасность со стороны татар и «воровских черкас». Б. Хрущов доносил царю, что в двух местах разбил азовских и ногайских татар, а «языков» отправил в столицу. Он сетовал на то, что казацкие сотники не ходят вместе с ним в походы на татар³¹. Последние, кстати, едва ли разорили г. Воронеж накануне его строительства в 1594 г. В начале января этого года дьяк А. Я. Щелкалов заявил крымскому послу в Москве о беспрепятственных нападениях азовских и ногайских татар под Воронежем³². Но об их нападениях на сам город в Посольском приказе не знали.

В отписке И. Ф. Кобякова в Москву читаем, что он по царскому указу выбрал двух детей боярских «добрых ездити по острогу для огню... штоб избы не топили». Б. Хрущов же сообщал правительству о том, что из дворов «огню вынимать» воевода посылал сотников³³. В этой связи нельзя ли предполагать, что накануне строительства 1594 г. Воронеж пострадал от пожара, случившегося в крепости?

По утверждению П. П. Елифанова, воронежскую крепость в 1594 г. проектировали И. Катеринин и неизвестный по имени владимирский мастер³⁴. Однако в документах о строительстве Воронежа упомянут только городской мастер

Катеринин; с владимирским мастером он «делал» крепость в Ельце³⁵.

Итак, современный город Воронеж основан не ранее августа 1585 г. До конца 1586 г. он подвергся нападению черкас, а в апреле 1590 г. был сожжен ими. Вскоре воронежская крепость восстанавливается, но в 1594 г. отстраивается вновь, возможно, после пожара в городе. Заселенный выходцами из соседних «украинных» крепостей, «вольными» казаками, беглыми крестьянами, Воронеж, по отзыву поляка С. Немоевского, стал к началу XVII в. одним из крупнейших городов Придонья³⁶.

¹ См. Загоровский В. П. Из истории городов на Белгородской черте. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966, с. 29, 33 (Труды ВГУ, т. 64); Он же. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1977, с. 87, 88, 92. Как доказывает В. П. Загоровский, летописный Воронеж XII в. находился в пределах Рязанского княжества.

² Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 347, 358. Вскоре после основания Воронежа С. Ф. Сабуров «ставил» Цивильск (см. Корещкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова. — История СССР, 1968, № 4, с. 121, 129).

³ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 354; Разрядная книга 1550—1636 гг., II. М., 1976, вып. 1, с. 23—24. В последнем «разряде» читаем, что воеводы были посланы под Азов «для оберегания турскова посланника, из Дону черкас збивать».

⁴ См. Загоровский В. П. О древнем Воронеже..., с. 90, 91; Он же. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 21, 24. Р. Г. Скрынников почему-то считает, что Ливны основаны годом позже Воронежа, в 1586 г. (см. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978, с. 66).

⁵ Акты Московского государства. Спб., 1890, т. 1, с. 59.

⁶ См. Кошелев В. И. Возникновение г. Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства. — Изв. Воронежск. пед. ин-та, 1958, т. XXVI, с. 203, 205, 237; Загоровский В. П. О древнем Воронеже..., с. 89—92.

⁷ См. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 358, 362, 375, 467; Местнические дела 1563—1605 гг./Собраны и изданы Н. П. Лихачевым. Спб., 1894, с. 29; Местнический справочник XVII века/Издан Ю. В. Татищевым. Вильна, 1910, с. 16, 28; Описи Царского архива и архива Польского приказа 1614/Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 74, 109, и др.

⁸ См. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, с. 430; Описи Царского архива..., с. 105. Отметим, что В. Н. Сторожев ошибочно писал о Судакове-Мясном (см. Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1891, с. 168).

И. С. Мясной и И. А. Судаков различаются и в указателе к «Государеву разряду» 1598 г. Однако строитель г. Воронежа почему-то

значится там дважды — как И. Мясной и И. С. Мясной (см. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 574, 588).

⁹ См. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 374; Местнический справочник..., с. 22, 25. Один из многочисленных списков этого родословца отыскан В. И. Корецким в фондах Воронежского областного краеведческого музея (см. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 196, 201).

¹⁰ См. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1937, т. 1, с. 272.

¹¹ См. Разрядная книга 1550—1636 гг., II, вып. I, с. 14, 33; Архив Ленингр. отделения Института истории АН СССР, к. 36, оп. 1, № 662, л. 531, и др.

¹² См. Местнический справочник..., с. 22; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 368.

¹³ Скрынников Р. Г. Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова. — История СССР, 1975, № 2, с. 56.

¹⁴ См. Центральный государственный архив древних актов, ф. 79, № 17, л. 11; Карамзин Н. М. История государства Российского, СПб., 1843, кн. III, Примечания к X тому, с. 56, прим. 300.

¹⁵ См. Щербатов М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1790, ч. I, т. VI, с. 261; Карамзин Н. М. Указ соч., кн. III, Примечания к X тому, с. 36, прим. 192. В Архивном списке «государева разряда» 1636 г. разорение Воронежа датируется апрелем 1590 г. (см. Разрядная книга 1550—1636 гг., II, вып. I, с. 66, прим. 47).

¹⁶ См. Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1519 г. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 74—75. Автор неверно датирует нападение черкас на Воронеж концом 80-х гг. XVI в.

¹⁷ См. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 429, 431.

¹⁸ Отдел рукописных и редких книг библиотеки Академии наук СССР, 17.5.29, л. 362 об. — 363.

¹⁹ См. Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967, с. 307, 309. См. также: Воронежский край..., с. 47.

²⁰ См. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 431—476; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII г. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979, ч. I, с. 178.

²¹ См. Вейнберг Л. Воронеж. — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1892, т. VII, с. 211.

²² См. Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951, с. 43, 208; Полн. собр. русских летописей. М., 1965, т. 14, с. 43; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 442; Разрядная книга 1550—1636 гг., II, вып. I, с. 84.

²³ См. Сторожев В. Н. Материалы..., с. 93, 100, 101. В епифанскую десятню 1584/85 г. внесены дети боярские, верстанные из казаков.

²⁴ Сторожев В. Н. Материалы..., с. 307, 426, 428.

В воронежской разборной десятне 1621/22 г. фигурируют сын боярский А. Караваев и слободской атаман Ф. Панфилов (см. Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятням XVII века. Воронеж, 1894, вып. I, с. 10, 11, 24, 25), возможно, родственники названных переселенцев.

²⁵ Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1915, Прилож., с. 140, прим. 2, 3. В воронежской десятне 1621/22 гг. среди новиков, которые «по окладчикове скаске без-

поместны, государевы службы им служить не с чево», указан А. И. Пешуров (см. Сторожев В. Н. Воронежское дворянство..., вып. 1, с. 15, 16), вероятно, сын тульского выходца.

²⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подготовил к печ. В. И. Гальцов. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977, ч. I, с. 260. Следом за этим «столпом» в описи упомянуты аналогичные документы 1594/95 г.

²⁷ См. Анпилогов Г. Н. Новые документы..., с. 376. Этот данковский атаман — отец Михаила Баловнева, предводителя казачьего движения начала XVII в. (см. Станиславский А. Л. Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Баловня. — Вopr. истории, 1978, № 5, с. 119). А. Л. Станиславский неверно относит И. Баловнева из Воронежа к 1592 г.

²⁸ См. Корецкий В. И. Указ. соч., с. 96—115.

²⁹ См. Анпилогов Г. Н. Новые документы..., с. 374—403.

³⁰ См. там же, с. 14, 378, 381, 392, 394—395. По платежным книгам 1594—1597 гг. в Рязанском уезде имелись жеребья воронежских служилых людей (см. Писцовые книги Рязанского края / Под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1898, вып. 1, т. 1, с. 220; Рязань, 1904, вып. 3, с. 798, 869).

³¹ См. Анпилогов Г. Н. Новые документы..., с. 382, 386, 387.

³² См. Новосельский А. А. Указ. соч., с. 433.

³³ Анпилогов Г. Н. Новые документы..., с. 378, 394.

³⁴ См. Очерки русской культуры XVI века. М., 1977, ч. 1, с. 327.

³⁵ См. Анпилогов Г. Н. Новые документы..., с. 368, 393; Воронежский край... с. 48. Елец после разорения Тимуром был восстановлен только в 1592 г. Ошибочно, следовательно, мнение Е. В. Калининной, будто среди первых жителей г. Воронежа имелись «сведенцы» из Ельца (см. Калининна Е. Указ. соч., с. 47).

³⁶ См. Записки Станислава Немоевского (1606—1608). — В кн.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1907, вып. VI, Прилож., с. 169.

П. В. Загоровский

ПРИГОРОДЫ ВОРОНЕЖА В XVII ВЕКЕ — КОСТЕНСК И ОРЛОВ

Любопытной страницей в истории Воронежа является наличие у него (хотя и в течение сравнительно небольшого времени) своих «пригородов». Речь в данном случае идет не о городских слободах Воронежа, располагавшихся в XVII в. как внутри обнесенной стенами территории, так и за стенами города. Не имеются в виду и пригородные воронежские слободы более поздней эпохи. В середине XIX в. таких слобод было пять: Чижовка, Ямская, Троицкая (или Беломестная), Придача, Монастырщенка (или Клементьевка); они были включены в состав города уже в советскую эпоху. В статье рассказывается о Костенске и Орлове — двух городках, расположенных довольно далеко от Воронежа, но официально именовавшихся в середине XVII в. «пригородами Воронежа».

«Пригороды» в Древней Руси, а также в России, в эпоху образования и укрепления централизованного государства, широко известны и постоянно упоминаются в исторических источниках. В Древней Руси пригородом, или пригородком, зачастую именовали небольшой город, в административном и хозяйственном отношении подчиненный другому, более крупному городу, зависимый от последнего. Так, сначала Псков считался пригородом Великого Новгорода. Позже, в XV—XVI вв. у Пскова имелись уже свои пригороды.

Академик М. Н. Тихомиров, автор целого ряда обстоятельных исследований по социально-экономической истории и исторической географии феодальной России, постоянно оперирует термином «пригород». В книге «Россия в XVI столе-

тии» он пишет, в частности о «северных псковских пригородах» и «южных псковских пригородах»¹. Кстати, в числе южных пригородов Пскова, разоренных в ходе Ливонской войны, был и городок Воронач, стоявший на речке Сороти. Об этом Вороначе писал в свое время первый воронежский историк Е. А. Болховитинов, предостерегая будущих историков от возможной путаницы города Воронежа с псковским пригородом Вороначем.

К XVII в., по сравнению с эпохой Киевской Руси и периодом феодальной раздробленности, понятие «пригород» несколько изменилось. «Пригородом» в документах стали называть городок, не имевший своего уезда, подчиненный в административном отношении воеводе соседнего, более крупного города. Воронеж в XVII в. являлся центром значительной территории, здесь к середине XVII в. сложился большой посад, велика была роль Воронежа и как военной крепости на южных рубежах Русского государства. Появление у Воронежа в это время своих пригородов (Костенска и Орлова) являлось закономерным явлением. Заметим, что из городов Воронежского края «пригород», кроме Воронежа, тогда имелся только у Коротояка (городок Урыв).

«Костенский острожек к Воронежу пригородок», — записано в сметной книге городов Белгородского разряда, присланной в Москву из Белгорода воеводой Б. А. Репниным в 1664 г.² Аналогичная формулировка употреблена и по отношению к городку Орлову³. Воронежские воеводы в середине XVII в. в своих донесениях сообщают о подчиненных Воронежу городках Костенске и Орлове, иногда употребляя термины «пригородок», иногда обходясь без них. Отчеты воевод Воронежа охватывают также Костенск и Орлов, их население, деревянные и земляные крепости этих городков. Вместо воеводы в пригороде сидит подчиненный воронежскому воеводе «голова» или «приказный»; такие эпитеты употребляются, в частности, по отношению к Владимиру Карандееву, находившемуся в 1658 г. в Костенске⁴.

Однако уже в 60-е гг. XVII в. связь обоих пригородов с Воронежем ослабевает. Костенск и Орлов, ставшие военными крепостями на только что построенной Белгородской черте, начинают рассматриваться в Разрядном приказе в качестве самостоятельных городов. В них появляются собственные воеводы. Стольник Автоном Еропкин, описавший осенью 1669 г. укрепления восточной половины Белгородской черты, уже не называет Костенск и Орлов «пригородами»

Воронежа⁵. Оба эти городка являются центрами своих военных зон на Белгородской черте. Вокруг них складываются собственные уезды, возникают зависимые от городков села. Военная роль Костенска и Орлова в отражении Россией татарских вторжений, несомненно, способствовала росту их самостоятельности, уменьшению их зависимости от Воронежа.

В то же время следует отметить, что в документах мы не нашли свидетельств о каком-нибудь официальном акте, правительственном решении, говорящем о предоставлении «самостоятельности» Костенску и Орлову. Традиционная подчиненность этих городков Воронежу в определенной мере сохранялась и после появления в них собственных воевод. Так, в переписных книгах 1684 г. Костенск и Орлов значатся как городки в Воронежском уезде, они описаны вместе с другими поселениями уезда после г. Воронежа, сел и деревень Борщевского, Уманского, Чертовицкого и Карачунского станов⁶.

Как и Воронеж, его пригороды в середине XVII в. были тесно связаны с донской землей, с казачьим вольным Доном. Бегство (а в понимании местных жителей — просто «уход») на Дон было, как видно по документам, и для костенцев, и для орловцев обычным явлением. В 1658 г. воронежский воевода И. Я. Кушелев доносил в Москву, что «орловских драгунов дети», не желая записываться в солдаты формируемого Белгородского полка, «сбежали на Дон»⁷. В 60—80-х гг. XVII в. среди донских казаков было немало людей, являвшихся близкими родственниками жителей Воронежа, его пригородов, его уезда, других городов Воронежского края.

Говоря об истории изучения Костенска и Орлова, отметим, что в работах дореволюционных воронежских историков Е. А. Болховитинова, Н. И. Второва, Л. Б. Вейнберга содержатся лишь отрывочные сведения об обоих городках, встречаются противоречия и неточности. Специальную статью о Костенске опубликовал в 1891 г. русский писатель и воронежский краевед Е. Л. Марков⁸; статья эта написана в форме литературного очерка и не претендует на точное освещение исторических событий. История городка Орлова в дореволюционном воронежском краеведении получила некоторое освещение в комментариях литературоведа и археографа М. Ф. Де-Пуле, приложенных к изданным им «Орловским актам»⁹.

В советскую эпоху история Костенка и Орлова освещалась в работах В. И. Кошелева и В. П. Загоровского; можно выделить, в частности, обстоятельную статью В. И. Кошелева «Городок Орлов и его военная зона в XVII веке». Эти авторы исследовали Белгородскую черту — укрепленную линию на южных рубежах Русского государства в XVII в.; Костенск и Орлов рассматривались ими в первую очередь как крепости на Белгородской черте, а не как пригороды Воронежа¹⁰.

Костенский острожек, или Костенск, был построен в 1642 г. на создававшейся тогда Белгородской черте после попытки бегства за рубеж «костенских черкас» (украинцев и белоруссов), перешедших в Россию и устроенных в с. Костенки Воронежского уезда. Руководил строительством острожка воронежец, сын боярский Богдан Конинский, он же стал в Костенске «головой». На «изменничьих черкасских местах», согласно правительственному распоряжению, надо было поселить драгун, набор в драгунскую службу в новый городок Костенск происходил в Москве, Воронеже и в ряде других городов. Официальным представителем правительства, наделявшим костенских драгун жалованьем и землей, являлся воронежский воевода Василий Григорьевич Ромодановский, — не надо забывать, что с. Костенки входило до этого в состав Воронежского уезда, относилось к Борщевскому стану Воронежского уезда. Новые жители Костенка стали официально именоваться «детьми боярскими драгунской службы», они получили весной 1642 г. землю на пашню, огнестрельное оружие («пищали долгие и карабины добрые»), по 5 рублей денег, по лошади (лошадь предназначалась для военной службы). Драгуны в России тогда должны были действовать во время боя как в конном, так и в пешем строю. Костенские драгуны являлись «поселенными драгунами», их обязанностью являлась гарнизонная служба. В первом наборе костенских драгун насчитывалось 144 человека¹¹.

Кто же попал в число «детей боярских драгунской службы» в Костенске?

Судя по донесениям воеводы В. Г. Ромодановского, можно думать, что это были дети боярские различных городов, а также их взрослые родственники. Однако найденный нами интересный документ — описание Борщевского монастыря, относящееся к январю 1644 г., — свидетельствует о том, что в число первых служилых людей Костенка попали бывшие

крепостные крестьяне. В ходе описания Борщевского монастыря выявилось немало пустых крестьянских дворов. В документе записано, что прежние жители их — монастырские крестьяне и бобыли «сошли в новые государевы города в стрельцы, и в казаки, и в драгуны, а иных татары поимали и побили»¹².

Поскольку первые драгуны появились в Воронежском крае в 1642 г. и только в Костенске (наборы в драгунскую службу в Орлове, Сокольске, Добром проходили позже, в 1646—1648 гг.), значит документ 1644 г. говорит именно о драгунах Костенска, а не о каких-нибудь других! Борщевский монастырь находился в непосредственной близости от Костенска; как и Костенск, он стал крепостью на Белгородской черте. В данном случае не так важно количество крепостных крестьян Борщевского монастыря, принятых в «дети боярские драгунской службы». Важно то, что правительство, исходя из военных соображений, пока еще смотрело сквозь пальцы на проникновение в Воронежском крае бывших крепостных крестьян в служилую среду, в гарнизоны новых городов.

23 сентября 1645 г. Костенск подвергся нападению довольно крупного татарского отряда. Пользуясь тем, что укрепления Белгородской черты по р. Тихой Сосне к этому времени не были достроены, татары пересекли Тихую Сосну и по донскому правобережью устремились к Костенску. Городов Коротояка и Урыва тогда еще не существовало, Костенск являлся крайним русским укреплением на Дону. Согласно донесению воронежского воеводы А. В. Бутурлина, татар было «с 500 человек», они «приступали» к городку и пытались поджечь деревянные стены острожка. Голова костенских драгун Андрей Кормалеев возглавил вылазку из крепости «и зажечь острошка не дал». Бой продолжался «с обеда до вечера» и закончился победой костенских драгун. Татары ушли от Костенска «в степь вверх по реке Девице к Осколу», отогнать стада и захватить полон им не удалось¹³.

В начале 50-х гг. XVII в. военное положение Костенска делается более прочным и надежным. Южнее и юго-западнее Костенска возникают новые русские города-крепости на Белгородской черте: Коротояк (1647), Новый Оскол (1647), Верхососенск (1647), Урыв (1648), Острогжск (1652). Четко определяются географические контуры Белгородской черты в целом, ее Костенского участка в частности. Татары

теперь могли подойти к Костенску только с востока, со стороны Дона. Это дало возможность костенским драгунам пахать землю и сеять хлеб не только в непосредственной близости от городка, но и западнее его.

Костенские драгуны, как и большинство мелких служилых людей Воронежского края, не имели регулярного денежного жалованья. Основой существования костенцев являлось земледелие, земельные участки, полученные ими вблизи от Костенска. Костенские драгуны были прочно связаны не с торгово-ремесленной жизнью города, а с земледельческим трудом, с селом; их жизнь и быт являлись по сути дела сельскими, крестьянскими. Такая социально-экономическая структура населения Костенска препятствовала возникновению в этом воронежском пригороде профессиональных купцов и ремесленников (посадских людей).

В белгородских сметных книгах ежегодно указывается число взрослых мужчин в Костенске, могущих нести военную службу. В 1664 г. указан 291 человек, в том числе 265 «детей боярских драгунокой службы», 13 пушкарей, 13 захребетников¹⁴. Последующие «разборы» привели к ликвидации захребетников, поскольку русское правительство настойчиво проводило тогда политику записи «в службу» в Воронежском крае всех взрослых мужчин.

Для 60-х гг. XVII в. можно говорить о начале складывания Костенского уезда. В военном отношении Костенску был подчинен построенный в 1657 г. на берегу Дона Рудкинский стоялый острожек. Около него возникло поселение костенских драгун — с. Рудкино. В 1671 г. в Костенском уезде упоминаются три деревни: Семидесятная, Никольская и Яблочная¹⁵. Население этих деревень составили набранные «в драгунскую службу» 70 новых костенских драгун (отсюда и название деревни — Семидесятная, ныне — с. Семидесятное). Географически Костенский уезд мог расширяться в 60—70-х гг. XVII в. только в западном направлении. Перешагнуть за Дон, «за черту», он смог после Азовских походов Петра I, после фактического прекращения татарских вторжений в Воронежский край и потери Белгородской чертой своего военного значения на грани XVII и XVIII вв.

Кроме военной службы, костенские драгуны должны были выполнять и другие государственные повинности, из которых наиболее трудной было «струговое дело» — строительство судов для донских отпусков и отправок в низовья Дона русских войск. С 1 сентября 1667 г. костенские драгуны,

наряду с другими мелкими служилыми людьми Воронежского края, были обложены натуральным хлебным налогом — «четвериковым хлебом». Размеры этого налога в 70-х гг. XVII в. заметно увеличились. Многие драгуны не могли заплатить хлебного налога, разорялись и голодали. Недоимки в сборе «четверикового хлеба» в Костенске были обычным явлением, с 1670 по 1682 г. ни разу не удалось властям собрать этот налог с костенцев в полной мере¹⁶. Выколачивание недоимок сопровождалось наказаниями. Весной 1671 г. голова костенских драгун Дементий Ашихмин сообщал воронежскому воеводе Борису Бухвостову, что он посылает недобранный хлеб с 70 дворов, а «семь человек за скудостью ничего не дали и сидят за караулом»¹⁷.

В ответ на усиление феодального гнета в начале 80-х гг. XVII в. на южной окраине России вспыхнули волнения мелких служилых людей. В Государственном архиве Воронежской области сохранились отрывочные документы о «бунте» воронежских стрельцов и костенских драгун в июне 1681 г. Костенские драгуны соединились с отрядом воронежских стрельцов, возглавляемым Титом Плотниковым, и стали громить дворы детей боярских в с. Гремячем Воронежского уезда (это село расположено между Воронежем и Костенском). Напуганное стрелецким восстанием в Москве, выступлениями мелких служилых людей на юге страны, царское правительство осенью 1682 г. пошло на уступки. Вся недоимка по «четвериковому хлебу» для городов и уездов Белгородского разряда, в том числе и для Костенска, была снята, размер хлебного налога уменьшен¹⁸. Эта уступка носила, однако, временный характер и объяснялась в первую очередь политической обстановкой в Москве в 1682 г. — а именно, неустойчивым положением правительства царевны Софьи, пришедшей к власти в результате придворных интриг и борьбы феодальных группировок.

Костенские драгуны жили во второй половине XVII в. и в самом Костенске, и в селах, деревнях Костенского уезда. Как видно по документам, жители Костенска по своему экономическому положению, занятиям, быту практически не отличались от жителей других селений Костенского уезда.

Аналогичные социально-экономические процессы происходили и в другом воронежском пригороде — Орлове. Городок Орлов был построен как военная крепость на Белгородской черте в 1646 г., четырьмя годами позже Костенска. И здесь в число «детей боярских драгунской службы» по-

пало немало бывших крепостных крестьян. Всего в драгунскую службу в Орлове было набрано 230 человек, они получили по 20 четвертей земли. Деревянную крепость на правом берегу р. Усмани построили сами драгуны «Кирюшка Бучнев и Савка Коноплин с товарищи»¹⁹.

До конца 60-х гг. в Орлове не было собственных воевод. Некоторое время «головой» у драгун являлся в Орлове иноземец (выходец из Польши) Савелий Хомицкий, подчинявшийся воеводе г. Воронежа. В 1646 г. С. Хомицкий упоминается при наборе орловских драгун. В 1660 г. «драгунский голова Орлова-городка Савелий Хомицкий» был послан для составления плана местности в северо-западную часть Воронежского уезда. Его деятельность в роли картографа-геодезиста оказалась, как видно по документам, плодотворной. Чертеж С. Хомицкого рассматривался в Москве, в Разрядном приказе; на его основании состоялся царский указ об основании г. Землянска в 1661 г.²⁰

«Орловские акты», опубликованные воронежским дореволюционным краеведом М. Ф. Де-Пуле, сообщают о наличии в 70-х гг. XVII в. в Орлове собственных воевод и формировании в это время Орловского уезда. Разрядные дьяки адресуют свои распоряжения непосредственно орловским воеводам: Осипу Зуморовскому (настоящее имя — фон Зоммер), Ивану Зыдину, Ивану Арнаутову, Никите Шишкину, Семену Павловскому, минуя воронежских воевод. В царских грамотах, посылаемых в Орлов из Москвы, употребляется термин «Орловский уезд»²¹. К городку Орлову во второй половине XVII в. относились расположенные за Белгородской чертой «откупные ужожи» (или «оброчные угодья») — речка Хава и речка Талыча²².

Кроме драгун Орлова-городка, довольно значительную социальную группу составили орловские солдаты. Как и драгуны, солдаты наделялись в Орлове землей, земледельческий труд являлся основой их существования и благополучия. Отличие орловских солдат от орловских драгун заключалось в особенностях военной службы; солдаты предназначались для походов, для полковой службы, драгуны — для «городовой» гарнизонной службы. В 1686 г. орловские солдаты основали с. Хреновое около Хреновского стоялого острожка, вблизи от обрабатываемой ими земли. (Ныне с. Хреновое относится к Новоусманскому району Воронежской области.) Расширение Орловского уезда происходило и в восточном на-

правлении, жители городка явились в первой четверти XVIII в. основателями ряда сел на Битюге.

Утрата Костенском и Орловом ранга городов произошла в 70-е гг. XVIII в., в ходе административной реформы правительства Екатерины II. Воронежский губернатор Евдоким Щербинин в 1779 г. представил правительству «Записку о городах новосоставляющегося Воронежского наместничества, для чего какие вновь назначаются, а старые уничтожаются»²³. Среди городов, подлежащих «уничтожению» (т. е. переводу в разряд сельских поселений), значились Костенск и Орлов.

Е. Щербинин писал: «Костенск уничтожается по худому местоположению и малому строению, а паче по ближнему расстоянию от губернского города и по способности по вмещению в Воронежскую округу»²⁴. Более подробно аргументировалась необходимость упразднения городка Орлова: «Город же Орлов уничтожается потому, что он, будучи по разлеглости своей от губернского города Воронежа в ближнем положении, способен по вмещению в Воронежскую округу, и не на большой дороге, а к тому и по скудости воды; да и строения в нем как казенного, так и партикулярного, которое б делало хороший вид, нет; и жительствоуют одни однодворцы в черных избах, покрытых соломою, так что никакой разницы з деревнями не имеет»²⁵.

Предложения Е. Щербинина были приняты правительством и реализованы в указе от 25 сентября 1779 г.

Возникшие как военные крепости Костенск и Орлов к этому времени пришли в упадок. Добавим, что они уже давно не считались «пригородами Воронежа» и являлись центрами небольших сельских территорий. Процесс выдвигания одних городов и отмирания других проходил теперь в Воронежском крае на сугубо экономической основе и являлся закономерным результатом развития экономики черноземного края, превратившегося из пограничной территории в глубинный русский район, в практически недоступную для иноземных завоевателей житницу страны.

Типичную судьбу малых русских городов-крепостей Белгородской черты, утративших и официально и фактически городской облик, испытали и бывшие пригороды Воронежа — Костенск и Орлов. С течением времени изменились и их названия: Костенск вновь получил свое старое имя — Костенки, Орлов превратился в с. Орлово. Первое нахо-

дится в пределах современного Хохольского, второе — Новоусманского районов Воронежской области.

В заключение статьи хотелось бы подчеркнуть, что внешнеполитические причины возникновения небольших городов в пределах пограничного Воронежского края были типичными не только для пригородов Воронежа: Костенска и Орлова. Возьмем территорию Воронежского уезда, очерченную писцовой книгой 1629 г. включая в нее как заселенную часть, так и зону откупных ухажьев. Во время составления писцовой книги на территории уезда был, естественно, один город — Воронеж. В течение XVII в. и начала XVIII в. на территории прежнего Воронежского уезда возникло 14 новых городов: Усерд (1637), Костенск (1642), Ольшанск (1644), Усмань (1645), Орлов (1646), Коротоаяк (1647), Верхососенск (1647), Урыв (1648), Острогожск (1652), Землянск (1661), Белоколодск (1663), Демшинск (1684), Тавров (1705), Павловск (1709). Появление всех перечисленных городов около Воронежа объяснялось не развитием экономики края, а событиями внешнеполитического характера. 11 городов, в том числе и рассмотренные нами пригороды Воронежа, возникли как крепости на Белгородской черте (Усерд, Костенск, Ольшанск, Усмань, Орлов, Коротоаяк, Верхососенск, Урыв, Острогожск, Белоколодск, Демшинск). Городок Землянск был основан в связи с приемом на русскую службу большой группы украинских переселенцев по их просьбе в сложной политической обстановке периода тринадцатилетней войны России с Польшей. Два новых города Воронежского края: Тавров и Павловск появились около корабельных верфей, учрежденных правительством Петра I для создания военного флота, для борьбы с Турцией за побережье Азовского моря. Почти все новые города Воронежского края (за исключением, может быть, Коротоаяка, Острогожска и Павловска), как и пригороды Воронежа — Костенск и Орлов, не имели условий для хозяйственного развития и пришли в упадок уже в середине XVIII в.

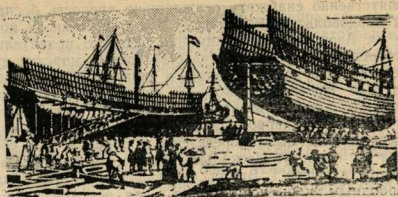
¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 322, 324.

² Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), фонд Разрядного приказа, столбцы Белгородского стола, № 545, л. 49.

³ Там же, л. 50.

⁴ Там же, № 407, л. 200—212.

- ⁵ Там же, № 651, л. 93.
- ⁶ Там же, книги Белгородского стола, № 129.
- ⁷ Там же, столбцы Белгородского стола, № 407, л. 215.
- ⁸ Марков Е. Л. Древний город Костянск. — Русский вестн., 1891, т. 217, дек.
- ⁹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Орловские акты. Изданы М. Де-Пуле. Воронеж, 1861.
- ¹⁰ Смычков В. И. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке. — Изв. Воронежск. пед. ин-та, Воронеж, 1950, вып. 1, т. 12; Он же. Возникновение Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства. — Там же, 1958, т. 26; Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
- ¹¹ ЦГАДА, столбцы Белгородского стола, № 192, л. 131—132; № 222, л. 21—30.
- ¹² Там же, Дела разных городов, кн. 15, л. 396, об.
- ¹³ Там же, столбцы Белгородского стола, № 272, л. 12.
- ¹⁴ Там же, № 545, л. 49.
- ¹⁵ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1908, вып. 4, с. 184—185.
- ¹⁶ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, № 1061, л. 2.
- ¹⁷ Труды Воронежской ученой архивной комиссии, Воронеж, 1902, вып. 1, с. 138—139.
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, № 1061, л. 1—353; № 1344, л. 6—7.
- ¹⁹ См. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 130.
- ²⁰ См. Загоровский В. П. Возникновение г. Землянска и заселение Землянского уезда в XVII веке. — В кн.: Из истории Воронежского края, Воронеж, 1977, вып. 6, с. 39.
- ²¹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Орловские акты. Изданы М. Де-Пуле. Воронеж, 1861, с. 32—44, 116.
- ²² Там же, с. 212.
- ²³ ЦГАДА, ф. 16, д. 654, л. 95. Известный исследователь социально-экономической истории русских городов XVIII в. Ю. Клокман без каких-либо оснований приписал эту записку В. Черткову (см. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967, с. 178). Василий Чертков сменил Евдокима Щербинина только в 1782 г.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 16, д. 654, л. 95 об.
- ²⁵ Там же.

Ю. М. Лавринов

О МЕСТЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ВЕРФИ В 1696 ГОДУ

Создание военно-морского флота в Воронеже в 1696 г. — событие далеко не рядовое в отечественной истории конца XVII столетия. Оно было тесно связано с Азовскими походами 1695—1696 гг., в результате которых стало возможным заселить и освоить плодородные земли русского Черноземья. В исторической литературе большое внимание уделялось выяснению роли Петра I в создании русского военного флота и началу строительства боевых морских судов в Воронежском крае в связи с подготовкой ко второму Азовскому походу¹. Отдельные факты о кораблестроении в рассматриваемое время содержатся в исследованиях по истории внешней политики². Между тем ряд вопросов данной проблемы не стал еще предметом специального изучения. Спорным и до настоящего времени в полной мере не изученным является вопрос о месте расположения Воронежской верфи в 1696 г., по которому в литературе имеются две противоположные точки зрения. Одна из них принадлежит историку Воронежского края конца XVIII в. Е. А. Болховитинову, а другая — С. И. Елагину, автору капитального труда «История русского флота. Период Азовский». Поэтому цель данной статьи состоит в выяснении достоверности мнений Е. А. Болховитинова и С. И. Елагина, а также в попытке определить место расположения Воронежской верфи 1696 г. в современных границах города.

Как известно, первый Азовский поход окончился безрезультатно. Главная причина его неудачи состояла в отсутствии у России военного флота, вследствие чего турки могли

беспрепятственно снабжать осажденную крепость боеприпасами и продовольствием. Поэтому при подготовке к новому походу на Азов основное внимание русского правительства было сосредоточено на строительстве боевых морских судов. Строительство кораблей началось в январе 1696 г. в подмосковном селе Преображенском. К концу февраля того же года русские мастера изготовили основные части 22 галер и 4 брандеров³. В первой декаде марта 1696 г. все суда в разобранном виде были перевезены в Воронеж для сборки и спуска их на воду. Несколько раньше, 29 февраля в Воронеж приехал Петр I. Время, оказавшееся до прибытия галер свободным, царь использовал для осмотра и выбора места под верфь. 10 марта 1696 г. Ф. Лефорт, отвечая на письмо Петра I, писал ему в Воронеж: «Благодарствую, что слышу о твоём здоровье и что изволил место осмотреть, где галей збирать»⁴. Как видно из документа, вопрос о выборе места под верфь был уже решен, но Ф. Лефорт, к сожалению, не пояснил, где именно царь собирался устроить верфь. Письмо же самого Петра I, в котором, вероятно, подробно описывалось место будущей верфи, потеряно и не найдено до настоящего времени.

Однако С. И. Елагину все-таки удалось установить, что Воронежская верфь в 1696 г. располагалась на правом берегу реки около Стрелецкого лоска⁵. Но в свое время была высказана и другая точка зрения о месте расположения верфи. Она, как уже говорилось, принадлежала первому историку Воронежского края Е. А. Болховитинову. По его мнению, Воронежская верфь в 1696 г. располагалась на одном из островков, образуемых течением реки. Этот остров по приказу царя был обнесен валом, чтобы весной он не заливался полой водой. В одной части острова была построена цитадель, в которой помещалось Адмиралтейство, а в другой располагалась собственно верфь. «А поелику место сие не очень пространно, — добавлял Е. А. Болховитинов, — то после строились суды и вдоль по берегу реки около Успенской и Богословской церкви»⁶.

При определении места расположения Воронежской верфи С. И. Елагин ссылался на найденную им отписку стольника Г. С. Титова в Разрядный приказ, выписка из которой была напечатана в приложениях к «Истории русского флота». Стольник Григорий Семенович Титов являлся одним из руководителей строительства военно-морского флота в Воронежском крае в конце XVII в. В начале 1696 г. он

вместе с подьячим М. Бовыкиным был направлен Разрядом в воронежские леса для организации лесозаготовительных работ. В начале марта того же года Г. С. Титов доложил начальнику Разрядного приказа боярину Т. Н. Стрешневу о выполнении данного ему поручения. Но в конце февраля перед Г. С. Титовым ставится другая задача. Вместе с Л. Верецагиным, приехавшим в Воронеж 25 февраля, он должен был подготовить жильё для Петра I, перестроив для этого «пристанный двор» воронежского подьячего И. Моторина. Перестройка дома заняла не более четырех дней и, очевидно, была завершена 29 февраля, т. е. ко времени приезда царя в Воронеж. О выполнении задания Г. С. Титов немедленно сообщил в Москву, при этом подробно описав свои действия.

Для нас в данном случае наиболее интересны лишь те строки документа, на которые опирался С. И. Елагин при определении места расположения Воронежской верфи в 1696 г. Цитируем их полностью: «И для строения галеасов и сбору готовых присланных с Москвы из Преображенского полку каторг для морского походу, на Воронеже у пристани на берегу реки Воронежа подле Стрелецкого лоску занять пристанной двор воронежския приказной избы подьячего Игнатя Моторина»⁷. Что же находилось «подле Стрелецкого лоску»? Текст документа можно понять двояко: или в нем речь идет о месте Воронежской верфи в 1696 г., или около Стрелецкого лоска находился двор подьячего И. Моторина и в документе подчеркивается лишь этот факт.

Е. А. Болховитинов, в отличие от С. И. Елагина, свою точку зрения о месте расположения Воронежской верфи в 1696 г. не аргументировал документальным материалом. Об источнике его сведений можно лишь догадываться. Возможно, Е. А. Болховитинов в качестве источника использовал сочинение голландского путешественника Корнелия де Бруина «Путешествие через Московию», выдержку из которого воронежский историк напечатал в своей книге. К. де Бруин, проживший в России с 1700 по 1710 г., оставил интересные записки о Воронеже начала XVIII в., посетив город в 1703 г. Именно у этого автора встречается подробное описание цитадели и верфи, расположенной «при самой цитадели с одного боку»⁸. Сравнивая соответствующие места труда Е. А. Болховитинова с сообщением К. де Бруина, можно заметить их относительное сходство. Однако анализ контекста работы

воронежского историка свидетельствует о том, что автор имел в виду верфь 1696 г., а не 1703 г.

Другим возможным и наиболее вероятным источником для Е. А. Болховитинова могли послужить устные народные сказания. Такое предположение вытекает из полного названия книги Е. А. Болховитинова. Но к сведениям воронежских старожилов следует относиться так же осторожно, как и к запискам иностранцев, так как в них могут быть неточности в хронологии и смешение исторических личностей. Малоубедительным кажется тот факт, что песчаный остров в течение недели мог быть укреплен валом из камня, земли и дерева. Кроме того, строительство воронежского Адмиралтейства, о котором упоминалось в описании, как свидетельствуют более поздние документы, закончилось в 1698 г. а не в 1696 г., как утверждал Е. А. Болховитинов.

Таким образом, сравнивая две точки зрения, предпочтительнее без сомнения следует отдать более аргументированному мнению С. И. Елагина. Однако если обратить внимание на замечание Е. А. Болховитинова, где он допускал возможность строительства кораблей и на берегу реки из-за малой величины острова, то можно говорить об относительном сходстве точки зрения Е. А. Болховитинова с мнением С. И. Елагина.

Из изложенного следует, что Воронежская верфь в 1696 г. располагалась на правом (городском) берегу в районе, ограниченном такими пунктами, как Богословская церковь, Успенская церковь и Стрелецкий лоск.

Но прежде, чем сделать окончательный вывод, хотелось бы вновь вернуться к документу, найденному С. И. Елагиным. Такой шаг обоснован необходимостью обратить особое внимание читателей на встречающийся в документе не совсем понятный термин — «пристанный двор». В словаре В. И. Даля слово «пристанный» объясняется как «ко пристани относящийся»⁹. Следовательно, в отписке стольника Г. С. Титова подразумевалось собственно не подворье воронежского подьячего, а принадлежащее ему жилое помещение на пристани («пристанный двор»). Тем самым выявлен еще один ориентир места нахождения Воронежской верфи 1696 г. Но о какой пристани шла речь в документе? Не кроется ли здесь ошибки? Оказывается, что нет. В Воронеже в конце XVII в. действительно существовала пристань под названием Богословской. Это видно из отписки думного дворянина Ивана Петровича Савелова, которому было поручено наметить

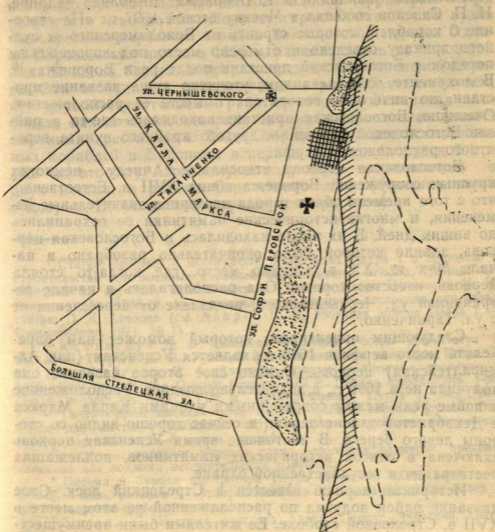

Рисунок. Воронежская верфь в 1696 г. (Схематическая карта)

- — место расположения верфи
- — Успенская церковь
- — Богословская церковь
- — Успенская слободка
- — контуры современных улиц города
- — старое русло и протоки реки Воронеж
- — обозначение границы Воронежского водохранилища в настоящее время

строительные площадки в г. Воронеже. Выполнив задание, И. П. Савелов сообщал в Москву весной 1697 г.: «На строение 6 кораблей, которые строить из Володимирскаго ж суднаго приказу отведено и отмерено место под воронежским посадом у Богословской пристани подле реки Воронежа»¹⁰. В документе, как мы видим, уточнено лишь название пристани, но ничего не говорится о месте ее расположения. Очевидно, Богословская пристань находилась где-то в районе Богословской церкви — другого крайнего пункта вероятного расположения верфи.

Богословская церковь относилась к числу немногих крупных сооружений Воронежа конца XVII в. Естественно, что с того времени облик города претерпел значительные изменения, и многие исторические памятники не сохранились до наших дней. В их числе находилась и Богословская церковь, здание которой было окончательно разобрано в начале 60-х гг. XX в. Однако место, где когда-то стояла церковь, известно хорошо. Она располагалась в начале современной ул. Чернышевского, недалеко от пересечения ее с ул. Таранченко.

Следующим ориентиром, который поможет нам определить место верфи в 1696 г., является Успенская (или Адмиралтейская) церковь. Однако свое второе название она получила не в 1696 г., а значительно позднее. Расположенное в пойме реки между современными улицами Карла Маркса и Декабристов здание церкви и сейчас хорошо видно со стороны левого берега. В настоящее время Успенская церковь включена в список исторических памятников, подлежащих реставрации и государственной охране.

Историкам хорошо известен и Стрелецкий лоск. Свое название район получил по расположенной на этом месте в XVII в. Стрелецкой слободе. Ее жителями были преимущественно стрельцы, охранявшие город от неприятельских набегов. В настоящее время местность, где располагалась Стрелецкая слобода, относится к Ленинскому району г. Воронежа, а на месте бывшего Стрелецкого лоска пролегла современная улица, названная Большой Стрелецкой.

В результате ориентирования на современной карте города крайних пунктов Воронежской верфи 1696 г. можно сделать следующий вывод. В 1696 г. верфь располагалась на правом (городском) берегу реки и занимала небольшую территорию в районе Стрелецкого лога южнее Успенской церкви. Но вскоре руководителям кораблестроения стало

ясно, что все корабли на первоначальной территории верфи разместить невозможно. Поэтому строительство части судов было решено перевести в район Богословской церкви. Однако Воронежская верфь в 1696 г. располагалась не сплошной линией вдоль берега, а прерывалась около Успенской церкви. Эта особенность расположения верфи объясняется тем, что кораблестроительным работам мешала Успенская слободка, находящаяся севернее церкви и населенная монастырскими крестьянами. Таким образом, строительство военных кораблей в Воронеже в период подготовки русской армии ко второму Азовскому походу было сосредоточено в двух местах: в районе Стрелецкого лога (большая часть судов) и Богословской церкви (см. рисунок).

---

¹ Статей, брошюр и монографий о приездах Петра I в Воронеж и строительстве там военных кораблей насчитывается немало. Первым сочинением на эту тему можно считать «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова (М., 1788, т. 1), а последним вышедшую несколько лет назад статью П. К. Азарова (см. Азаров П. К. Азовская победа Петра I. — Судостроение, 1971, № 7).

² Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942; Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949; Фейгина С. А. Азовские походы и внешняя политика в 1695—1699 гг. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I., М., 1954.

³ Галера представляла собой парусно-гребное военное судно. Она имела две мачты с большими парусами. Артиллерийское вооружение галеры состояло из 3—5 легких орудий.

Брандер — парусное морское судно небольших размеров, предназначенное для поджога неприятельских кораблей.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887, т. 1, с. 549. Галеи, каторги — употреблявшиеся в России названия галер и других парусно-гребных судов.

⁵ Елагин С. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864, с. 26.

Лоск — лог, лощина, углубление, образуемое по берегам реки в результате действия сточных вод.

⁶ Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800, с. 45.

⁷ История русского флота. Период Азовский. Приложения / Сост. С. Елагин (далее — Приложения). СПб., 1864, ч. 1, с. 32—33.

⁸ Болховитинов Е. Указ. соч., с. 58.

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. 3, с. 445.

¹⁰ Приложения. СПб., 1864, ч. 2, с. 491.

Л. И. Кубанева

ГОЛЛАНДСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК КОРНЕЛИЙ ДЕ БРУИН И ЕГО ОПИСАНИЕ ГОРОДА ВОРОНЕЖА В 1703 ГОДУ

Для изучения истории города существует определенный комплекс источников. Но не в каждом комплексе есть свидетельство иноземного путешественника. Воронеж же располагает описанием, оставленным голландцем Корнелием де Бруином, посетившим город в 1703 г. Его рассказ трудно сопоставить с другими документами, так как собственно город никто не описывал: сообщалось, что в Воронеже появлялось, например, из зданий по мере строительства, о характере местности. В городе того периода интересовались, как правило, кораблестроительной частью, а не всем городом в целом. Такого рода упоминания есть в уведомлениях А. П. Протасьева царю в 1697, 1698 гг. Но, к сожалению, из этой переписки до нас дошли лишь три письма¹. Так же кратко упоминание о Воронеже, составленное вице-адмиралом Корнелием Крюсом.

Помимо непосредственного описания города Корнелий де Бруин зарисовал его вид со стороны Чижовских холмов.

Родился Корнелий де Бруин в 1652 г., дата его смерти неизвестна, последние свидетельства о нем относятся к 1711 г. По образованию художник, он начинал свою творческую деятельность на родине, потом уехал в Италию в 1674 г., но домой вернулся не через два года, как планировалось, а в 1693 г. За эти годы он объездил все Средиземноморье. По возвращении издал книгу о своем путешествии, которая была снабжена многочисленными зарисовками. Вскоре после возвращения он задумывает новое путешест-

вие на Восток: в Персию, Восточную Индию и другие сопредельные страны. У его плана была примечательная черта: свое путешествие на Восток Корнелий де Бруин хотел непременно совершить через Россию. В России он побывал дважды — на пути в Персию и возвращаясь обратно домой, соответственно в 1701—1703 гг., и в 1707—1708 гг. Воронеж он посетил во время первого пребывания. После этого путешествия появилась его книга с описанием увиденного в различных странах.

Первое издание сочинения Корнелия де Бруина увидело свет в 1711 г. Печаталась книга на голландском языке. Через семь лет книга вышла на французском языке; было еще одно издание на французском языке, напечатанное в 1725 г. Первая русская публикация была осуществлена в 1829—1830 гг. в «Отечественных записках» П. П. Свиньина, но она касалась пребывания автора записок в Москве и содержала всего лишь семь глав. Второй перевод был сделан на русский язык в 1872 г. с французского издания 1718 г., и в 1873 г. книга была издана в Москве П. П. Барсовым. Русское издание 1873 г. было проверено секретарем общества «Истории и древностей российских» О. М. Бодянским по голландскому подлиннику 1711 г. Эта наиболее полная публикация записок путешественника содержит все разделы книги, относящиеся к России. Книга имеет следующее название: «Путешествие через Московию Корнилия де Бруина». Научных комментариев книга не содержит, опубликованному тексту предшествует краткое предисловие автора. В главах о России описана московская придворная жизнь при Петре I, приведены описания различных городов, из которых выделяются описания Москвы и Воронежа, лишенные фрагментарности, присущей свидетельствам о других городах.

Городу Воронежу Корнелий де Бруин посвятил в своей книге отдельную главу, которая и содержала необходимое нам описание. Закономерен вопрос: какая причина вызвала появление Корнелия де Бруина в Воронеже? Вернемся к 1700 г. В апреле этого года в Воронеже происходил спуск кораблей на воду. Приехал сам Петр и с ним множество гостей как русских, так и иностранных. Такое же шумное торжество было устроено в Воронеже при спуске кораблей в 1703 г. Среди иностранных гостей был и Корнелий де Бруин, появившийся в Воронеже 5 февраля 1703 г.

Описание Воронежа, оставленное Корнелием де Бруином, было известно давно и использовалось воронежскими

краеводами при изучении истории города. О книге и рисунке голландца знали Е. А. Болховитинов, Л. Б. Вейнберг, Г. М. Веселовский и другие воронежские историки. Специального исследования записок Корнелия де Бруина не проводилось, к тому же последняя публикация текста описания города была осуществлена более 100 лет назад и стала библиографической редкостью. Все это побуждает нас вернуться к этому описанию, дать полный его текст, и, используя описание, попытаться воссоздать облик города, увиденного путешественником, сообщая о дальнейшей судьбе исторических и архитектурных памятников, о которых рассказал голландец.

Что же написал Корнелий де Бруин о нашем городе?

«Город Воронеж лежит под $52\frac{1}{2}$ градусом широты, на вершине одной горы; он окружен деревянной стеной, которая вся сгнила, и разделяется на 3 части. Важнейшие русские купцы населяют одну часть города, которая называется Акатов. В городе находится большое канатное заведение, а пороховые склады помещаются в погребах вне городских стен. На склоне горы, вдоль реки, теснится множество домов, занимающих собою пространство шагов в 400. В лучших из этих домов живут: адмирал Головин, начальник адмиралтейства Апраксин, боярин Лев Кириллович, Александр Данилович и другие знатные русские. Эти дома расположены насупротив крепости, а далее дома контр-адмирала и других морских офицеров, позади же их тянутся улицы, населенные разными мастерами и рабочими по постройке кораблей. Город Воронеж находится на запад от реки Воронежа, от которой и получил свое имя. Крепость стоит по другой стороне этой реки, и сообщение с нею совершается через большой мост. Крепостные рвы наполнены водой из старой реки. Самая крепость есть четырехугольное здание с башнями на 4-х своих углах и множеством больших покоев, и снаружи это здание обещает многое. Пески дюн занесли новую реку до такой степени, что она стала несудоходной, и корабли поэтому должны проходить по старой реке. Крепость составляет в то же время и главный магазин, да ее собственно так и называют магазином. Внутри ее находится более 150 пушек, действительно самого лучшего качества, без лафетов, но это для того, чтобы их можно было переносить, смотря по надобности. Крепость защищена во многих местах частоколом и снабжена довольно хорошим войском (гарнизон), которое размещено также в окрест-

ностях города для отражения набегов татар. Верфи для постройки кораблей находятся теперь подле крепости, а прежде постройкою их занимались везде, по всем местам. Собственно магазин стоит на другой стороне. Это огромное здание в 3 яруса, из коих 2 нижние каменные, а 3-й верхний, деревянный. В нем множество покоев, наполненных всевозможными предметами и принадлежностями, необходимыми для морского дела, распределенными по отдельным местам, до самой одежды и всего, что нужно для матроса. Заведение, где изготовляют паруса, находится подле этого магазина. Насчитывают в этом городе и окрестностях до 10 тысяч жителей. На полях из города видны два или 3 окрестных селения»².

При знакомстве с описанием четко выделяются три группы сведений: о Воронеже как центре кораблестроения, о том, насколько город сохранил свое военное значение, о внешнем виде города. В таком порядке мы и рассмотрим город.

Центром кораблестроения Воронеж становится в середине 90-х гг. XVII в. Во главе всего кораблестроения был поставлен окольный А. П. Протасьев со званием адмиралтейца³. Судостроительные работы сосредоточились по р. Воронеж, центром их стал сам город, в котором был построен адмиралтейский двор, или Адмиралтейство. Приехав осенью 1698 г. в Воронеж, Петр I нашел построенный двор «зело в изрядном состоянии». Как свидетельствует Корнелий де Бруин, это было большое здание в три этажа. В нем наряду с корабельными припасами, разложенными по видам, в особых помещениях, хранились артиллерийские орудия. Местоположение наиболее важных объектов Адмиралтейства, благодаря тому же Корнелию де Бруину, представляется в следующем виде. У левого лугового берега реки находился остров, заливаемый полой водой в весеннее время. На нем были сооружены две земляные насыпи высотой восемь аршин и четыре аршина; первая из них послужила основанием для закладки крепости (цитадели), вторая — для устройства верфи. Крепость — четырехугольное сооружение с четырьмя башнями по углам, защищенное речными протоками (рвами с водой), которое охранялось гарнизоном. Верфь находилась с западной стороны от крепости, а адмиралтейский двор и парусный завод — с восточной, на этом же острове. Остров соединялся с правой городской стороной большим мостом. Адмиралтейский двор являлся арсеналом воронежской

верфи и резиденцией царя во время пребывания его в Воронеже. Вне городской черты находились пороховые склады.

В ходе корабельного строительства перед Адмиралтейством возникали различные задачи, из которых самой сложной была борьба с обмелением рек и песчаными наносами, улучшение судоходных качеств речного русла. Будучи голландцем, Корнелий де Бруин не мог пройти мимо этого факта и отметил в своем описании, а также и в рисунке нежелательные последствия наступления песков. Непрерывная очистка русла от наносного песка осуществлялась с помощью плотин. Устройство временных плотин позволяло сузить русло, ускорить течение воды, которым уносило песок. В 1702 г., незадолго до приезда путешественника в город, при устье Воронежа были устроены шлюзы, которые позволяли повышать уровень воды, выводить на берег и сводить с него самые большие суда. Впоследствии все эти меры окажутся недостаточными и кораблестроение вообще перенесут в Тавров, в нескольких километрах южнее Воронежа, как можно ближе к впадению реки в Дон.

Несмотря на определенную иллюстративность описания Корнелия де Бруина, все же можно представить себе Адмиралтейство и верфь, говоря современным языком, как сложный производственный комбинат, состоявший из целого комплекса предприятий.

Помимо знакомства с кораблестроительной деятельностью в городе и отражения ее в своей книге, любознательный голландец писал и о другом Воронеже, который уходил в прошлое. Речь идет о его военном значении. Первоначально Воронеж был крепостью, необходимой для защиты от набегов татар. К началу XVIII столетия крепостная стена почти разрушена, что подтверждается изображением города на рисунке. В то же время Корнелий де Бруин отмечает: пушки сняты с лафетов, «это для того, чтобы их можно было перенести, смотря по надобности», кроме этого в городе имеется гарнизон «для отражения набегов татар». Таким образом, видно, что военное значение города почти утрачено к моменту появления Корнелия де Бруина, хотя ряд мер предосторожности еще существует.

Кораблестроение наложило свой отпечаток на внешний вид города. Появилось множество зданий, связанных с Адмиралтейством: парусный завод, «большое канатное заведение». Широкий размах приняло домовое строительство. На берегу р. Воронеж были построены дома видных санов-

ников — А. Д. Меншикова, Ф. А. Головина, Ф. М. Апраксина, Н. М. Зотова. Здесь же образовалась целая слобода, заселенная корабельными мастерами, офицерами и матросами. На берегу, как писал впоследствии первый историк Воронежа Евгений Болховитинов, лежали «великими кучами» бомбы, ядра, всевозможные якоря, стояли корабельные пушки. Упомянутое Корнелием де Бруином Акатово было северным предместьем города. Здесь вначале находился только Акатов монастырь, но в 1700 г. сюда были переселены купцы с берега реки, отведенного под корабельные работы.

Таков был г. Воронеж, увиденный голландским путешественником. 18 февраля 1703 г. Корнелий де Бруин уехал, а 24 апреля 1703 г. случился большой пожар, от которого сгорело множество домов. Уже этот пожар нарушил внешний облик города. Другой пожар, случившийся много позже, в ночь с 9 на 10 мая 1748 г. истребил «памятники дел Петра»: государев дворец, адмиралтейство, иностранную слободу и многое другое. Уцелел цейхгауз⁴ да каменная адмиралтейская церковь, как раз напротив цейхгауза, у подножия правобережных холмов. Эта Успенская церковь цела и сейчас. «После сего пожара, — писал Евгений Болховитинов, — выстроился город на прежнем месте и прежним старинным порядком: но присутственные места, магазины, надежные погреба и губернаторский дом выстроены уже на горе... Город между тем обширнее расселился к полю и обведен был валом с двумя башнями»⁵.

Упомянутые пожары очень изменили облик города. Единственным источником начала XVIII в., который описывает город в целом, остается пока свидетельство Корнелия де Бруина, относящееся к 1703 г. Вдвойне ценным это свидетельство становится из-за существования рисунка города. На рисунке автор поставил над изображенными объектами буквы для лучшей ориентировки: А — «помещение его величества», Б — место, где строятся корабли, В — крепость, Г — магазин, З — Успенская церковь, Л — старая река⁶, М — новая река, Н — «гора, с которой я снимал вид города».

Рассмотренный нами источник ввиду его важности обязательно должен привлекаться при изучении города, его облика в прошлом. Об этом в свое время говорил видный русский историк В. О. Ключевский, посвятивший специальную работу рассказам иностранных путешественников о России: «Будничная обстановка жизни, повседневные явле-

ния, мимо которых проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или малознакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам, не мог дать верного объяснения многим явлениям русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их, но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них со своей домашней точки зрения; с этой стороны записки иностранца могут служить важным дополнением к отечественным историческим памятникам»⁷.

¹ См. Богословский М. М. Петр I. М., 1946, т. 3, с. 156—160.

² Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М., 1873, с. 124—125.

³ В 1700 г. его сменил Ф. М. Апраксин. С ним и имел дело Корнелий де Бруин.

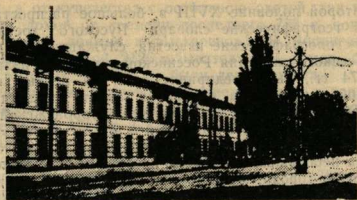
⁴ Выстроен по образцу амстердамского арсенала; в 1876 г. это здание было передано под яхт-клуб, уничтожено в 1942 г. во время Великой Отечественной войны.

⁵ Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800, с. 61. Болверк — выступ, образованный изломом линий вала и рва.

⁶ Русло, расчищенное к моменту приезда Корнелия де Бруина.

⁷ См. Ключевский В. О. Сказания иноземцев о Московском государстве. М., 1916, с. 8.

А. Н. Акинъшин

ОПИСАНИЯ ГОРОДА ВОРОНЕЖА ПЕРИОДА 1773—1838 ГОДОВ

В 1982 г. в Издательстве Воронежского университета под редакцией В. П. Загоровского опубликовано «Описание Воронежского наместничества 1785 года». Это ценный источник по социально-экономической истории г. Воронежа конца XVIII в., один из наиболее полных и интересных, но не первый и не единственный. Рассмотрению таких описаний Воронежа — архивных и литературных — посвящена настоящая статья. К последней четверти XVIII — первой трети XIX в. относятся 13 таких описаний, из которых 6 — рукописные, они хранятся в фонде Военно-ученого архива Центрального государственного военно-исторического архива в Москве (далее — ЦГВИА, ф. ВУА) и в отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее — ОР ГПБ). Все рукописные описания составлялись в Воронеже, в них содержится описание не только города, но и всей губернии. Большинство из них вышли из канцелярии губернатора и носят официальный характер. Исключение составляет описание М. И. Славинского, предназначавшееся для публикации. Литературные источники носят в основном иной характер. Это географические и энциклопедические словари, содержащие статьи о Воронеже. Три книги имеют непосредственное отношение к Воронежскому краю, они посвящены Воронежской губернии и г. Воронежу.

В данной статье все описания г. Воронежа рассматриваются лишь в качестве источника, т. е. основное внимание уделяется освещению документом современных ему событий.

Во второй половине XVIII в. большое распространение получают географические словари Русского государства. В книге «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи», изданной в 1771—1774 гг., был предпринят один из первых обзоров Российской империи на основании анкет Академии наук 1760—1766 гг. Описание г. Воронежа и Воронежской губернии сюда не вошло. Зато изданный в это же время «Географический лексикон» Ф. Полунина содержит статью о Воронеже. Она небольшая по объему, посвящена в основном местоположению города. «Сей город... окружен валом и палисадником, и состоит из трех частей: в верхнем городе имеет архиепископ Воронежский и Елецкий свое пребывание, в нем и соборная церковь, магистрат и лавки; в нижнем городе губернская канцелярия близ реки; третью же часть составляет большое предместье, называемое Акатовым, расстоянием от оногo на полторы версты, населено по большей части купечеством, когo в сем городе 1687 человек¹, в нем множество каменных домов и суконные фабрики»². Источниками при составлении статьи служили, видимо, донесения губернаторов о Воронеже и, возможно, посещение города Ф. Полуниным.

Более значительный и по объему и по содержанию материал о положении города в 70-е гг. XVIII в. дает описание Воронежской губернии, сделанное в 1777 г. губернатором И. А. Потаповым и отосланное в Сенат³. Из 52 листов рукописного текста г. Воронежу отведено 5. Здесь сообщаются сведения о реке, местонахождении города, его истории, торговле, населении. После реформы 17 марта 1775 г.⁴ численность купечества в Воронеже уменьшилась почти втрое и составляла в 1777 г. 603 человека с капиталом в 317 600 рублей, 1074 человека были переведены в сословие мещан. Воронеж ведет торговлю с сибирскими и украинскими городами, а также через Таганрогский порт. Интересные сведения сообщаются в описании о строительстве в Воронеже. «Сей город после бывших в 748, а потом в 773 годах больших пожаров, строениями ныне приводится в лучшее благообразие ... тесные и кривые улицы в широту и прямизну разрегулировываются ... А к строению порядочному домов на казенном иждивении содержится архитектор. Внутри же города обветшалые строения, — вместо бывших деревянных, каменные изрядной архитектуры, а иные и немалых корпусов, в два этажа выстраиваются, что и происходит с довольным

успехом, а от купечества с особливою охотой, так что оных каменных домов от времени последнего 773 г. пожара нарочитое число донныне и выстроено»⁵. В Воронеже в это время насчитывается 2126 обывательских домов, большинство из которых — 2050 — были деревянными.

Более полные и разносторонние сведения о городе дает «Топографическое описание Воронежского наместничества», составленное в 1785 г. С. И. Линицким⁶. Источниковедческий анализ этого документа дан в статье Т. Б. Ананьевой, археографа-составителя публикации⁷.

Степан Иванович Линицкий родился в 1750-е гг., образование получил в Белгородской духовной семинарии. Службу свою он начал в 1780 г. в канцелярии воронежского генерал-губернатора, затем стал его адъютантом. Адъютантом он оставался и у генерал-губернатора В. А. Черткова, наместника Воронежского и Харьковского, сменившего на этом посту в 1782 г. Е. А. Щербина. С. И. Линицкий пользовался большим его доверием, неоднократно выполнял различные поручения в Петербурге. Последний раз упоминается он в документах в 1787 г. в Харькове. Можно предположить, что после перехода Харьковского наместничества под власть Г. А. Потемкина он остался служить там, ибо после 1787 г. у В. А. Черткова уже упоминается другой адъютант и среди Воронежского чиновничества имя С. И. Линицкого не встречается⁸.

С. И. Линицкий был грамотным, образованным чиновником, и ему было поручено составить описание Воронежского наместничества для представления в Сенат. В числе его источников было «Описание Воронежской губернии» 1777 г., ревизские сказки и другие документы, хранившиеся в архиве наместнического правления. При описании современного состояния уездов он использует документы, присланные из уездных канцелярий, а описание г. Воронежа, вероятнее всего, было составлено самим С. И. Линицким.

Описание 1785 г. сообщает нам численность всех жителей города, а не отдельных категорий населения, как это было в предыдущих описаниях. Всего в Воронеже спустя 200 лет после его основания проживало 14 635 человек обоего пола⁹. Очень интересны сведения о городских зданиях, о строительстве в Воронеже. По сравнению с 1777 г. возрастает число каменных домов у городских жителей, начинается в это время строительство губернских присутственных мест. Большая роль в описании 1785 г. отводится торговле город-

ских жителей, ярмаркам, фабрикам, в основном суконным. Сообщает описание и об открытии в том же 1785 г. народного училища, и о том, каким наукам обучаются его питомцы¹⁰. Сведения, сообщаемые этим источником, ценны и интересны. Публикация его и введение таким образом в широкий научный и краеведческий оборот будет способствовать углублению и расширению наших знаний о жизни Воронежа того времени.

В 1788 г. был опубликован дополненный словарь Ф. Полунина. Статья о Воронеже более полная по сравнению с первым изданием и по объему и по содержанию. Кроме местоположения и внешнего вида города здесь уже нашли отражение торговля, ярмарки, промышленность города, судоходство. Краткие сведения сообщаются и по истории города¹¹.

Завершает описания Воронежа второй половины XVIII в. сочинение Е. А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767—1837) на протяжении ряда лет жил и работал в Воронеже, был преподавателем духовной семинарии. В конце XVIII в. он был одним из руководителей просветительского кружка в Воронеже, благодаря которому в 1798 г. в городе была открыта типография. Труд Е. А. Болховитинова качественно иной, это уже историческое сочинение о прошлом и настоящем Воронежской губернии. Автор использует архивные документы, исторические сочинения по истории России, и, самое главное, обнаруживает элементы критического подхода к ним¹².

Город Воронеж занимает особое место в работе Е. А. Болховитинова, он рассматривается отдельно и от губернии, и от уезда. Описанию современного автору города, города 90-х гг. XVIII в. уделяется 29 страниц. Е. А. Болховитинов затрагивает основные вопросы жизни города. Он описывает все церкви города и сообщает время их постройки, пишет о примечательных казенных и городских зданиях, учебных заведениях — семинарии и Главном народном училище. Приводятся сведения о ярмарках, торговле, суконных фабриках, причем Е. А. Болховитинов приводит документ о зарождении суконной промышленности в Воронеже в конце 20-х гг. XVIII в.¹³

В книге приводятся данные о социальном составе городского населения, общее число жителей в Воронеже в конце XVIII в. было около 15 000 человек¹⁴, т. е. возросло по

сравнению с 1785 г. незначительно. Проявлял интерес автор и к быту горожан, он сообщает о публичных гуляньях, о первом театре в Воронеже. Подробность рассказа о городских улицах, зданиях и площадях, об окрестностях Воронежа позволяет считать этот раздел книги Е. А. Болховитинова первым путеводителем по нашему городу, изданным лишь на несколько лет позднее путеводителей по Москве и Петербургу. Труд Е. А. Болховитинова хорошо знаком всем краоведам и любителям истории, без него невозможно обойтись в любой краеведческой работе, посвященной прошлому Воронежа. Автор по праву считается первым воронежским историком.

Описание Воронежа, сделанное Е. А. Болховитиновым, в сокращенном виде составляет текст статьи «Воронеж» в Географическом словаре 1801 г., новых сведений в ней не содержится¹⁵.

Дореволюционный воронежский краевед Г. М. Веселовский неоднократно упоминает рукописное «Экономическое описание Воронежской губернии», сделанное в 1811 г. по предложению Вольного Экономического Общества. Краткая выдержка из него о событиях XVIII в. была опубликована в середине прошлого века¹⁶. К сожалению, сейчас это описание не известно, оно пока не разыскано и не введено в научный оборот.

В 1818 г. было составлено «Краткое статистическое описание Воронежской губернии» и поднесено Александру I¹⁷. Губернскому городу Воронежу уделено здесь семь рукописных страниц. Приводятся краткие сведения по истории Воронежа, о местоположении города, о числе городских строений, промышленных заведений, из которых отмечены сукожные фабрики, принадлежащие Тулиновым.

Сохранились материалы, на основе которых было составлено это краткое описание, они содержат следы исправлений, сокращения текста. Сведения о Воронеже здесь более обширные и интересные, приводится численность городского населения — около 20 тысяч человек обоего пола. Более подробно описываются фабрики — сукожные, миткальная, заводы — колокольный, канатный, сахарный. Сообщаются сведения о торговле жителей, ярмарках, ремеслах¹⁸.

В это же время было составлено «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии». Его автор — Матвей Иванович Славинский (1773—1824) работал учителем в Главном народном училище и гим-

назии в Воронеже¹⁹. Структура его труда во многом напоминает сочинение Е. А. Болховитинова, это видно даже из сравнения названий. При изложении материала о Воронеже М. И. Славинский также следует за своим предшественником, те же принцип отбора и форма подачи материала. Как историка его вряд ли можно ставить в один ряд с Е. А. Болховитиновым, как это делает А. И. Гайворонский. М. И. Славинскому недостает и широты кругозора, и более критического отношения к источникам. Вместе с тем его описание Воронежской губернии дает целый ряд новых и ценных сведений о Воронеже, особенно начала XIX в., времени, современного автору. М. И. Славинский описывает местоположение города, приводит численность горожан в 1812 г. — 22 110 человек, рассказывает о наиболее примечательных каменных зданиях. Всего их уже было 290, т. е. число их значительно возросло по сравнению с концом XVIII в. Как и Е. А. Болховитинов, описывает он нравы жителей, народные празднества, промышленность и торговлю Воронежа начала XIX в., приводит даже торговые цены за 1817 г. В отличие от Е. А. Болховитинова, М. И. Славинский меньше внимания уделяет описанию Воронежской епархии и приводит хронологию примечательных событий по отношению к городу²⁰.

В 1820 г. было составлено «Краткое статистическое описание Воронежской губернии»²¹. Описание г. Воронежа, помещенное здесь, почти полностью соответствует описанию города, составленному двумя годами ранее, отличаясь лишь некоторыми статистическими данными. Интересными в этом документе являются сведения о военно-сиротском заведении в Воронеже: в нем обучается 1300 солдатских детей, введен особый рисовальный класс.

На основе этого описания было составлено «Статистическое описание Воронежской губернии»²². Оно содержит лишь цифровой материал в целом по губернии и частично по уезду. По г. Воронежу сообщается лишь число городских зданий. Эти описания — единственные известные документы, которые упоминают о существовании в городе в это время военно-ланкастерской школы²³. Конкретная история этой школы и военно-сиротского заведения в Воронеже пока не выяснена. Оба этих описания относятся к 1820 г. и составлялись, видимо, к очередному приезду Александра I в Воронеж.

Статья «Исторические черты и статистическое описание

Воронежской губернии», опубликованная в 1828 г., содержит описание географических условий, занятий, населения, приводит сведения об учебных заведениях в целом по губернии, не выделяя отдельных данных по Воронежу²⁴.

Ценные и интересные сведения о г. Воронеже дает описание 1833 г.²⁵ В основном здесь приводятся статистические таблицы об урожае зерновых культур, скотоводстве, торговле и т. д. Одна из этих таблиц свидетельствует о занятиях горожан животноводством — в Воронеже в это время было 950 коров, 2117 лошадей, 935 овец, 25 свиней. Проживало в городе около 40 тысяч жителей, было 2924 дома, из них 475 каменных. Таблицы эти дают сведения и о социальном составе городского населения, о фабричной промышленности, о рукоделиях и ремеслах. Интересный материал дает таблица о народном образовании в губернии, где содержатся сведения о Воронеже. В городе в это время была гимназия, уездное училище, семинария, духовное училище, школа кантонистов, приходское училище, три пансиона и частная школа. В общей сложности в них было 67 учителей и обучалось 2147 человек. Социальный состав учащихся был следующим: 179 человек из дворян, 760 — из духовного звания, 27 человек из купцов, 53 — из мещанского сословия, 41 человек — из посадских и крестьян, 58 — из чиновничества. 1029 детей погибших солдат обучались в школе кантонистов. Во всей остальной губернии обучалось 1137 человек и было 36 учителей, т. е. значительно меньше, чем в Воронеже. Вместе с тем число крестьян, умеющих читать и писать, в Воронеже и уезде было почти наименьшим по всей губернии — всего 480 человек. Для примера скажем, что в Острогском уезде грамоте были обучены около 10 тысяч крестьян, а в целом по губернии — около 26 тысяч²⁶.

Обширную статью о Воронеже содержит «Энциклопедический лексикон» Плюшара, ее автором является А. Ф. Штакельберг²⁷. В статье, кроме исторического материала, дана характеристика современного состояния города. В 1837 г. в Воронеже проживало 45 116 жителей; из таблицы видно, что большинство населения города составляли мещане, посадские и разночинцы. В городе в это время было 37 актеров и театральных служителей. Приводятся в статье сведения о числе домов, казенных зданий, о торговле и промышленности города. Количество суконных фабрик к тому времени резко сократилось, их всего три. В учебных заведениях Воронежа обучается 2900 человек, на примере преды-

душего описания мы видели, что большинство из них — это кантонисты и дети духовенства.

Годом позже, в 1839 г. в Москве была издана книга, впервые посвященная одному губернскому городу Воронежу, без описания губернии, как это было до сих пор. Книга озаглавлена «Историческое и статистическое описание города Воронежа с присовокуплением описания находящейся в оном первоклассной обители во имя св. угодника Митрофания», она анонимна и автор ее неизвестен²⁸. В книге дан исторический очерк города на уровне сочинения Е. А. Болховитинова, помещены описания Акатовского и Покровского девичьего монастырей, перечислены все церкви города. Автор упоминает о предместьях Воронежа, о пригородных слободах. О состоянии города в 1830-е гг. ничего не говорится, за исключением нескольких слов о благоустройстве. Последняя треть книги отведена описанию Митрофановского монастыря и церемонии его открытия.

Рассмотренные нами описания Воронежа 1773—1839 гг. содержат большой фактический материал по социально-экономической истории города этого периода, большая часть которого еще не использовалась исследователями. Вместе с тем описаниям свойствен общий недостаток — неполнота сведений. Официальный характер большинства описаний предопределил их содержание и однотипность изложения материала. В них нет сведений о классовой борьбе, о положении народных масс в городе, о городском управлении, не полностью освещены вопросы экономического развития города, мало сведений о строительстве и архитектуре. Лишь дополнив эти описания другими архивными источниками, можно получить разностороннюю и достоверную картину жизни Воронежа конца XVIII — первой трети XIX в.

---

¹ Приведена лишь численность купечества мужского пола, без женщин.

² Географический лексикон Российского государства, или Словарь... составлен Федором Полуниным, с поправками и пополнениями Герарда Миллера. М., 1773, с. 62.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18666. Полностью опубликовано в газете «Воронежские губернские ведомости», 1848, № 4-8.

⁴ В советской историографии она носит название сословно-податной реформы. По этой реформе купеческое сословие было разделено на гильдейское купечество и мещан. Гильдейское купечество освобождалось от подушной подати и рекрутской повинности, оно должно было платить 1% с капитала. Минимальный денежный капитал для 3-й гильдии был

установлен в 500 руб., не имевшие этой суммы, перечислялись в мещанство. Подробнее об этом см.: Рындзюнский П. Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население. — В кн.: Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975, с. 86—95.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18666, л. 6—6 об.

⁶ Там же, д. 18668. Ссылки в дальнейшем даются на опубликованный источник «Описание Воронежского наместничества 1785 года». Отв. ред. В. П. Загорский. Воронеж, 1982.

⁷ Ананьева Т. Б. «Топографическое описание Воронежскому наместничеству» 1785 г. Общая характеристика документа и проблемы авторства. — В кн.: Воронежский край на южных рубежах России (XVII—XVIII вв.). Воронеж, 1981, с. 108—117.

⁸ Сведения о С. И. Линицком собраны нами в различных архивных источниках Воронежа и Москвы (см. ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 3, л. 309; д. 23, л. 27, 178, 217. ЦГАДА, ф. XVI, д. 1000, ч. 1, л. 135—136).

⁹ Описание Воронежского наместничества..., с. 39.

¹⁰ Там же, с. 36.

¹¹ (Максимович Л.). Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. М., 1788, с. 175—177.

¹² Подробнее о Е. А. Болховитинове см.: Кожемякин А. В. Е. А. Болховитинов. — В кн.: Очерки литературной жизни Воронежского края. Воронеж, 1970, с. 21—36.

¹³ Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800, с. 79.

¹⁴ Там же, с. 77.

¹⁵ Максимович Л., Щекатов М. Географический словарь Российского государства. М., 1801, ст. 1036—1149.

¹⁶ Воронежские губернские ведомости, 1856, № 27.

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18674. Подписано губернатором Н. П. Дубенским 27 мая 1818 г., в день приезда Александра I в Воронеж, сведений о составителе нет.

¹⁸ Там же, д. 18673. О Воронеже, л. 34—40.

¹⁹ Более подробно его жизнь и деятельность освещена в очерке А. И. Гайворонского «Второй историк Воронежского края» (см. в кн.: Гайворонский А. М. Золотые архивные россыпи. Воронеж, 1971, с. 81—99). Автор считает, что описание составлено до 1816 г., когда оно упомянуто в архивных документах. Видимо, это был один из этапов работы М. И. Славинского, ибо в тексте он приводит статистические сведения за 1817 г. Завершение работы над описанием следует отнести к 1818 г.

²⁰ ОР ГПБ, 0IV—193. Отрывки опубликованы в «Журнале Департамента народного просвещения», 1822, кн. 2—4. Опубликованы в основном описание губернии и исторические материалы по Воронежу, описание современного города сюда не вошло.

²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18676. Подписано губернатором П. А. Сонцевым, сведений о составителе нет.

²² Там же, д. 18670. Подписано губернатором П. А. Сонцевым.

²³ Ланкастерские школы основывались на системе организации и методах обучения в начальной школе, при которых старшие и более успевающие ученики вели занятия с остальными учащимися. В России такие школы стали открываться с 1818 г., но широкого распространения

В. А. Митин

ПОСТРОЙКИ ДЖАКОМО КВАРЕНГИ В ВОРОНЕЖЕ

Одним из интереснейших архитектурных ансамблей прошлого Воронежа был комплекс зданий Воронежской епархии. История его создания относится к XVII в. В этот период русские люди продолжали активно осваивать просторы «Дикого поля», интенсивно заселяя и Воронежский край. С целью упрочения государственной и церковной власти решением Большого Московского собора (1667 г.) здесь была учреждена в 1682 г. самостоятельная Воронежская епархия¹. Во главе ее стал епископ Митрофан, который по приезде из Москвы в Воронеж поселился на территории Воронежской крепости возле Благовещенского городского собора (в связи с учреждением Воронежской епархии собор в 1682 г. получил статус кафедрального). С этого времени исторически сложившееся ядро города — крепость — стало постоянным местом пребывания главы воронежской церкви, что и определило развитие комплекса епархии на долгие годы.

К концу XVII в. деревянная крепость Воронежа утратила свое оборонное значение, обветшала и вскоре была разобрана. На ее месте, точнее на части территории острога, остался и продолжал развиваться комплекс зданий Воронежской епархии. Итак, на рубеже XVII и XVIII столетий один архитектурный комплекс был заменен другим.

Уже к концу XVIII в. ансамбль епархии включал: Благовещенский собор (1718—1735 гг.), построенный по типу украинских соборов XVII в. с крестообразным планом; Архангельскую церковь (1764—1768 гг.)²; дом архиерея, здание семинарии, колокольню (строились в 80—90-е гг. XVIII в.

й первом десятилетии XIX в.)³ и ряд других построек служебного и хозяйственного назначения. Как видно из перечисленного, ансамбль наиболее активно формировался на протяжении всего XVIII столетия (рис. 1).

Большой интерес представляли все здания епархии, но и среди них особо необходимо отметить архиерейский дом, семинарию и колокольню, построенные в классическом стиле последней четверти XVIII в.

Вероятно, у современников и очевидцев строительства этих зданий не было сомнения в том, что данные постройки обязаны своим появлением выдающемуся зодчему конца XVIII — начала XIX в. Джакомо Кваренги. Так, первый воронежский историк-краевед Е. Болховитинов в своей книге сообщал: «Нынешний архиерейский дом, семинария и конюший двор с 1784 по 1787 год выстроены... по плану лучшей италийской архитектуры, сочиненному славным придворным архитектором Гварением»⁴. Л. И. Денисов в своем обширном труде тоже в сущности повторяет Е. Болховитинова и не приводит каких-либо дополнительных документов, подтверждающих авторство Кваренги⁵. В статье «Воронежский Благовещенский Митрофановский монастырь (бывший Благовещенский собор г. Воронежа)» Н. Поликарпов заявляет: «Колокольня построена по плану архитектора Гваренги»⁶. Таким образом, Е. Болховитинов, Л. И. Денисов, Н. Поликарпов утверждают, что архиерейский дом, семинария и колокольня комплекса Воронежской епархии были построены по плану (проекту) зодчего Джакомо Кваренги. Подобные утверждения названных выше авторов хоть и важны, но не дают нам права причислить эти постройки авторству Кваренги, ибо они не имеют других более весомых доказательств.

Видный русский искусствовед начала XX в. Г. К. Лукомский в одной из своих статей, касающейся памятников архитектуры Воронежа, пишет: «Три года тому назад граф Апраксин, бывший в то время воронежским вице-губернатором, сделал в одном из заседаний «Общества защиты и сохранения в России памятников старины» доклад по поводу печального состояния этого дома, построенного по одним сведениям в 1803 г. для проживания в нем последнего крымского хана, по другим сведениям — ранее этого времени архитектором Гваренги. Но показанные им фото тогда же возбудили сомнение в достоверности праведных известий, на что гр. Апраксиным было заявлено, что имеется собственноручное письмо Гваренги к В. А. Черткову (В. А. Чертков — воронежский

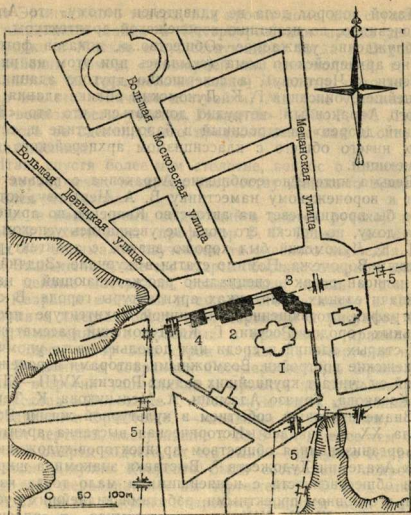

Рис. 1. Схематический генеральный план комплекса Воронежской епархии в конце XVIII в. 1 — Благовещенский собор; 2 — архиерейский дом; 3 — здание семинарии; 4 — колокольня; 5 — стены и башни деревянной крепости XVII в.

наместник последней четверти XVIII века. — В. М.) по поводу здания, которое должно было строиться в Воронеже по его, Гваренги, проекту. Это заявление повергло в еще большее недоумение лиц, сомневающихся в авторстве Гваренги, ибо показанные снимки ничего общего с творчеством Гваренги не имели»⁷.

Такой поворот дела не удивителен потому, что Апраксин, очевидно, по незнанию воронежской архитектуры, ввел в заблуждение уважаемое «Общество...», показав фотографии не архиерейского дома (ссылаясь при этом на письмо Кваренги к Черткову), а совершенно другого здания. Из дальнейшего описания Г. К. Лукомским облика здания, указанного Апраксиным, нетрудно догадаться, что это «Воронежский дворец», построенный в барочном стиле и, естественно, ничего общего с классицизмом архиерейского дома не имеющий.

Весьма интересно сообщение Апраксина о письме Кваренги к воронежскому наместнику В. А. Черткову, которое могло бы пролить свет на авторство Кваренги по архиерейскому дому, но поиски его пока не увенчались успехом.

Г. К. Лукомский был хорошо знаком с архитектурным прошлым Воронежа. Помимо статьи в журнале «Зодчий» им был написан очерк⁸, специально рассказывающий о наиболее значительных памятниках архитектуры города. В своей монографии, посвященной старинной архитектуре провинциальных городов России, Г. К. Лукомский рассматривает типы старых зданий и среди них довольно часто упоминает воронежские постройки. Возможными авторами воронежских зданий он считает крупнейших зодчих России XVIII—XIX вв. (М. Казакова, Томазо Адамни, А. Мельникова, К. Тона)⁹.

Знаменательным событием в культурной жизни России начала XX в. явилась «Историческая выставка архитектуры», организованная обществом архитекторов-художников в залах Академии Художеств¹⁰. Выставка знакомила широкие круги общественности с ценнейшими и мало тогда известными, в основном проектными, работами виднейших русских архитекторов XVIII—XIX вв., хранящимися в запасниках тогдашних музеев и архивов: Императорском Эрмитаже; Музее Старого Петербурга; Архиве Министерства Императорского Двора; ряда частных собраний, что само по себе делало ее уникальной. На выставке наряду с другими широко были представлены работы Джакомо Кваренги, которые нашли также отражение в журнале-каталоге (проекты для Петербурга, Царского Села, Павловска, Петергофа, Москвы, провинции и проекты для заграницы — всего 52 наименования)¹¹.

Если бы Г. К. Лукомский обратил более пристальное внимание на представленные на выставке проекты Кваренги, сравнив хотя бы внешне некоторые из них, например

проект Эрмитажного театра, или проект дома для служащих Ассигнационного банка в Петербурге, или проект дворца Безбородко в Москве с существующими тогда в Воронеже архиерейским домом, семинарией или колокольней, то ему не пришлось бы (предположительно) заявлять: «Кто же двигал все эти отличные постройки? Мы уже упоминали о малой возможности участия Гваренги»¹². Но Г. К. Лукомский этого не сделал, а его предположение так и осталось предположением.

Итак, спустя более чем столетие, вопрос о принадлежности воронежских построек творчеству Джакомо Кваренги оставался открытым.

Уже в наше время выдающийся знаток русской и зарубежной архитектуры профессор Г. Г. Гримм в течение долгих лет занимался изучением творческого наследия Кваренги. Вышедший после его смерти сборник содержит многие весьма ценные материалы, освещающие жизнь и деятельность Кваренги в России и судьбу его наследия в СССР. В сборнике имеется обзор всех чертежей и рисунков Кваренги, выявленных в музейных и архивных хранилищах СССР. Здесь автор этих строк в разделе «Чертежи и рисунки Кваренги в собраниях Государственного Эрмитажа» впервые встретил упоминание о проекте перестройки дома архиепископа в Воронеже¹³. «Основную часть коллекции работ Кваренги в Эрмитаже, — поясняет Г. Г. Гримм, — составляют чертежи, поступившие в 1818 году, менее чем через год после смерти зодчего, от его сына — Джулио Кваренги. При этом Джулио Кваренги были составлены подробные списки всех передаваемых им чертежей»¹⁴. В этих списках под № 27 (№ по Джулио Кваренги) значится план и фасад дома архиепископа воронежского¹⁵.

Опираясь на исследование профессора Г. Г. Гримма, устанавливаем, что проект перестройки дома архиерея (или архиепископа) в Воронеже выполнял Джакомо Кваренги.

Но почему проект перестройки, а не постройки? Ответ на это можно найти у того же Е. Болховитинова. Описывая строительство комплекса епархии в середине XVIII в. (до приезда Кваренги в Россию), он сообщал, что: «Пахомий митрополит воронежский построил в три этажа огромные архиерейские палаты, которые стояли на самой середине нынешнего архиерейского двора»¹⁶. В Центральном военно-историческом архиве СССР сохранился чертеж¹⁷ (к сожалению, без даты и авторской подписи), на котором изобра-

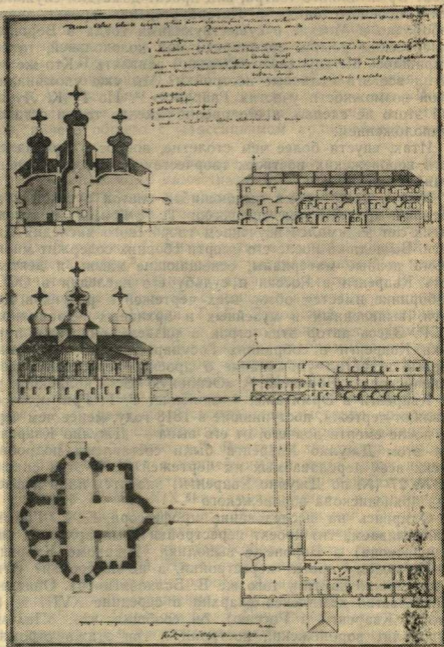

Рис. 2. Планы, фасады и разрезы Благовещенского собора и архиерейского дома в г. Воронеже. Чертеж середины XVIII в.

жен упоминаемый Е. Болховитиновым архиерейский дом, перестроенный позднее Кваренги (рис. 2).

Дальнейшие поиски привели в Эрмитаж, где и удалось получить фотокопию с хранящегося там чертежа Кваренги (рис. 3). Чертеж не датирован и не имеет авторской подписи. Подобное положение Г. Г. Grimm объясняет тем, что: «Кваренги, за редчайшим исключением, не датировал (как и не подписывал) своих чертежей»¹⁸. Внизу чертежа имеются две надписи. Одна на русском языке — «Дом архиепископа Воронежского», другая на французском (как утверждает в своих исследованиях Г. Г. Grimm, сделанная рукой Кваренги) и передает содержание надписи по-русски.

На чертеже изображен фасад двухэтажного здания и план лицевой стены. Фасад расчленен на три части: довольно протяженную среднюю и две боковые, чуть выступающие вперед. Композиционный акцент сделан на боковые части здания. Они по всему верхнему этажу обработаны пилястрами коринфского ордера и удачно завершены фронтоном, несущим скульптуру. Вся композиция боковых частей увенчана куполами на невысоких барабанах. Ось симметрии здания подчеркивает «итальянское» окно в центре средней части.

Кваренги применил в решении образа фасада дома архиепископа в Воронеже некоторые излюбленные приемы, часто встречающиеся в других его постройках. Так, например, «итальянские» окна — один из главных мотивов художественно-композиционного построения фасада Гостинного двора в Ленинграде (ул. Ломоносова), есть они и в здании «Кабинета» при Аничковом дворце в Ленинграде, в Александровском дворце г. Пушкина (бывшее Царское Село), в загородном доме Безбородко на Неве и целом ряде других построек. Трехчастная разбивка фасада воронежского дома отдаленно напоминает этот же прием, примененный зодчим в Эрмитажном театре (г. Ленинград). Разбивка горизонтальными тягами фасада на поэтажные членения «Дома архиепископа Воронежского» идентична другому проекту Кваренги — «Дом для служащих Ассигнационного банка». Первый этаж в том и другом проекте обработан рустом, отчего здания Кваренги приобретают еще более значительную монументальность и строгость. Куполами завершаются здания Кваренги в усадьбе Завадовского в Ляличах (бывшая Черниговская губерния) и проекте дворца Безбородко в Москве. Во всех его проектах и многочисленных постройках встреча-

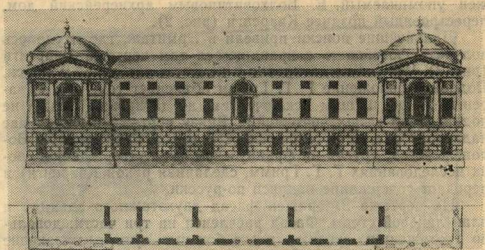

Рис. 3. Дом архиепископа Воронежского. Проект Джакомо Кваренги. Последняя четверть XVIII в.

ются ордерные композиции — мощнейшее выразительное средство в классической архитектуре. На основании проведенного сравнения еще раз убеждаемся, что проект «Дом архиепископа Воронежского» принадлежал Джакомо Кваренги.

Теперь оставалось выяснить: по проекту ли Кваренги было осуществлено строительство здания? Дальнейшие поиски привели в Центральный государственный архив древних актов, где и удалось обнаружить очень интересный документ — гравюру «Открытие мощей св. Митрофана в городе Воронеже... 1832 года августа 6 дня»¹⁹ (рис. 4). Выполнил гравюру в 1839 г. академик Академии художеств И. Ческий с рисунка с натуры художника В. Чурикова. Гравюра представляет исключительный интерес тем, что ее создатели удивительно правдиво, со знанием дела и любовью изобразили парадный фасад (фасад, обращенный в сторону планировочного «трезубца» улиц — Большой Московской (ныне ул. Плехановская), Большой Девицкой (ул. 9 Января), Мещанской (ул. Володарского) комплекса зданий Воронежской епархии, архитектура которых прорисована до мельчайших подробностей. Несомненно, гравюра — одно из самых старых изображений ансамбля и ценна для нас тем, что показывает здания, еще не искаженные последующими

перестройками и переделками. Имея эти два очень важных документа — проект Кваренги «Дом архиепископа Воронежского» и гравюру И. Ческого, можно провести по ним сравнительный анализ с целью выяснения ответа на поставленный вопрос.

На гравюре И. Ческого слева чуть виднеется здание семинарии, за ним раскрывается вид на Благовещенский собор, правее собора во всем своем великолепии предстает дом архиерея, а за ним устремляется ввысь величественная колокольня. Изображение на гравюре не оставляет никаких сомнений в том, что дом архиерея в Воронеже построен по проекту Джакомо Кваренги (утверждение Е. Болховитинова, Л. И. Денисова подтверждено неоспоримыми фактами). Правда, построенное здание несколько отличается от проекта, но изменения весьма незначительны: вместо куполов видна четырехскатная кровля, к «итальянскому» окну в центре здания примкнул небольшой балкон, нет скульптуры на фронтонах и первый этаж не отделан под руст.

Привлекают внимание на гравюре и другие постройки — здание семинарии и колокольни. Уж очень похожи приемы оформления фасада семинарии с декором рядом стоящего архиерейского дома. Тот же ордер коринфских пилястр, те же поэтажные членения, то же «итальянское» окно. Такое сравнение можно продолжить далее и оно будет в пользу Кваренги. Да и четырехъярусную колокольню, от ее изысканных пропорций и великолепного силуэта до изящных фрагментов и деталей, никак нельзя отнести на счет провинциального архитектора.

Ряд фотографий второй половины XIX в. с видом на Митрофановский монастырь²⁰ и дом архиерея, подтверждающих правдивость изображенного на гравюре И. Ческого, а следовательно, и авторство Кваренги, хранится в Государственном архиве Воронежской области²¹.

В Центральном государственном историческом архиве СССР (г. Ленинград) имеются любопытные документы²², проливающие частично свет на строительство этих зданий. Это переписка воронежских епископов Тихона III и Иннокентия с Сенатом и Синодом по вопросу финансирования строительства комплекса Воронежской епархии и отчеты в Петербург об израсходованных на постройку денежных сумм. Документы датированы 1783—1791 гг. В одном из них говорится, что по указу Екатерины II от 1 июня 1783 г. «...веле-но воронежской казенной палате отпустить на построение

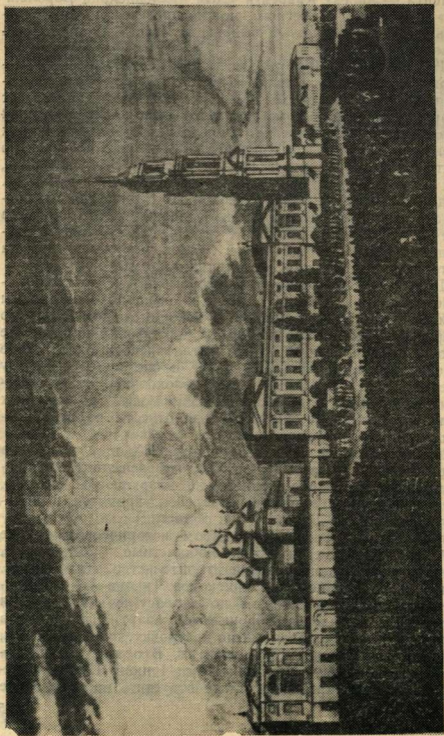

Рис. 4. Вид на комплекс зданий Воронежской епархии. Гравюра И. Ческого, 1839 г.

казенных архиерейского дома, семинарии и прочих надобностей тридцать пять тысяч рублей в течении пяти лет»²³ (по 7000 руб. на каждый год, начиная с 1783). В этих документах не упоминается имени Кваренги, но неоднократно подчеркивается, что: «строение производилось по планам»²⁴. Следовательно, постройка архиерейского дома и семинарии велась одновременно, по проектам, присланным из Петербурга (свыше 9 лет, с 1783 по 1792 г.).

Как известно, Кваренги приехал из Италии в Петербург в январе 1780 г. и первые годы своей творческой деятельности был загружен заказами императрицы. «По своему служебному положению «архитектора двора ее величества» он был обязан исполнять заказы прежде всего Екатерины II, заказы на постройки, из которых одни служили для удовлетворения ее личных желаний, а другие — потребностей общегосударственного значения» — пишет В. Н. Талепоровский в своей монографии о творчестве Кваренги²⁵.

Сопоставляя эти факты, с большой долей вероятности можно предположить:

— основным заказчиком на постройки в Воронежской епархии выступала сама Екатерина II, которая и поручила своему придворному архитектору Джакомо Кваренги выполнить проекты.

Что же касается архиерейского дома, то здесь можно сделать вывод:

— архиерейский дом в Воронежской епархии перестроен, а учитывая, насколько сильно изменен первоначальный облик ранее существовавшего архиерейского дома, можно смело сказать построен по проекту выдающегося зодчего Джакомо Кваренги.

Не исключено, что здание семинарии и колокольня тоже были построены по проекту Кваренги. В пользу этого говорят упоминания Е. Болховитинова, Л. И. Денисова, подлинный проект Кваренги, гравюра И. Ческого, фотографии воронежского архива и косвенно — документ из ЦГИА, другие проекты зодчего, Г. К. Лукомский.

В настоящее время архитектурный комплекс Митрофановского монастыря не существует. На его месте расположен главный корпус Воронежского государственного университета.

¹ Воронежская старина, Воронеж, 1905, вып. 5, Приложение. Историко-статистическое описание церквей и приходов Воронежской епархии, с. 10.

² Там же, с. 17, 22, 23, 48.

³ Воронежская старина. Воронеж, 1913, вып. 12, с. 199—201.

⁴ Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800, с. 65.

⁵ «Архиерейский дом построен в 1784—88 гг. по плану арх. Кваренги» (Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, с. 173).

⁶ Воронежская старина, вып. 5, с. 51, 52.

⁷ Лукомский Г. К. О некоторых старинных постройках Воронежа. — Зодчий, 1914, № 41, с. 458.

⁸ Лукомский Г. К. Воронежская старина. Петроград, 1915.

⁹ Лукомский Г. К. Памятники старинной архитектуры России. СПб., ч. I, 1916, с. 43—47.

¹⁰ Г. К. Лукомский принимал самое активное участие в этой выставке. Он был одним из авторов выпущенного после выставки журнала-каталога, имеющего одноименное название с выставкой — Историческая выставка архитектуры 1911 г. СПб., 1912.

¹¹ В журнале-каталоге были представлены далеко не все работы Кваренги. Особенно мало было проектов для русской провинции. В перечне каталога ничего не сказано и о воронежских постройках (см. Историческая выставка архитектуры 1911 г.).

¹² Г. К. Лукомский. Указ. соч., с. 462.

¹³ Государственный Эрмитаж, отдел рукописей, № 9663.

¹⁴ Гримм Г. Г. Графическое наследие Кваренги. Л., 1962, с. 25.

¹⁵ Гримм Г. Г. Указ. соч., с. 71.

¹⁶ Болховитинов Е. Указ. соч., с. 65.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 418, д. 485.

¹⁸ Гримм Г. Г. Указ. соч., с. 27.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, Воронежская губерния, ед. хр. 3.

²⁰ Статус монастыря первого класса получил в 1836 году (Воронежская старина, вып. 5, с. 35).

²¹ ГАВО, отдел фототеки, № 2-137, 0-3676, 0-320.

²² Дело «Об отпуске средств на постройку архиерейского дома и семинарии в Воронеже». — ЦГИА, ф. 796, оп. 64, ед. хр. 328.

²³ Там же, л. 1, 2.

²⁴ Там же, л. 11—11об. Выражение «Произвести строение по плану» в XVIII в. означало — построить по чертежам, т. е. по проекту.

²⁵ Талепоровский В. Н. Кваренги. Л.—М., 1954, с. 7.

А. М. Аббасов

**ВОРОНЕЖСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ
КОМИССИЯ И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ ГОРОДА ВОРОНЕЖА
(1900—1918 гг.)**

В январе 1881 г. в Воронежском полицейском управлении было заведено следственное дело «О тайном вывозе и продаже архивных дел Воронежской городской управы, хранящихся в здании цейхгауза времен императора Петра I». Оно начиналось донесением полицмейстера в городскую управу следующими словами: «Вследствии распространяющихся по городу слухов о перевозе в ночное время, из помещения занимаемого Яхт-клубом, на лодках каких-то дел и сбыте их в разные мелочные лавки, мною сделано распоряжение по полиции проследить данные факты».

Полиция начала следствие о пропаже важных документов из старого городского архива, находящегося в верхнем этаже петровского здания на острове р. Воронеж. Целый год велось расследование, в ходе которого было установлено, что архивариусом городской управы губернским секретарем Иваном Ефимовским производилась кража ценных бумаг. Им было продано более 15 пудов различных документов случайным лицам. Готовилась для сбыта очередная партия в 50 пудов. Однако полиция арестовала Ефимовского. Был поставлен вопрос о предании его суду¹.

Массовая гибель ценных для истории документов, разбазаривание и хищническое уничтожение архивов происходили и в других местах империи. Обеспокоенная этим явлением, Российская Академия наук добилась утверждения в 1884 г. закона о создании губернских ученых архивных

комиссий. На первых порах, в виде опыта, были учреждены — Орловская, Рязанская, Тверская и Тамбовская ученые комиссии. К концу XIX в. в стране существовало 18 комиссий, которые проводили значительную работу по изучению, обработке и систематизации архивов.

Известный историк М. В. Довнар-Запольский, оценивая деятельность ученых архивных комиссий, на XI археологическом съезде в 1898 г. в Киеве, отметил, что их весомым вкладом в историческую науку является «...всестороннее изучение истории края»². На этом съезде присутствовали и воронежские краеведы — С. Е. Зверев, Л. М. Савелов, А. М. Правдин, М. И. Успенский³. Они внимательно слушали доклады, выступления с мест, сообщения и рефераты. То и дело раздавались голоса об открытии новых комиссий в городах Киеве, Харькове, Екатеринославе, Полтаве. О Воронеже на съезде шел особый разговор, как о городе, который представлял из себя благоприятное место, «давно выдающийся из числа губернских городов, как ученый и литературный центр»⁴.

К созданию ученой архивной комиссии в Воронеже подталкивало и то обстоятельство, что город имел богатые краеведческие традиции, восходящие к концу XVIII столетия. Известно, что родоначальником воронежского краеведения являлся Евфимий (в монашестве Евгений) Болховитинов, который в 1800 г. опубликовал свой труд по истории Воронежа и края⁵.

Традиция всестороннего изучения местной истории была продолжена в деятельности губернского статистического комитета (с 1856 по 1917 г. издавшего 33 «Памятные книжки»), советника этого комитета Н. И. Второва, его близкого друга К. О. Александрова-Дольника, а также М. Ф. Де-Пуле. Публикация большого количества документов по истории края позволила им ввести в научный оборот доселе неизвестные исторической науке документы, по иному заставила взглянуть на историю Воронежского края.

Заметным событием в истории г. Воронежа было празднование 300-летнего юбилея его основания. К этой знаменательной дате вышло множество различных книг, брошюр и сборников⁶.

Делегаты XI археологического съезда, возвратившись из Киева, осенью 1899 г. возбудили вопрос об открытии в Воронеже ученой архивной комиссии.

1 декабря 1900 г. в губернаторском доме на Большой Дворянской (ныне проспект Революции, 22) состоялось первое организационное собрание по открытию архивной комиссии. На ее заседании в числе учредителей присутствовали краеведы — С. Е. Зверев, Л. М. Савелов, А. М. Правдин, городской врач К. В. Федяевский, писатель Г. И. Недетовский, Д. Г. Тюменев, М. П. Паренаго, М. И. Успенский и др.

Председателем ученой комиссии был избран писатель Е. Л. Марков, секретарем — М. Н. Былов. В состав комиссии вошло 56 человек⁷. Почетными членами избраны — директор Петербургского археологического института Н. В. Покровский, профессор Юрьевского университета Е. Ф. Шмурло, действительным членом был избран профессор Харьковского университета Д. И. Багалей.

Как научное заведение, Воронежская ученая архивная комиссия была тесно связана с Орловской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Черниговской, Полтавской и другими комиссиями, посылая им свои труды и взамен получая от них.

Члены комиссии регулярно присутствовали и выступали со своими сообщениями на XI археологическом съезде в Киеве (1898), на XII съезде в Харькове (1902), на XIII съезде в Екатеринославе (1905), на XIV съезде в Чернигове (1908), на XV съезде в Новгороде (1911) и на I съезде представителей губернских ученых архивных комиссий (6—8 мая 1914 г.). Свою работу комиссия проводила в форме заседаний, на которых читались и обсуждались доклады, рефераты, сообщения. Одобренные большинством голосов материалы рекомендовались для публикации в трудах комиссии. Существовала комиссия за счет различных пожертвований от состоятельных лиц и на членские взносы, которые составляли 3 руб. в год. Деньги, вырученные от продажи печатных изданий комиссии, также шли на счет ВУАК. Комиссия выпустила в свет отдельными изданиями более 10 различных наименований книг, брошюр, каталогов. За период с 1902 по 1914 г. комиссия издала четыре выпуска «Трудов ВУАК». По своему содержанию эти труды заслуживают самого пристального внимания историков.

По ряду объективных и субъективных причин работа Воронежской ученой архивной комиссии не была исследована в достаточной степени. Правда, о важности подобных научных заведений для исторической науки впервые твердо заявила в конце 1950-х гг. О. И. Шведова. Она подчеркну-

ла, что ценность их изданий заключается в том, что эти труды содержат множество документальных материалов, которые отсутствуют порой в центральных государственных архивах⁸.

Для современного исследователя труды архивных комиссий являются незаменимым источником для изучения истории края. Деятельность Воронежской комиссии как архивного центра губернии проанализировал в своей статье «Наследство ученой архивной комиссии»⁹ кандидат исторических наук В. И. Чесноков. В ней он наметил основные этапы деятельности комиссии в области сохранения и сбережения местных архивов и показал, как в первые годы Советской власти бывшие члены ВУАК способствовали формированию советских архивных учреждений.

Важной особенностью архивных комиссий явилось то, что они всесторонне и комплексно исследовали историю края — в археологическом, историческом, этнографическом, литературном, археографическом плане, в плане изучения памятников старины и искусства. В этом отношении Воронежская ученая архивная комиссия не была исключением. Видимо, в канун 400-летия г. Воронежа (1985 г.) назрела необходимость полнее пересмотреть деятельность Воронежской комиссии и показать ее вклад в историографию города.

Воронежский край в археологическом отношении представлял собой интересный регион. Исследователя здесь могли ожидать различные находки. Вот почему уже с первых заседаний комиссии был поставлен вопрос о проведении археологических раскопок широким фронтом. 11 декабря 1900 г., выступив с рефератом «Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде», краевед Л. М. Савелов предложил свои услуги в составлении археологической карты всей губернии¹⁰. Члены комиссии поддержали его инициативу.

Почти на каждом заседании ученой комиссии обсуждались доклады об археологических раскопках в разных концах губернии. Краевед В. Н. Тевяшов докладывал о своих раскопках в Острогжском уезде, П. Н. Никольский — о раскопках в Богучарском уезде; о случайных находках в Коротоякском и Валуйском уездах, на Мастюгинских курганах рассказывал известный русский археолог А. А. Спицын. Находки Мастюгинских курганов, относящиеся к скифо-сарматскому времени (III в. до н. э.), заинтересовали общественность. В помощь А. А. Спицыну из Петербурга в Воронеж

был командирован член Археологической комиссии Н. Е. Макаренко (уроженец Полтавщины, член Полтавской ученой архивной комиссии). Вместе со А. А. Спицыным они провели полевую разведку. Было найдено множество интересных вещей. В настоящее время все они хранятся в Государственном Эрмитаже.

Изучив археологические карты по Коротоякскому уезду Л. М. Савелова и по Воронежской губернии В. А. Перелешина, А. А. Спицын и Н. Е. Макаренко порекомендовали вести им также и журнал археологических находок в губернии¹¹. Эти карты демонстрировались на XII археологическом съезде в Харькове и получили положительный отзыв. Вместе с тем авторам было указано и на некоторые недостатки (во-первых, не нанесены современные названия населенных пунктов; во-вторых, не в полной мере использованы источники о древностях). Авторы намечали доработку своих карт к XIII археологическому съезду, но так и не сделали. Впоследствии, уже в советское время, археолог С. Н. Замятин смог доработать их и к 1921 г. подготовил археологическую карту губернии на 900 названий¹².

На съезде также экспонировались предметы археологического и этнографического отделов губернского музея г. Воронежа вместе с печатными трудами ученой архивной комиссии¹³. Подробный отчет о пребывании воронежцев на XII археологическом съезде сделал С. Е. Зверев. Организаторы этого съезда, в том числе и историк Д. И. Багaley, дали высокую оценку экспонатам воронежской делегации.

Повышенный интерес у членов комиссии вызывали археологические находки и раскопки в Воронеже и его окрестностях. Это был вполне понятный интерес, так как они могли пролить определеннный свет на точную дату постройки города или заселения края. Уже 27 сентября 1901 г. краевед С. Е. Зверев докладывал членам комиссии о случайных находках в пределах старого Козарского городища на даче Кузнецова под Воронежем, состоящих из человеческого погребения (скелета), посуды и других предметов. На заседании комиссии было решено расширить археологические раскопки в окрестностях Воронежа¹⁴.

Еще в 1891 г. в журнале «Русский вестник» № 11 была опубликована статья писателя Е. Л. Маркова «Хазарские городища на реке Воронеж», в которой автор утверждал о наличии под Воронежем нескольких хазарских городищ.

Этот вывод был неверным. Писатель до конца не разобрался в вопросах местного краеведения.

Позднейшие публикации краеведа М. К. Паренаго «Хозарское городище»¹⁵, раскопки курганов и могильников на Лысой горе — А. И. Мартынова и В. Д. Языкова¹⁶, а затем и археологические экскурсии С. Е. Зверева и А. И. Милютина по окрестностям г. Воронежа убедительно подтвердили, что хозарское городище под Воронежем — место древнего обитания человека. В 1932 г. во время раскопок на хозарском городище при строительстве корпусов дома отдыха имени А. М. Горького краеведом Н. В. Валукинским были обнаружены поселения славянского типа и подтверждено, что до монголо-татарского нашествия на р. Воронеж обитали славяне¹⁷.

Программа обширных краеведческих исследований по археологии края была намечена на первом заседании ВУАК в докладе ее председателя Е. Л. Маркова «Древние татарские шляхи Воронежской губернии»¹⁸. Однако выполнить программу было не под силу членам ученой архивной комиссии. Исследование археологии Воронежского края стало возможным лишь в советское время.

Следует заметить, что председатель Воронежской ученой архивной комиссии Е. Л. Марков внес значительный вклад не только в организацию работы ученой комиссии, но и в разработку вопросов местной истории. Будучи управляющим Воронежским земельным банком, все свое свободное время он отдавал литературной и краеведческой работе. В трудах комиссии им были опубликованы статьи: «Валы защитной черты на р. Тихой Сосне»¹⁹, «Клады Старой Северщины», а в «Памятных книжках» помещен ряд литературных и краеведческих очерков.

В трудах комиссии регулярно освещались различные события из жизни краеведов — торжества, юбилеи, празднества. Помещались и некрологи. Так, 27 сентября 1901 г. Е. Л. Марков сообщением «Несколько слов в память М. А. Веневитинова» отметил вклад почетного члена комиссии в изучение края, рассказал о его жизненном и творческом пути. Член ВУАК, бывший секретарь Воронежского губернского статистического комитета М. А. Веневитинов скончался 14 сентября 1901 г.

4 марта 1901 г. на заседании комиссии было принято решение об издании первого выпуска «Трудов ВУАК». В его подготовке Е. Л. Марков принял непосредственное участие.

В 1902 г. (в количестве 500 экземпляров, объемом 39,5 печатного листа) первый том увидел свет. Это было большим событием не только для членов комиссии, но и для всей общественности города, всего черноземного центра.

22 февраля 1903 г. неожиданно скончался Е. Л. Марков. 28 марта собрались члены комиссии, чтобы почтить память своего председателя. Краевед А. Фаддеев сделал небольшой доклад, в котором осветил жизненный и творческий путь Е. Л. Маркова, рассказал о его вкладе в литературу и краеведение. Затем с краткими речами выступили — писатель-краевед Г. И. Недетовский, Г. И. Макаров и др. Памяти Е. Л. Маркова большую статью в «Памятной книжке» посвятил В. В. Литвинов, а в передовой статье второго выпуска «Трудов ВУАК» был помещен биографический очерк.

После смерти Е. Л. Маркова на пост председателя Воронежской ученой архивной комиссии долго никто не избирался и всеми делами ведал С. Е. Зверев. Лишь в конце сентября 1903 г. был избран А. И. Урсул²⁰ (председатель губернской земской управы), а его заместителем — писатель Г. И. Недетовский. Начался новый, более качественный этап в работе комиссии.

Во втором номере «Трудов ВУАК», вышедшем в 1904 г., была опубликована статья «Вопрос о существовании города Воронежа в XII в.»²¹ краеведа С. Н. Введенского из г. Задонска. Это был, по сути дела, ответ С. Е. Звереву. Дело в том, что еще в 1896 г. на X археологическом съезде в г. Риге воронежский краевед С. Е. Зверев выступил с докладом «Следы христианства на Дону в домонгольский период», в котором пытался доказать существование летописного Воронежа 1177 г. Теперь эти доводы и опровергал в своей статье С. Н. Введенский. В этом же выпуске трудов была помещена статья С. Е. Зверева «К вопросу о древнем Воронеже»²², которая как бы подчеркивала важность решения этого научного спора. Их полемика втянула в орбиту дискуссии новых членов комиссии, способствуя усилению историко-краеведческих поисков. На позициях С. Е. Зверева стоял и краевед А. И. Милютин, который впервые появился на заседаниях комиссии 24 января 1902 г. Оба они, конечно, понимали, что для доказательства существования древнего, летописного Воронежа нужны данные археологических раскопок. Поэтому летом и осенью 1904 г. они обошли и обследовали территорию вокруг Воронежа на 30—40 км. Ре-

зультаты своего обследования они доложили на заседании комиссии, но веских доказательств так и не нашли.

«Вопрос о г. Воронеже ... решат не путем летописных известий и позднейших исторических материалов, а при помощи новых археологических материалов», — еще раз подчеркнул в своей статье С. Н. Введенский²³. Статьей «Еще о древнем г. Воронеже» в четвертом выпуске «Трудов ВУАК» он на долгое время прекращал полемику, предлагая времени разрешить этот спор.

Много внимания вопросам установления места летописного Воронежа, основания современного города в наши дни уделил доктор исторических наук профессор Воронежского университета В. П. Загоровский. Он впервые научно доказал, что Воронеж был основан как крепость не в 1586 г. (как считали и продолжают считать некоторые историки), а летом 1585 г.²⁴

Преподаватель Воронежского кадетского корпуса краевед С. Е. Зверев был, пожалуй, наиболее яркой и колоритной фигурой в историческом краеведении г. Воронежа. Без его участия не проходило ни одно мероприятие местной научной жизни. Он проводил заседания комиссии, готовил и редактировал труды, вел обширную научно-исследовательскую работу, вместе с членами комиссии участвовал в археологических раскопках. Но главным его детищем был губернский музей²⁵, в дальнейшем устройстве которого ему помогал А. И. Милютин.

Еще в 1902 г. они возбудили перед городскими властями вопрос о предоставлении нового помещения для губернского музея, который ютился в двух небольших комнатах. Там же размещались и древние воронежские акты. Городская управа в 1903 г. уведомила архивную комиссию, что «за наименее подходящего свободного помещения, а также в виду возникшего при этом вопроса об устройстве городского естественно-исторического музея — передать эти вопросы на предварительную разработку в комиссию о пользах и нуждах города»²⁶.

Лишь в 1912 г. город смог выделить ученой архивной комиссии старое запущенное здание интенданства. Был объявлен сбор денежных средств на его ремонт. В 1914 г. музей переселился во вновь отремонтированное помещение²⁷. Там же разместился и архив ученой комиссии.

Устройством музея и организацией его работы занялся С. Е. Зверев. Основой для исторического архива послужили

древние акты, хранившиеся в музее еще со времен Н. И. Второва (в так называемых второвских коробах насчитывалось до 800 единиц хранения).

Уже с первых шагов деятельности комиссии был остро поставлен вопрос о бесперебойной работе архива комиссии и систематическом разборе актов. Кроме того, во все городские и уездные учреждения губернии были разсланы письма с просьбой прислать в комиссию на просмотр описи дел, подлежащих уничтожению. Первым был получен архив Воронежского депутатского собрания, в котором хранились дела с 1785 по 1829 г. (всего 560 различных дел)²⁸. К его разбору приступил член ВУАК краевед М. Д. Свербеев. Разбором и описанием архивных документов занимались А. Д. Фаддеев, Н. И. Поликарпов, А. М. Путинцев, Г. И. Можаров. Но наибольший вклад в их разработку внесли все же краеведы А. И. Милютин и В. Н. Тевяшов.

В каждом из выпусков «Трудов ВУАК» помещались документальные публикации обработанных древних актов.

Как правитель дел комиссии, С. Е. Зверев подготовил и опубликовал отдельным изданием отчет ученой архивной комиссии за десятилетие ее существования²⁹. Под его редакцией вышли в свет рукописи и воронежские акты первого и второго выпуска «Трудов ВУАК»³⁰.

Последний выпуск «Трудов ВУАК» (пятый) вышел только лишь усилиями С. Е. Зверева и В. Н. Тевяшова. Дело в том, что с 1908 г. из-за недостатка денежных средств комиссия прекратила издание своих трудов. Но они добились денежной субсидии от Русского исторического общества и пятый выпуск увидел свет. В нем были опубликованы древние воронежские акты начиная с 1673 г. до начала царствования Петра I³¹. Подготовка рукописей к печати была проведена В. Н. Тевяшовым.

Перед I съездом представителей губернских ученых архивных комиссий, изучая состояние уездных и волостных архивов, члены комиссии провели опрос 577 учреждений (в том числе 220 архивов волостных правлений) и установили, что положение дел с архивами плачевное. В удовлетворительном состоянии находился лишь архив Воронежского губернского правления, где хранились дела с 1743 г. (этот архив обрабатывали члены ученой архивной комиссии)³². Будучи на съезде в Петербурге, С. Е. Зверев доложил истинное состояние дел.

Как краевед С. Е. Зверев плодотворно сотрудничал на

ниве местной истории. Кроме того, что в каждом выпуске помещались его доклады, рефераты или сообщения, он издавал свои исследования в центральных и местных газетах и журналах. На столетний юбилей воронежской губернской типографии он откликнулся статьей, где проанализировал библиографию местной печати за все сто лет ее существования. Статья была опубликована во втором выпуске «Трудов ВУАК» (там же краевед Н. И. Поликарпов поместил очерк «К истории Воронежской губернской типографии (14 мая 1798—1898)»³³. Позже краеведческую библиографию С. Е. Зверев издал отдельной книгой, которую посвятил XIII археологическому съезду в Екатеринославе, где был делегатом³⁴.

Детальной разработке вопросов истории города уделял внимание и служащий казенной палаты краевед А. И. Милютин. С 1902 г., став членом архивной комиссии, он активно включился в работу по разбору древних актов, хранящихся в губернском музее, и этой деятельности он посвятил всю свою короткую жизнь (умер на 38-м году жизни). На одном из заседаний члены комиссии почтили память умершего товарища. А. Фаддеев и С. Зверев выступили с речью, где отметили вклад А. И. Милютина в разработку исторического краеведения. Их речи были помещены в четвертом выпуске трудов, который открывался портретом А. И. Милютина и статьями о нем³⁵. Там же были опубликованы его последние работы. Уже будучи тяжело больным, он работал над разбором и подготовкой к печати древних рукописей из пятого второвского короба, где хранились 399 актов 1671—1673 гг. В основном это были документы, относящиеся к восстанию Степана Разина и участию в нем воронежцев. Особо выделил А. И. Милютин дело о воронежце Науме Васильеве сыне Севостьянове (Панине), «который пришел от воровских казаков, жил на Воронеже тайно и про замыслы их воеводе не объявил»³⁶. Выделив эти дела в древних актах, А. И. Милютин смело для своего времени вскрыл социальный состав, показал участие и роль жителей г. Воронежа в классовых битвах.

Помимо тщательной обработки древних актов, А. И. Милютин подготовил алфавитный и сводный (систематический) указатели к этим актам, которые были изданы после его смерти³⁷.

В своем алфавитном указателе А. И. Милютин постарался дать более полную характеристику лиц, упоминаемых

в древних актах, собирая данные по крупницам. Для современного исследователя его публикации — ценные пособия, дающие возможность в короткий срок найти в актах нужные факты, события.

Сводный (систематический) указатель раскрывал все стороны местной жизни г. Воронежа в XVII столетии. Об этом указателе С. Е. Зверев заметил, что он «представляет редкостное научное руководство для занимающихся изучением местной истории»³⁸.

А. И. Милютин, рисуя топографию древнего Воронежа, внутреннее устройство крепости, давал подробную характеристику населению³⁹. Если он и не оставил нам исторического очерка г. Воронежа, то в систематическом указателе эта тема раскрыта достаточно полно. Исследователь истории местного края, пользуясь материалами указателя А. Милютина, может найти все, или почти все, что касается прошлого Воронежа.

Другим краеведом, оставившим заметный след в деятельности ВУАК, можно назвать В. В. Литвинова, который является еще и историографом ученой комиссии.

В 1908 г. В. В. Литвинов издал книгу «Первая памятная книжка Воронежской губернии (1856—1906). Ее содержание и сотрудники. Историко-библиографический очерк», где подробно проанализировал вклад каждого члена ВУАК в историографию края. Кроме того, освещалась деятельность Н. И. Второва, К. О. Александрова-Дольника, И. И. Малышева, Н. С. Тарачкова, Ф. К. Яворского, С. Е. Зверева, Г. М. Веселовского, Н. В. Воскресенского, М. А. Веневитинова, Ф. А. Щербины, Г. И. Недетовского, А. Ф. Селиванова, С. Н. Введенского, А. М. Путинцева, Ф. И. Поликарпова и др. Отдельными брошюрами вышли в свет биографические очерки В. В. Литвинова о краеведах М. Ф. Де-Пуле, Е. Л. Маркове, а также об учительской семинарии и ее выпускниках. В канун 100-летия Отечественной войны 1812 г. им был подготовлен очерк об ее участниках, где были собраны интересные сведения о Н. Н. Муравьеве-Карском, полковнике С. Н. Марине — поэте и друге К. Ф. Рылеева, братьях М. Г. и Н. Г. Бедрягах, участниках сражений в партизанском отряде Дениса Давыдова, об отце исследователя Туркестана Н. А. Северцова — подполковнике А. П. Северцове⁴⁰.

Как незаурядный краевед, В. В. Литвинов понимал, что успешное изучение края невозможно вести без библиографического анализа изданий о местном крае. Вот почему на-

чая с 1898 г. (с момента службы в Новохоперске) он стал собирать библиографию местной прессы. С переездом же в Воронеж (1910 г.) эта работа заметно продвинулась вперед. Однако опубликовать указатель удалось только в 1928 г.

Указатель был опубликован⁴¹ в количестве 560 экземпляров. В нем нет особо выделенного отдела по истории края, но полностью представлены литература по всей губернии, география, топонимика, природа края, этнография, фольклористика.

Члены Воронежской ученой архивной комиссии, изучая прошлое г. Воронежа, не ограничивались публикацией материалов лишь в изданиях комиссии. Они регулярно помещали свои статьи, очерки в сборниках — «Воронежская старина», в «Памятных книжках», в журналах и местных газетах. Так, «Памятная книжка Воронежской губернии за 1901 г.» была издана под редакцией правителя дел М. Н. Былова, несколько «Памятных книжек» были изданы под редакцией Г. Д. Тюменева, С. Е. Зверева.

Следует заметить, что «Памятные книжки» являются важным источником для изучения г. Воронежа и края, так как в них сосредоточены богатейшие фактические материалы. В 1951 г. профессор К. Н. Миротворцев сделал анализ их вклада в краеведение с точки зрения экономико-географического изучения губернии⁴². Но этого, видимо, недостаточно. Необходим глубокий историографический анализ их вклада в краеведение г. Воронежа в канун 400-летнего юбилея города.

В одной из «Памятных книжек» за 1915 г. краевед А. М. Путинцев поместил «Летопись событий в Воронежской губернии (с 1883—1892 гг.)». В четвертом выпуске «Трудов ВУАК» он опубликовал историко-краеведческий материал о воронежском поэте И. С. Никитине⁴³. Уместно сказать, что, являясь членом ученой архивной комиссии с 1906 г., он принимал активное участие в ее работе. По вопросам краеведения Воронежа он неоднократно выступал в местных журналах и газетах.

Воронежские краеведы изучили неизвестные страницы жизни и творчества поэтов и писателей — А. В. Кольцова, И. С. Никитина, А. П. Сребрянского, философа Н. Станкевича, педагога Н. Ф. Бунакова, постоянно откликались на важнейшие даты и юбилеи как в жизни края, так и в жизни страны. Например, 200-летие Полтавской битвы (27 июня

1909 г.) в городе было отмечено торжественно, ибо прославлялась сила и мощь русского оружия и деятельность Петра I по созданию в Воронеже русского флота. Этому событию архивная комиссия посвятила несколько заседаний. Была организована юбилейная выставка, издан ее каталог⁴⁴. За время существования комиссии было проведено пять подобных выставок, посвященных памяти поэтов А. В. Кольцова (1910), И. С. Никитина (1911), историка Н. И. Костомарова (1910), первого летописца Воронежа Е. Болховитинова (1912).

Столетие Отечественной войны 1812 г. комиссия ознаменовала изданием книги «В память Отечественной войны. 1812—1912 гг.» под редакцией Н. П. Михневича (М., 1912), а также коллективного исследования членов ВУАК об участии воронежцев в битвах с французами⁴⁵.

После победы Великого Октября члены комиссии в лице ее председателя С. Е. Зверева прочно встали на позиции сотрудничества с Советской властью. 4 августа 1918 г., когда враги революции подступали к городу, в Воронеже состоялось 133-е заседание комиссии, на котором обсуждались вопросы:

- крестьянские настроения в Воронежской губернии в 1904 г. (доклад И. Д. Смирнова);
- организация комитета по охране художественных и научных сокровищ Воронежской губернии;
- прием новых членов⁴⁶.

Это было, видимо, одно из последних заседаний Воронежской архивной комиссии. Вскоре она была реорганизована.

Завершая анализ деятельности ВУАК, следует заметить, что в сохранении документальных материалов по истории России XVII в., в разработке определенной традиции комплексных историко-краеведческих исследований губернии, комиссия сыграла заметную роль. Теперь, когда после гражданской и Великой Отечественной войны множество документов навсегда утрачено, опубликованные в четырех выпусках «Трудов ВУАК» материалы приобретают значение первоисточников. Историки местного края, отбросив мишуру верноподданических чувств и буржуазно-либеральную ограниченность дореволюционных воронежских краеведов, могут свободно пользоваться фактическим материалом, критически переосмыслив его с позиций марксистско-ленинского учения о партийности исторической науки.

Пример партийного, классового, научно-критического использования работ воронежских краеведов и статистических данных по Воронежскому краю показал вождем мирового пролетариата В. И. Ленин в ходе работы над книгой «Развитие капитализма в России». Раскрывая процесс разложения крестьянства в деревне, В. И. Ленин умело оперировал фактами по Воронежской губернии (Задонскому, Землянскому, Коротоякскому, Нижнедевицкому и другим уездам) ⁴⁷.

А в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», критикуя народника Кривенко, Владимир Ильич показывает, как тот жонглировал фактами, взятыми у воронежского краеведа и статистика Ф. А. Щербини ⁴⁸, которого, кстати сказать, резко критиковал В. И. Ленин. В этой же работе В. И. Ленин дает классический образец использования краеведческих материалов ⁴⁹.

Таким образом, комплексным изучением края комиссия способствовала оживлению научно-исследовательской работы в Воронежской губернии в начале XX столетия. В результате этого были раскрыты доселе неизвестные страницы жизни древнего Воронежа (XVII—XVIII ст.), обобщена библиография местной печати, глубоко изучена персоналия лиц, занимавшихся краеведческой работой, систематизированы архивы и опубликована часть их, проведены различные археологические раскопки, этнографические и фольклорные экспедиции, открыт широкий доступ общественности в краеведческий музей, что способствовало популяризации исторических знаний о Воронежском крае.

Хотя и много было сделано членами комиссии, однако, при царизме она не могла стать и не стала массовой научной организацией. Круг вопросов, изучаемых членами комиссии, был ограничен. В основном, это было прошлое Воронежского края, старина. Научная деятельность членов комиссии была оторвана от насущных проблем пролетарского и крестьянского движения.

Лишь победа Великого Октября выдвинула на повестку дня задачу создания новых форм научной деятельности, в том числе и в области исторического краеведения. После революции изучением истории местного края стали заниматься широкие слои рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Рождалось советское историческое краеведение — подлинное творчество масс.

¹ Воронежское дворянство в Отечественную войну. Воронеж, 1912, с. 50.

² Обзор деятельности ученых губернских архивных комиссий. 1896—1898 гг. М. В. Довнар-Запольский. М., 1899, с. 1.

³ Труды Воронежской ученой архивной комиссии (далее «Труды ВУАК»). Воронеж, 1904, вып. 2, с. 147.

⁴ Исторический вестн., 1891, № 2, с. 608.

⁵ Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800.

⁶ Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия города Воронежа. Воронеж, 1886, т. I, II; Вейнберг Л. Город Воронеж. (Исторический очерк). Воронеж, 1886; Веселовский Г. М. Исторический очерк г. Воронежа. 1586—1886. Воронеж, 1886; Веселовский В. Г. Колыбель русского флота. Воронеж, 1888, и др.

⁷ Памятная книжка Воронежской губернии 1901 г. / Под ред. М. Н. Былова. Воронеж, 1901, с. 59—60.

⁸ Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. — Археографический ежегодник за 1957 г. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1958, с. 377—433.

⁹ Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1979, вып. 1, с. 80—89.

¹⁰ Труды ВУАК, Воронеж, 1902, вып. 1, с. X.

¹¹ Там же, 1908, вып. 4, с. LXVI.

¹² Воронежский историко-археологический вестн., 1921, № 1, с. 42.

¹³ Труды ВУАК, Воронеж, 1904, вып. 2, с. 153—154.

¹⁴ Там же, 1902, вып. 1, с. XXXVII.

¹⁵ Там же, 1908, вып. 4, с. 1—8.

¹⁶ Там же, с. 63—66.

¹⁷ Валукинский Н. В. По следам древних предков. Воронеж, 1940, с. 46. Результаты последующих исследований отражены в книге А. Н. Москаленко «Славяне на Дону» (Воронеж, 1981).

¹⁸ Труды ВУАК, Воронеж, 1902, вып. 1, с. 37—51.

¹⁹ Там же, 1904, вып. 2, с. 115—142.

²⁰ Там же, 1908, вып. 4, с. XXVIII—XXIX.

²¹ Там же, 1904, вып. 2, с. LVI—LXVII.

²² Там же, с. LXVIII—LXXIV.

²³ Там же, 1908, вып. 4, с. 1—24.

²⁴ Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1971, с. 91—92.

²⁵ Впервые мысль об открытии в г. Воронеже музея принадлежит Н. И. Воробу. Но в связи с переводом его по службе в другой город, дело об открытии музея на долгие годы было оставлено. Музей же был открыт в сентябре 1894 г., и С. Е. Зверев по праву считается основателем этого заведения.

²⁶ Труды ВУАК, Воронеж, 1908, вып. 4, с. LI.

²⁷ Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж, 1960, вып. 1, с. 6.

²⁸ Труды ВУАК, Воронеж, 1902, вып. 1, с. XXV.

²⁹ Отчет Воронежской ученой архивной комиссии / Составил правитель дел Ст. Зверев. Воронеж, 1912. 32 с.

³⁰ Рукописи и Воронежские акты. Описаны комиссией по устройству музея / Под ред. С. Е. Зверева. Воронеж, 1905, вып. 1—2.

³¹ Труды ВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5.

³² К съезду представителей губернских ученых архивных комиссий, устраиваемых Императорским историческим обществом 6—8 мая 1914 г. СПб., 1914, с. 4.

³³ Труды ВУАК, Воронеж, 1904, вып. 2, с. 61—86.

³⁴ Зверев С. Е. Книжки, брошюры и листы Воронежской печати. Систематический указатель. Воронеж, 1905, вып. 1. 114 с.

³⁵ Труды ВУАК, Воронеж, 1908, вып. 4, с. 1—8.

³⁶ Там же, 1904, вып. 2, с. 103—109.

³⁷ Там же, 1908, вып. 4, с. 249—416.

³⁸ Там же, с. 284—384.

³⁹ Там же, с. 375—392.

⁴⁰ Литвинов В. В. Материалы к биографии М. Ф. Де-Пуле. Воронеж, 1912; Он же. Евгений Львович Марков (1835—1903). Воронеж, 1903; Он же. Воронежская учительская семинария (1875—1910). Исторический очерк. Воронеж, 1911; Он же. Участники Отечественной войны и заграничных походов 1813—1815 гг. из дворян и уроженцев Воронежской губернии. Воронеж, 1912.

⁴¹ Библиографический указатель литературы о Воронежском крае (1703—1927 гг.). В. Литвинов. Воронеж, 1928.

⁴² Миротворцев К. Н. «Памятные книжки» Воронежской губернии как источник для экономико-географического изучения территории до Октябрьской революции. — Тр. Воронежск. ун-та, 1951, т. 24, с. 133—138.

⁴³ Труды ВУАК, Воронеж, 1908, вып. 4, с. 39—62.

⁴⁴ Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 г. /Под ред. Д. Г. Тюменева. Воронеж, 1910, с. 30—31.

⁴⁵ Воронежское дворянство в Отечественную войну. Издание губернского предводителя дворянства. Воронеж, 1912. 419 с.

⁴⁶ Воронежский красный листок, 1918, 3 авг.

⁴⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 122—125.

⁴⁸ См. там же, т. 1, с. 643—644.

⁴⁹ См. там же, с. 224—230.

О. В. Скобелкин

**ВОРОНЕЖСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ
И ЕГО ИЗДАНИЕ «ВОРОНЕЖСКАЯ СТАРИНА»**

История Воронежского краеведения, истоки которого восходят к концу XVIII в., знает имена многих исследователей нашего края: Е. А. Болховитинова, Н. И. Второва, Г. М. Веселовского, Л. Б. Вейнберга. Позднее на смену исследователям-одиночкам приходят краеведческие организации, продолжившие сложившуюся уже традицию краеведческих исследований. Одной из этих организаций был Воронежский церковный историко-археологический комитет.

Деятельность этой краеведческой организации еще не освещалась в литературе, и настоящая статья является первым опытом исследования деятельности Воронежского комитета.

Попытки создать в Воронеже церковно-краеведческое общество предпринимались в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. несколько раз, но безрезультатно.

В 1899 г. члены Воронежского губернского статистического комитета¹ А. М. Правдин, С. Е. Зверев и М. И. Успенский были посланы в Киев на XI археологический съезд. Вернувшись в Воронеж, они организовали собрание лиц, сочувствующих открытию в городе церковно-археологического учреждения: была создана комиссия (А. М. Правдин, М. И. Успенский и М. Н. Былов) по выработке проекта устава будущего общества. В начале 1900 г. готовый проект был направлен по церковным инстанциям, и в ноябре того же года было получено разрешение синода на открытие в Воронеже церковного историко-археологического комитета

«с древлехранилищем, библиотекою и архивом при оном». Интересно, что в эти самые дни (декабрь 1900 г.) в Воронеже было образовано другое краеведческое общество — Воронежская ученая архивная комиссия.

Торжественное открытие комитета состоялось 31 января 1901 г. в братском читальном зале Митрофанова монастыря².

На собрании присутствовало около 80 приглашенных, из них более половины составляли светские лица (в частности: губернатор, вице-губернатор, предводитель дворянства, директор кадетского корпуса). Открытие нового краеведческого общества расценивалось воронежцами как событие весьма значительное, и интерес к нему проявляло не только духовенство.

Перед собравшимися выступил будущий председатель комитета А. М. Правдин. В своем докладе он указал, что основной целью комитета будет «охранение и изучение памятников старины, относящихся к церковно-религиозной жизни в епархии», так как (согласно мысли Правдина), в силу особенностей уклада русской жизни, вещественные и письменные памятники старины уцелели в основном в монастырях и церквях³.

А. М. Правдин назвал и методы работы комитета: опись и публикация архивных материалов, охрана памятников старины, изучение этнографического и фольклорного материала, создание музея и библиотеки, пропаганда исторических знаний среди населения.

Что представляло собой в организационном плане общество, решающее все эти задачи? Комитет состоял из членов почетных, неперенных, действительных и членов-соревнователей. Члены комитета один—два раза в год собирались на общие собрания, где выслушивали годовой отчет руководителей общества. Собрания эти проходили в читальном зале Митрофанова монастыря, а также в актовом зале духовной семинарии⁴ и в женском епархиальном училище⁵.

Во главе комитета стоял совет из 7 членов, избираемых на 3 года (позже, в 1907 г., количество членов совета было увеличено до 11). Среди членов совета мы видим таких опытных краеведов, как А. М. Правдин, С. Е. Зверев, П. В. Никольский, Н. И. Поликарпов. На первом же заседании 8 февраля 1901 г. председателем комитета был избран секретарь духовной консистории, активный исследователь истории края А. М. Правдин.

Воронежский церковный историко-археологический комитет начинает свою деятельность. Характеризуя работу этого общества, можно, с известной условностью, выделить два периода: первый — с основания комитета до событий революции 1905—1907 гг. (время председательства А. М. Правдина, который оставил свой пост в 1906 г.) — характеризуется в значительной степени научностью исследований и хорошей организацией работы; второй — от эпохи первой русской революции до конца существования комитета — заметным сокращением количества публикаций архивных материалов и работ, имеющих значение для изучения гражданской истории края.

Уже на втором заседании совета были поставлены на повестку дня наиболее важные вопросы, которые решались впоследствии на протяжении всего существования комитета. Так, было решено приступить к созданию библиотеки, для чего следовало выписать руководства и справочники по археологии и палеографии, собрать местные периодические издания, обратиться к организациям, учреждениям и частным лицам с просьбой о пожертвовании книг и изданий исторического характера ⁶.

Надо сказать, что дело создания библиотеки шло успешно. В журналах заседаний совета за каждый год есть отметки о появлении новых изданий в библиотеке общества. Так, например, 23 марта 1905 г. на заседании совета рассматривался вопрос о поступивших в комитет изданиях Императорской Академии наук, среди которых были: летописи (в том числе и Никоновокая), судебник Ивана IV, Акты Московского государства и др. (всего 234 книги) ⁷. Был приобретен энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Из пожертвованных частных лиц интересно отметить книги, присланные одним из крупнейших русских историков профессором В. О. Ключевским ⁸. В пятом выпуске «Воронежской старины» сообщается, что известный ученый, автор «Курса русской истории» был избран почетным членом комитета на общем собрании 15 ноября 1904 г. ⁹ Небезынтересно, что в седьмом выпуске между страницами 48 и 49 вклеено отпечатанное на бланке комитета письмо к В. О. Ключевскому, сообщающее о посылке ему первых семи номеров «Воронежской старины» и с просьбой об обмене изданиями ¹⁰.

К февралю 1906 г. библиотека комитета насчитывала 1438 томов, а в 1912 г. — 2030 томов. Для библиотеки, а

также музей и архива общества было выделено три комнаты «в нижнем этаже консисторского здания по стороне, обращенной к Митрофанову монастырю». Здание консистории до наших дней не сохранилось; на этом месте разбит университетский сквер.

Говоря о методах работы комитета, А. М. Правдин называл прежде всего работу в архивах, составление описей и публикацию документов, хранящихся в них. Уже в 1901 г. комитет добился права брать старые дела (до 1850 г.) из консисторского архива и переносить их в свой¹¹. Разборкой архивных дел члены комитета (особенно в первый период существования общества) занимались очень активно, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в «Воронежской старине», а также отметки в журналах заседаний совета. Именно эта сторона деятельности общества представляется нам, современным историкам, наиболее ценной. Благодаря активной работе воронежских археографов увидели свет многие документы, содержащие материалы о колонизации края, об экономической, культурной его жизни, о положении крестьянства и народных выступлениях, документы, которые раньше хранились именно в монастырских архивах. Так, П. В. Никольский разбирает и публикует материалы по истории Толшевского монастыря¹²; Н. И. Поликарпов — «Окладные книги Воронежского и Елецкого уездов за 1676 г.»¹³; священник И. Яблонский занимается описанием архива Донецкого монастыря¹⁴. Сам А. М. Правдин возглавил работу по разборке консисторского архива, его дело продолжил впоследствии последний председатель комитета Т. М. Олейников.

Кроме этого, члены комитета многое сделали в деле охраны памятников истории края. В 1901 г. комитет обратился к епархиальному духовенству с просьбой не отдавать и не продавать старинных церковных вещей без сношения с комитетом. Подобные призывы повторялись в 1909 и в 1911 гг. Хотя полностью продажу древностей без ведома комитета прекратить и не удалось, тем не менее эти обращения способствовали тому, что в музей общества потекли пожертвования: старинные книги, кресты, иконы, а также предметы, называемые в современной археологической науке случайными находками. («Поступили пожертвования для музея Комитета: ...3 железных наконечника стрел, один бронзовый, часть наконечника кремневой стрелы, кремневой нож...») ¹⁵. Уже на одном из первых заседаний совета было решено

осмотреть церкви и монастыри Воронежа и зарегистрировать «церковно-археологические древности», находящиеся в них. В 1903 г. по ходатайству комитета Воронежская духовная консистория обязала церкви и монастыри представить в комитет описи предметов церковной старины. В 1912 г. краеведы обратились к епархиальному начальству с просьбой предупреждать руководство общества о сломе или реставрации какой-либо из церквей. Было решено также составить список церквей, «заслуживающих внимания с археологической точки зрения».

Занимаясь столь разнообразной деятельностью, комитет не мог не вступить в сношения с другими, подобными же обществами. Обширные связи Воронежского церковного историко-археологического комитета с другими краеведческими организациями и научными обществами можно разделить на три группы: а) местные связи; б) связи с иногородними краеведами; в) связи зарубежные.

Тесная связь комитета с другими научными учреждениями Воронежа объясняется не только тем, что все они находились в непосредственном соседстве, но и тем, что многие члены этих обществ входили в комитет, и, в свою очередь, многие члены комитета активно сотрудничали в Воронежском губернском статистическом комитете и в Воронежской ученой архивной комиссии¹⁶. Не случайно было отмечено, что «архивная комиссия... состоит едва ли не в большинстве своем из тех же членов, что и комитет»¹⁷. Зачастую комитет и архивная комиссия работали вместе. Так, на некоторых археологических съездах (например, на XII) оба эти общества совместно оформляли экспозицию, представлявшую на выставке «воронежские древности». Устраивались совместные выставки и в Воронеже. В феврале 1912 г. архивная комиссия устроила выставку, посвященную 75-летию со дня смерти первого исследователя Воронежского края Е. А. Болховитинова, и пригласила принять в ней участие комитет, который представил более 400 экспонатов из фондов своего музея. Кроме того, оба общества провели торжественные собрания, посвященные этому событию, а труд Е. А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» был перепечатан в 11-м выпуске «Воронежской старины».

Что касается связей с иногородними обществами, то они были широкими и оживленными. Воронежский комитет не

был одинок, так как к 1911 г. в 16 крупных городах страны было открыто 16 церковно-археологических учреждений¹⁸.

Комитет поддерживал отношения с Тамбовским церковно-археологическим комитетом¹⁹, с Тверским и Подольским комитетами, с Владимирской архивной комиссией²⁰, с церковно-археологическими организациями других городов²¹. Тесная связь установилась у Воронежского комитета с Московским археологическим обществом, с которым налажился постоянный обмен изданиями. Договор об аналогичном обмене был заключен и с «Управой библиотеки наукового товарищества им. Шевченка»²².

К категории иногородних связей относится и участие воронежцев в общероссийских археологических съездах, где члены комитета выступали с докладами, познакомились с представителями других научных обществ, устанавливали контакты с ними, обменивались изданиями. Так, например, последний председатель комитета Т. М. Олейников, будучи на XII съезде в Новгороде, подарил устроителям съезда 10-й выпуск «Воронежской старины» — периодического издания комитета.

«Воронежская старина» была известна не только в России, но и за границей. Так, владелец книжного и антикварного магазина в Лейпциге, некий К. Хирзман, прислал просьбу о высылке ему всех выпусков издания Воронежского комитета²³, а через несколько лет аналогичная просьба была получена от заведующего славянским отделом Нью-Йоркской библиотеки²⁴.

Что же представляла собой «Воронежская старина» — орган Воронежского церковного историко-археологического комитета?

Всего было издано 14 книг объемом 400—500 страниц каждая. Печатали их в воронежской типолитографии. Интересно, что экземпляры «Воронежской старины», хранящиеся в книгохранилищах города, раньше, как правило, принадлежали тем организациям и учреждениям, с которыми был связан комитет. Так, книги, хранящиеся в Воронежской областной научной библиотеке им. И. С. Никитина, имеют штампы библиотеки императорского Московского археологического общества; некоторые экземпляры «Воронежской старины», принадлежащие Воронежскому областному музею краеведения, попали туда из Московской духовной академии, а на выпусках, хранящихся в научной библиотеке

Воронежского университета, можно встретить экслибрис Воронежского епархиального женского училища.

Каждый из выпусков имел три-четыре раздела, в которых собраны статьи и публикации документов, более или менее связанные общей темой, кроме того, в конце каждого выпуска помещены журналы заседаний совета и отчет председателя комитета за год (правда, этот порядок соблюдался не всегда). Тираж «Воронежской старины» составлял обычно 500—1000 экземпляров, и только юбилейный 3-й выпуск, посвященный первому воронежскому епископу Митрофану, был издан в количестве 1500 экземпляров. Учитывая просьбы читателей, комитет печатает в некоторых выпусках перечень всех изданных ранее номеров «Воронежской старины» с оглавлениями (вып. 9, 12 и др.).

По содержанию все 14 номеров «Воронежской старины», на наш взгляд, можно разделить на две группы, соответствующие двум периодам деятельности комитета.

Выпуски первой группы (до седьмого номера, вышедшего в 1908 г.) отличаются научным характером. Здесь печатаются солидные, исследовательского плана работы членов комитета, публикуются документы консисторского архива и архивов различных монастырей, сопровождаемые комментариями археографов. Здесь можно встретить такие работы, как капитальный труд П. В. Никольского «Материалы по истории монашества на Дону» (вып. 2—5), представляющий собой публикацию большого количества документов XVII—XVIII вв., хранящихся как в центральных, так и в местных архивах, и «Монашество на Дону» (вып. 6—9) — исследование, основанное на этих архивных материалах. Привлекает внимание такая работа Никольского, как «Материалы по истории Спасопреображенского Толшевского монастыря», а также публикация Н. И. Поликарповым окладных книг Воронежского и Елецкого уездов за 1676 г. А. М. Правдин публикует «Опись указам Святейшего Синода, относящимся к Воронежской епархии, хранящимся в Воронежской духовной консистории (1743—1850 гг.)». С пятого выпуска начинается публикация отдельных «Историко-статистических описаний церквей и приходов Воронежской епархии»²⁵. В 5-м, 7-м и 8-м выпусках публикуется описание церквей и монастырей Воронежа, приводится история их создания, часто прилагаются фотографии зданий и внутренних помещений. Облик дореволюционного Воронежа предстает перед исследователями в этих описаниях.

В процентном отношении публикации документов и статей научного характера (с элементами гражданской истории, с привлечением архивных материалов) составляют более половины материалов, помещенных в первой группе выпусков «Воронежской старины»: вып. 1 — 67%; вып. 2 — 78%; вып. 5 — 60%; вып. 6 — 64%. Исключение составляет 3-й («юбилейный») и 4-й выпуски, почти целиком посвященные 200-летию со дня смерти первого воронежского епископа Митрофана, современника Петра I.

Иное дело вторая группа журналов. То, что являлось исключением для первых выпусков «Воронежской старины», здесь становится правилом. Резко сокращается число публикуемых документов и статей, в которых анализируется документальный материал. Вот какую часть в выпуске второй группы составляют публикации документов и статьи научного характера: вып. 7 — 27%; вып. 8 — 33%; вып. 9 — 30%; вып. 10 — 0%²⁶; вып. 11 — 21%; вып. 12 — 7,7%; вып. 13 — 18%; вып. 14 — 18%. Теперь в «Воронежской старине» преобладают статьи апологетического характера, посвященные «отцам церкви» и различным церковным юбилеям.

Это, довольно резкое, изменение характера издания можно объяснить, на наш взгляд, двумя причинами: во-первых, наступлением реакции (в том числе и в области идеологии) после поражения революции 1905—1907 гг. (7-й выпуск был издан в 1908 г.); во-вторых, уходом с поста председателя комитета такого талантливого краеведа и организатора, как А. М. Правдин. (В 1906 г. он был переведен в Тифлис; однако в подготовке 6-го выпуска «Воронежской старины» еще участвовал.)

Кроме А. М. Правдина активными членами комитета были такие краеведы, как С. Е. Зверев, П. В. Никольский, Н. И. Поликарпов, Т. М. Олейников, С. Н. Введенский. Биографии многих из них схожи: сначала обучение в средних и высших духовных учебных заведениях, затем преподавательская работа и, параллельно ей, изучение местной истории²⁷. Это были краеведы-энтузиасты, неперемные члены всех краеведческих обществ, все свободное время отдававшие работе в архивах, археологическим изысканиям. После революции некоторые из них продолжали археографическую и краеведческую деятельность. С. Е. Зверев, В. В. Литвинов, Т. Е. Олейников, С. Н. Введенский работали в губархиве, в губернском музее, активно участвовали в работе Воронежского краеведческого общества²⁸.

Если судьба многих активных членов комитета нам известна, то этого нельзя сказать о самом Воронежском церковно-археологическом комитете.

Подведем некоторые итоги.

Дореволюционное воронежское краеведение носило классово ограниченный характер, ибо историков той поры больше интересовали присланные в Воронеж царские грамоты и сенатские указы, нежели вопросы народных движений. Не является исключением в этом плане и Воронежский церковный историко-археологический комитет. Характер его работы обуславливался, с одной стороны, официальным направлением в краеведении, а с другой — составом комитета, который состоял, по словам А. М. Правдина, «преимущественно из лиц с духовно-академическим образованием»²⁹.

Но, несмотря на церковную направленность деятельности комитета, его члены внесли довольно значительный вклад в изучение истории нашего края. На страницах «Воронежской старины» увидели свет многие архивные документы, тысячи архивных дел были разобраны и описаны неутомимыми исследователями. Благодаря публикации историко-статистических описаний церквей и приходов до нас дошел облик Воронежа начала XX в., история создания некоторых архитектурных памятников города. Определенная работа была проделана в деле создания библиотеки и музея, а также популяризации исторических знаний.

Воронежский церковный историко-археологический комитет стоит в одном ряду с двумя другими краеведческими организациями города: Воронежским губернским статистическим комитетом и Воронежской ученой архивной комиссией и изучение его деятельности освещает один из этапов становления воронежского краеведения.

---

¹ Воронежский губернский статистический комитет, образованный в 1835 г. для ведения местной административной статистики, стал по-настоящему научным учреждением. В 50-х гг. XIX столетия в комитете активно работал Н. И. Второв. Большое научное значение имело издание комитетом «Памятных книжек Воронежской губернии».

² На месте Митрофанова (Митрофановского) монастыря находится в наши дни главный корпус Воронежского университета.

³ Воронежская старина, 1901, вып. 1, с. 5, 9.

⁴ Ныне это здание Воронежского монтажного техникума.

⁵ В наши дни — дом № 26 по ул. Орджоникидзе.

⁶ Воронежская старина, 1901, вып. 1, с. 2.

⁷ Там же, 1907, вып. 6, с. 279.

⁸ Там же, с. 303.

⁹ Там же, 1904, вып. 5, с. 433.

¹⁰ В. О. Ключевский был в то время председателем общества истории и древностей российских.

¹¹ Воронежская старина, 1901, вып. 1, с. 32, 37 (см. также: Воронежская старина, 1912, вып. 11, с. 314).

¹² Спасопреображенский Толшевский монастырь был основан в первой половине XVII в. на территории современного Верхнехавского района Воронежской области, на р. Усмань. Сейчас на месте монастыря находится управление Воронежского государственного заповедника.

¹³ Воронежская старина, 1901, вып. 1, с. 92—163.

¹⁴ Там же, 1904, вып. 5, с. 421. Донецкий монастырь находился на территории современного Богучарского района, вблизи сел Сухой Донец и Монастырщина.

¹⁵ Воронежская старина, 1904, вып. 5, с. 427.

¹⁶ Воронежская ученая архивная комиссия была основана в 1900 г. и занималась археологическим изучением губернии, заботой о краеведческом музее, организацией выставок, популяризацией старины; издавала свои «Труды». Возглавлял работу комиссии С. Е. Зверев (см. Чесноков В. И. Наследство ученой архивной комиссии. — В кн.: Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1979, с. 80—81).

¹⁷ Воронежская старина, 1904, вып. 4, с. 387.

¹⁸ Там же, 1901, вып. 1, с. 12.

¹⁹ Там же, 1913, вып. 12, с. 529.

²⁰ Там же, 1907, вып. 6, с. 280.

²¹ Например, выпуск 8-й «Воронежской старины», хранящийся в областной научной библиотеке им. И. С. Никитина, принадлежал раньше Симбирской ученой архивной комиссии, что говорит об обмене изданиями между комитетом и симбирскими археографами.

²² Воронежская старина, 1912, вып. 11, с. 316.

²³ Там же, 1907, вып. 6, с. 295.

²⁴ Там же, 1915—1916, вып. 14, с. 40.

²⁵ Описания эти составлялись приходскими священниками по вопросам анкеты, подготовленной членами комитета. Целью сбора этих описаний было изучение и разработка общей истории епархии (см. Воронежская старина, 1904, вып. 5, с. 416).

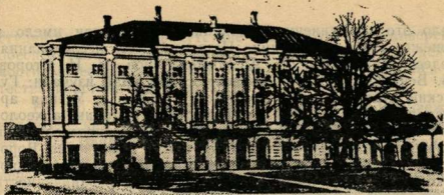
²⁶ Выпуск 10-й «юбилейный», целиком посвящен 50-летию со дня открытия мощей Тихона Задонского.

²⁷ Материал по биографии А. М. Правдина, С. Е. Зверева и некоторых других членов комитета можно найти в книге: Литвинов В. Памятные книжки Воронежской губернии (1856—1906 гг.). Воронеж, 1908. Кроме того, исследованию жизни и деятельности таких краеведов, как С. Н. Введенский, С. Е. Зверев и В. В. Литвинов, посвящены дипломные работы Н. П. Саленковой, Л. А. Мальцевой и Е. В. Захарьиной, написанные под руководством профессора ВГУ В. П. Загоровского соответственно в 1975, 1976 и 1978 гг. Указанные работы хранятся на кафедре истории СССР досоветского периода ВГУ.

²⁸ Чесноков В. И. Указ. соч., с. 85.

²⁹ Воронежская старина, 1901, вып. 1, с. 5.

В. Н. Глазьев

ВОРОНЕЖСКОЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 1920-х ГОДОВ

В 20-е гг. нашего столетия в г. Воронеже возникло краеведческое общество. Деятельность этой организации в литературе еще не рассматривалась. В настоящей статье сделана попытка обозначить основные направления краеведческой работы, которые прослеживаются в изданиях данного общества.

С победой Великой Октябрьской революции в нашей стране впервые стало возможным массовое краеведческое движение. Познание своей земли было для трудящихся одним из средств ее преобразования, способом овладения культурным наследием. 20-е гг. характеризуются бурным развитием краеведческого движения в СССР. Повсюду возникают многочисленные общества и кружки, призванные изучать местный край¹. С другой стороны, стало возможным подлинно научное изучение истории края на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, о классах и классовой борьбе. Однако становление советского краеведения было осуществлено не сразу, а в результате длительного процесса борьбы за расширение социальной базы движения, за внедрение марксистско-ленинской методологии в краеведческую науку, за освобождение краеведения от влияния буржуазной идеологии.

Воронеж не остался в стороне от движения по изучению родного края, в рамках которого здесь и возникло Воронежское краеведческое общество. Нам предстоит выяснить, какое место в развитии воронежского краеведения за-

нимало это объединение. Познание своей земли имело в Воронеже давние традиции. Историческими исследованиями здесь занимались Е. А. Болховитинов, Н. И. Второв, Л. Б. Вейнберг, Г. М. Веселовский. Наш край изучали: Губернский статистический комитет (с 1835 г.), Ученая архивная комиссия (с 1900 г.), Церковный историко-археологический комитет (с 1901 г.). Эти историки и краеведческие организации внесли существенный вклад в изучение Воронежского края, однако они не смогли выйти за рамки дворянско-буржуазной идеологии, преодолеть ограниченность представлений о сущности исторического процесса.

Воронежское краеведческое общество было создано в феврале 1924 г. по инициативе доцента Воронежского университета С. Н. Введенского². Он же стал председателем общества. Основное ядро общества составляли бывшие члены названных выше комиссий и комитетов по изучению Воронежского края: С. Н. Введенский, Т. М. Олейников — сотрудник исторического отдела Воронежского культурно-исторического музея, автор архивно-исторических работ по Воронежской губернии; В. В. Литвинов, заведующий библиотекой музея, известный воронежский библиограф; А. М. Путинцев, заведующий музеем литературы Воронежского края имени И. С. Никитина, исследователь творчества А. В. Кольцова, И. С. Никитина, народной поэзии и этнографии³. С. Н. Введенский в редакционной статье к первому выпуску «Воронежского краеведческого сборника» объявил о том, что созданное общество является преемником прежних воронежских краеведческих организаций⁴. Это, несомненно, наложило отпечаток на деятельность объединения, в которой сильны были традиции дореволюционного краеведения.

Краеведческая работа в обществе велась в тесной связи с Воронежским культурно-историческим музеем, при котором оно фактически и существовало. Н. В. Валукинский, заведующий музеем, автор работ по истории и этнографии Воронежского края принимал активное участие в деятельности Воронежского краеведческого общества. С объединением краеведов сотрудничали также многие видные ученые Воронежского университета: профессор Б. М. Козо-Полянский (ботаник), профессор К. С. Сент-Илер (зоолог), профессор, специалист в области истории медицины и здравоохранения Т. Я. Ткачев, профессор, специалист в области палеонтологии и геологии Н. Н. Боголюбов⁵. Организация состояла из представителей воронежской краеведческой интеллигенции и

студентов, причем присутствие видных ученых университета обеспечивало высокий уровень исследовательской деятельности общества, который в первую очередь проявлялся в естественноисторической области.

На что же было направлено изучение края Воронежским краеведческим обществом? Его задачи были сформулированы С. Н. Введенским в редакционной статье к первому выпуску «Воронежского краеведческого сборника»⁶. Коренной перелом в жизни страны, вызванный Великой Октябрьской социалистической революцией, определил ряд новых направлений в краеведении и, в частности, в деятельности Воронежского краеведческого общества по сравнению с предшествующими организациями, изучавшими Воронежский край. Впервые ставились задачи сделать результаты деятельности общества «доступными широким массам населения путем популяризации среди них краеведческих знаний»⁷. Особое внимание необходимо было уделить школе, развитию школьного краеведения. Таким образом, исследовательская работа общества должна была теперь сочетаться с распространением краеведческих знаний среди народных масс. Общество также считало необходимым «вести изучение производительных сил края в согласии с плановыми заданиями государственных и общественных учреждений, открывая тем возможность принимать активное участие в воссоздании народного хозяйства»⁸. В июле 1924 г. в Воронеже состоялась I областная конференция по изучению производительных сил Центрально-Черноземной области⁹, на которой был создан Союз краеведческих организаций ЦЧО. Секретарем научного совета Союза был избран С. Н. Введенский. Конференция нацелила исследователей, в том числе членов Воронежского краеведческого общества, на изучение природных богатств и хозяйства Центрально-черноземного края. Намеченные и сформулированные С. Н. Введенским цели общества отражали общие направления развития краеведения в стране в тот период¹⁰. Они согласовывались с решениями I и II краеведческих конференций, состоявшихся в Москве в 1921 и 1924 гг. Однако уже здесь наметилась тенденция «аполитизма», стремления к «бесклассовому краеведению»¹¹, которая проявлялась в деятельности С. Н. Введенского и общества в целом. Обращаем внимание на следующую деталь: С. Н. Введенский не употребляет слов «революция», «социализм», «трудящиеся», а хочет окрасить их в нейтраль-

ные тона, используя термины «новые условия жизни», «население» и т. д.

В соответствии с поставленными задачами общество вело исследовательскую и популяризаторскую работу в двух секциях: естественноисторической и культурно-исторической. В состав последней входили кустарно-промышленный и педагогический отделы. Несколько позднее, в декабре 1925 г., была образована финансово-экономическая секция. Вследствие полученного от Союза краеведческих организаций ЦЧО полномочия, общество действовало в качестве губернского объединения. Связь с местными краеведческими организациями, которые существовали в Усмани, Задонске, Землянке, Алексеевке и других местах, осуществлялась из Воронежа через периодический орган «Известия Воронежского краеведческого общества». Кроме того, краеведы из уездов часто обращались в общество за литературой и разъяснениями по различным вопросам. Воронежское краеведческое общество имело связь с Центральным бюро краеведения, постоянно информировало его о своей работе.

Результаты исследований общества сосредоточены в его изданиях: «Воронежский краеведческий сборник», «Известия Воронежского краеведческого общества», «Воронежская деревня». «Воронежский краеведческий сборник»¹² — неперiodическое издание, выходившее в момент наиболее благоприятного материального положения общества. В сборниках помещались статьи, не имеющие срочного характера. Ежемесячник «Известия Воронежского краеведческого общества» начал издаваться с июля 1925 г.¹³ На страницах «Известий» гораздо больше, чем «Сборниках», занимали исследования естественноисторической секции. Общей чертой названных изданий было значительное количество сведений справочного и информационного характера, помещенных с целью «удовлетворить прежде всего настоятельной потребности в таком руководящем материале для школьных работников и вообще лиц, заинтересованных краеведением на местах»¹⁴. Здесь сообщалось об этнографических экскурсиях, археологических раскопках в Воронежском крае, помещались библиографические материалы, публиковались сведения о музеях г. Воронежа. Для местных краеведов и школьников предназначались статьи проф. Н. Н. Боголюбова «Инструкция для собирания костей мамонта»¹⁵, археолога С. Н. Замятина «Инструкция для изучения первобытных древностей»¹⁶. Таким образом, издания общества в определенной мере бы-

ли направлены на распространение в народе краеведческих знаний, приобщение трудящихся к массовому краеведческому движению. «Проникая в глухие деревенские уголки, эти скромные книжечки должны пробудить интерес к краеведению, помочь педагогу в трудном деле подбора и обработки материалов для комплексов и связать отдельные, часто слабые и неудовлетворительные усилия в одно общее дружное дело краеведческой работы», — писал С. Н. Введенский¹⁷.

Задаче популяризации сведений о крае подчинялась исследовательская работа по изучению природы, экономики, истории и культуры Воронежской губернии. Краеведческие статьи публиковались в изданиях общества. При характеристике производительных сил края особое внимание уделялось кустарной промышленности, которая была широко распространена в губернии. По данным переписи губисполкома, проведенной в середине 1924 г., число кустарей в губернии составляло более 67 тысяч человек, тогда как в 1902 г. их насчитывалось около 33 тысяч. Застой промышленности в годы гражданской войны, нехватка промышленных товаров в годы восстановительного периода оказали влияние на рост кустарных промыслов. Партийные и советские органы проводили широкое кооперирование кустарей, оказывали им помощь в виде кредитов. В этой связи исследования кустарной промышленности были весьма актуальными в то время. Они содержат также важный, с точки зрения современных исследователей, фактический материал для характеристики мелкотоварного уклада в крае в период нэпа. Однако большинство экономических исследований, помещенных на страницах издания общества, не отвечали насущным задачам строительства социализма, не отражали созидательного пафоса той эпохи. Обходились молчанием важнейшие вопросы борьбы за техническое перевооружение производства, коллективизацию сельского хозяйства, ликвидацию остатков капитализма в городе и деревне. Показательна в этом отношении точка зрения по вопросу о первом пятилетнем плане члена общества, работника областной плановой комиссии доцента А. Н. Татарчукова, который был противником индустриализации области¹⁸, считая, что «основная задача хозяйственного развития в области — это коренная перестройка сельского хозяйства»¹⁹.

Некоторое исключение составляли работы цикла «Воронежская деревня», изданные Воронежским краеведческим обществом. В ноябре—декабре 1924 г. по поручению мест-

ных органов советской власти было проведено обследование деревни в различных районах Воронежской губернии, что явилось ответом на призыв партии усилить работу в деревне. Предметом изучения были три волости: Ровеньская Россошанского уезда; Большеверейская Воронежского уезда; Новочигольская Бобровского уезда. Материалы обследования легли в основу цикла «Воронежская деревня»²⁰. Автором двух исследований был И. П. Тарадин, одну книгу написал Ф. Железнов. Работы цикла представляют собой глубокие и всесторонние описания экономики, быта и культуры деревни.

В исследованиях даются также сведения по истории изучаемых волостей: рассказывается об их заселении, крепостном праве, о преобразованиях в деревне в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. К революционной тематике в изданиях общества больше других примыкали исследования И. П. Тарадина, который в 1927 г. преподавал историю культуры в ВГУ, исторический материализм в сельскохозяйственном институте, историю ВКП(б) и ленинизм в ветеринарном институте²¹. В 1927 г. И. П. Тарадин редактировал работу, выпущенную бюро испарта Воронежского губкома партии к десятилетию Советской власти, «Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии»²².

Исторические исследования — интересный аспект деятельности Воронежского краеведческого общества. Здесь выпукло отражались взгляды его членов на сущность исторического процесса, цели и задачи краеведения. Направления исторических исследований и их характер определялись С. Н. Введенским, председателем общества и редактором его научных изданий. Касаясь задач исторического краеведения, он справедливо отмечал необходимость «подробно изучать все местное, для того, чтобы лучше познать общее и на частном прочно построить те выводы, и законы, которые являются основной целью науки»²³. С. Н. Введенский наметил в истории Воронежского края такие основные моменты, которые видимо и наглядно связывают ее с важными научными задачами исторической науки страны. Такими моментами, по его мнению, являются: колонизация, развитие промышленности и сельского хозяйства, просвещение в Воронежской губернии. Сам С. Н. Введенский большинство исследований посвятил вопросам колонизации Придонья. В статьях, опубликованных в изданиях Воронежского крае-

ведческого общества, он подвел итог своим научным исканиям, нарисовав ход заселения территории Воронежского края²⁴.

Таким образом, С. Н. Введенский четко понимал значение местной истории и, в частности, истории Воронежского края для решения задач, стоявших перед историками Русского государства. Ему принадлежит заслуга в разработке ряда вопросов колонизации Воронежского края. Им был проанализирован ряд документов по истории заселения южных рубежей Русского государства. Однако С. Н. Введенский, оставаясь на либерально-демократических позициях, не понимал роли классово-борьбы в жизни общества, проповедовал «бесклассовое краеведение»²⁵. Среди основных моментов в истории Воронежского края им был выделен вопрос о революционном движении в губернии, борьбе пролетариата и крестьянства за свое освобождение. Мироззрение С. Н. Введенского формировалось на протяжении всей его жизни. Исторические взгляды его сложились под воздействием В. О. Ключевского, крупнейшего представителя русской буржуазной историографии. В советскую эпоху С. Н. Введенский не смог решительно порвать со своими старыми убеждениями. После революции он продолжал поддерживать связи с некоторыми священнослужителями. Эти обстоятельства повлекли за собой исключение его из рядов преподавателей Воронежского университета в 1929 г.²⁶

Члены общества делают попытки обратиться к истории освободительного движения в России. Т. М. Олейников в статье, помещенной в первом выпуске «Воронежского краеведческого сборника», рисует картину крестьянских волнений в губернии в 1905 г.²⁷ Материалы для статьи были почерпнуты из бывшего архива губернатора. Но, помещая в статье интересные факты, автор не оценивает их критически и не делает обобщающих выводов, что снижает ценность работы. Статья В. В. Литвинова была посвящена декабристу, уроженцу Воронежской губернии Е. Е. Лачинову²⁸. Работа носит справочно-библиографический характер. Заслуга автора состоит в привлечении новых архивных документов, составляющих «Дело о роде дворян Лачиновых» из архива бывшего Воронежского депутатского собрания.

Исследования Воронежского краеведческого общества не замыкались в узкие рамки одной лишь Воронежской губернии. Организация публиковала материалы, которые имели связь с уроженцами края или с местными хранилищами

памятников, но по своему содержанию представляли и более широкий научный интерес. Характерна в этом отношении статья К. П. Архангельского «Из истории кружка Н. В. Станкевича»²⁹. Автор касается некоторых вопросов, связанных с историей кружка Н. В. Станкевича. При этом он использует материалы из архива Я. М. Неверова, друга Н. В. Станкевича, находящиеся в Московском историческом музее. Характеризуя взгляды демократа, К. П. Архангельский обоснованно заключает, что «Н. В. Станкевич как типичный русский идеалист был противником всяких насильственных потрясений» и считал, что распространение народного образования вызовет избавление от крепостной зависимости³⁰. Статья К. П. Архангельского, посвященная малоисследованному явлению в истории русской общественной мысли, несомненно, представляет научную ценность.

Исторические исследования общества касались следующих важных проблем: характеристика колониационного процесса, культурное развитие края, крестьянское движение в Воронежской губернии до революции. Однако уровень статей был неодинаков, наряду с исследовательскими работами публиковались простые описания исторических фактов. По-видимому, некоторые авторы увлекались популяризаторской стороной в ущерб научной. С другой стороны, история революционного движения в крае (борьба пролетариата за освобождение, деятельность воронежских революционеров, история Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в крае) почти не рассматривалась на страницах изданий общества.

В конце 20-х гг. начался новый этап в развитии краеведения в СССР. Обострение классовой борьбы в стране вызвало усиление идеологической борьбы, борьбы за внедрение марксистско-ленинской методологии в науку вообще и в частности в краеведение. В 1927 и 1930 гг. в Москве состоялись III и IV краеведческие конференции, которые вынесли решения по существенным проблемам, касавшимся содержания и целей краеведения. В 1930 г. при Коммунистической академии была организована секция по краеведению, а в 1931 г. создано Общество краеведов-марксистов. Главным направлением развития краеведения стала борьба за массовость движения, вовлечение его в русло социалистического строительства.

В феврале 1929 г. в Воронеже создается Областное бюро краеведения, которое затем распустило Воронежское крае-

ведческое общество³¹. В феврале 1930 г. было создано новое Воронежское городское краеведческое общество, состав которого обновился почти полностью³². Какие причины вызвали роспуск общества? Организация краеведов не смогла стать массовым обществом, объединяющим трудящихся в интересах строительства социализма. Состоявшее в основном из представителей интеллигенции, общество имело узкий социальный состав, оставалось замкнутым объединением. Многие представители дореволюционного краеведения, вступившие в организацию, не смогли порвать со старыми взглядами, активно включиться в создание новой жизни. Общество было распущено вследствие «засоренности» его «социально-чуждыми элементами»³³. Ему были присущи также общие недостатки краеведческой работы 20-х гг. Тематика краеведческих исследований была далека от насущных задач борьбы за социализм. «Ни для кого не секрет, — писал в январе 1930 г. В. Н. Алексеев, — что краеведение долгое время... плелось в хвосте событий и не отвечало тем запросам, которые ему ставило наше строительство»³⁴. К этому следует добавить, что в исторических исследованиях общество не смогло преодолеть традиций дореволюционного краеведения. Вопросы революционного движения в крае не получили должного освещения на страницах изданий организации краеведов, несмотря на попытки обращения к этой тематике.

И все же нельзя однозначно оценивать деятельность общества. Ставя перед собой задачу популяризации краеведческих знаний, объединение способствовало пробуждению в народе интереса к родной земле, ее прошлому и настоящему. Собранный в изданиях общества богатый фактический материал о природе, экономике Воронежской губернии в 20-е гг. нашего столетия может быть использован воронежскими краеведами и сейчас. Положительным моментом, характерным для исторических исследований общества, является стремление изучать прошлое края не обособленно, а в связи с историей всей страны. Наконец, деятельность общества представляет интерес и в организационном отношении. Действовавшее в г. Воронеже в качестве губернского объединения общество служило передаточным звеном между Центральным бюро краеведения при Академии наук республики и краеведческими организациями на местах. Изучение опыта 20-х гг. необходимо для успешной краеведческой работы в наши дни.

¹ А. М. Разгон приводит следующие данные: если до 1917 г. в стране значилось 155 краеведческих организаций (в том числе 94 музея), то уже в 1923 г. имелось 516 организаций (в том числе 285 музеев); в 1927 — соответственно 1763 и 576; в 1930 — 2334 и 409 (Разгон А. М. Пути советского краеведения. — История СССР, 1967, № 4, с. 193).

² О С. Н. Введенском см.: Загоровский В. П. История Воронежского края от А до Я. Воронеж, 1982, с. 50—51.

³ Подробнее о А. М. Путинцеве см.: Ласунский О. Г. А. М. Путинцев — историк литературы, этнограф и фольклорист. Воронеж, 1969.

⁴ Введенский С. Н. Воронежское краеведческое общество и его задачи. — Воронежский краеведческий сборник (далее ВКС). Воронеж, 1924, вып. 1, с. 1.

⁵ Названные ученые упоминаются в издании: Научные работники Воронежа. Справочник. Сост. Сушкевич, Воронеж, 1927.

⁶ Введенский С. Н. Указ. соч., с. 1—4.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Подготовительная работа по объединению губерний центрально-черноземного района России, как видно из документов, началась уже в это время. Как известно, Центрально-Черноземная область (ЦЧО) была образована позже, в 1928 г.

¹⁰ Первая областная конференция по изучению производительных сил ЦЧО. Краткий отчет / Под ред. Б. А. Петерс и С. Н. Введенского. Воронеж, 1924.

¹¹ Комаров А. Краеведение ЦЧО на новых путях. — В кн.: Краеведческий альманах. Воронеж, 1931, кн. 1, с. 6.

¹² ВКС, Воронеж, 1924, вып. 1; ВКС, Воронеж, 1925, вып. 2; ВКС, Воронеж, 1925, вып. 3; ВКС, Воронеж, 1927, вып. 4.

¹³ Известия Воронежского краеведческого общества (далее: Известия ВКО). Воронеж, 1925—1926, № 1—12; 1927, № 1—5. (У нас нет сведений о том, когда и почему прекратилось издание «Известий». В нашем распоряжении последними были № 3—5 за март—май 1927 г. — объединенный выпуск).

¹⁴ Введенский С. Н. Указ. соч., с. 4.

¹⁵ ВКС, вып. 2, с. 37—40.

¹⁶ Там же, с. 41—44.

¹⁷ Введенский С. Н. От редакции. — Известия ВКО, 1925, № 1, с. 2.

¹⁸ Очерки истории Воронежской области, Воронеж, 1967, т. 2, с. 139—140.

¹⁹ Татарчуков А. Н. Центрально-Черноземная область. Воронеж, 1928, с. 60.

²⁰ Тарадин И. Слобода Ровеньки. — Воронежская деревня. Воронеж, 1926, вып. 1; Тарадин И. Золотое дно. Воронеж, 1928; Железнов Ф. Большеверейская волость. Воронеж, 1926.

²¹ Научные работники Воронежа, Справочник, с. 6, 26.

²² Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии / Под ред. И. П. Тарадина. Воронеж, 1927.

²³ Введенский С. Н. Основные моменты в хозяйственной, обще-

ственной и культурной истории Воронежского края. — ВКС, вып. 1, с. 16.

²⁴ Введенский С. Н. Указ. соч., с. 5—10; Он же. Об украинском населении в пределах Воронежской губернии. — ВКС, вып. 2, с. 3—6.

²⁵ Краеведение ЦЧО. Воронеж, 1931, вып. 1, с. 31.

²⁶ Ашурков Е. Звание советского ученого несовместимо с поповскими убеждениями. — Красный университет, 1929, 19 нояб.

²⁷ Олейников Т. М. Из истории крестьянских волнений в 1905 г. в пределах Воронежской губернии. — ВКС, вып. 1, с. 16—29.

²⁸ Литвинов В. В. Декабрист Е. Е. Лачинов. — Известия ВКО, 1926, № 7—9 (объединенный выпуск), с. 1—5.

²⁹ Н. В. Станкевич (1813—1840) — видный русский общественный деятель, мыслитель и поэт, был уроженцем Острогожского уезда Воронежской губернии (ВКС, вып. 1, с. 29—44).

³⁰ Архангельский К. П. Из истории кружка Н. В. Станкевича. — ВКС, вып. 1, с. 34.

³¹ Комаров А. Указ. соч., с. 7.

³² Краеведение ЦЧО. Воронеж, 1931, вып. 1, с. 29.

³³ Комаров А. Указ. соч. с. 6—7.

³⁴ Алексеев В. Н. В ногу с пролетариатом. (К первому областному краеведческому съезду). — Коммуна, 1930, 25 янв.

СОДЕРЖАНИЕ

Загоровский В. П. История города Воронежа и ее исследователи	3
Лаппо Д. Д. Из переписки В. И. Ленина с воронежцами в 1919—1920 годах	29
Солодкин Я. Г. Первые годы существования Воронежа	42
Загоровский П. В. Пригороды Воронежа в XVII веке — Костенск и Орлов	52
Лавринов Ю. М. О месте расположения воронежской верфи в 1696 году	63
Кубанева Л. И. Голландский путешественник Корнелий де Бруин и его описание города Воронежа в 1703 году	70
Акинъшин А. Н. Описания города Воронежа периода 1773—1838 годов	77
Митин В. А. Постройки Джакомо Кваренги в Воронеже	87
Аббасов А. М. Воронежская ученая архивная комиссия и ее исследования по истории города Воронежа (1900—1918 гг.)	99
Скобелкин О. В. Воронежский церковный историко-археологический комитет и его издание «Воронежская старина»	115
Глазьев В. Н. Воронежское краеведческое общество 1920-х годов	125

ИБ № 975

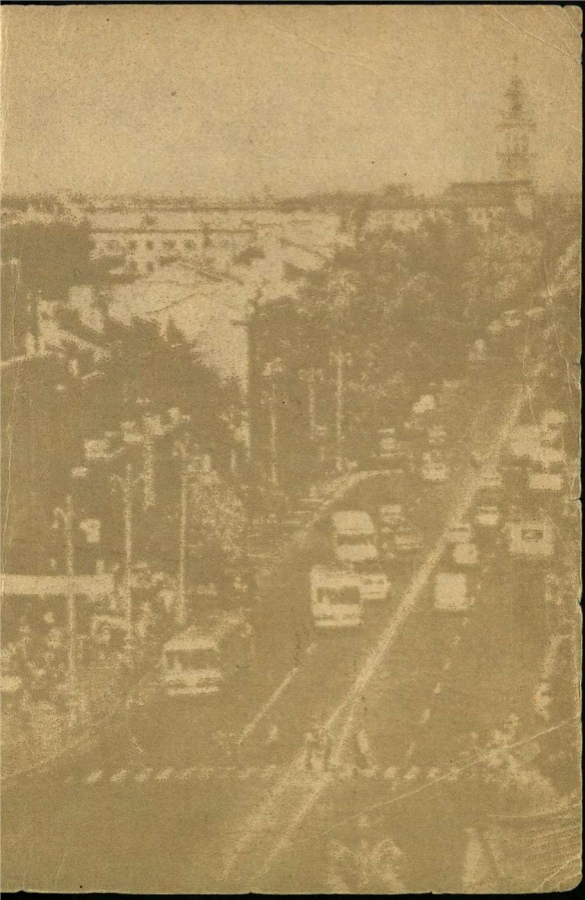
ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА ВОРОНЕЖА

Редактор В. А. Муконина
Художник-редактор Л. А. Клочков
Технический редактор Ю. А. Фосс
Корректоры И. С. Злобина,
Г. И. Старухина

Сдано в набор 28.10.83. Подп. в печ. 24.12.83.
ЛЕ 00524. Форм бум. 60x84/16. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 7,9. Усл. кр.-отт. 8,2. Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 3000. Заказ 2109. Цена 90 коп.

Издательство Воронежского университета
Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Типография издательства ВГУ
Воронеж, ул. Пушкинская, 3

90 кѡн.